THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS

Tsvetaev, Lev Alekseevich
Panorama
Pariza

ПАНОРАМА ПАРИЖА,

или

ОПИСАНІЕ

СЕГО ГОРОДА И ЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ.

Сочиненіе

ЛЬВА ЦВѢТАЕВА.

Второе исправленное Изданіе.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1822.

DC 707
.T8
1822

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. *Августа 7 дня* 1822 *года.* Книгу сію разсматривалъ *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ*

ИВАНЪ ДВИГУБСКІЙ.

Изданіе Коммисс. ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Универ. *А. С. Ширяева.*

ПРЕДИСЛОВІЯ.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Парижъ есть такой славной и богатой рѣдкостями городъ, что всякой любопытствуетъ знать о немъ. Сочинитель сей книжки, по возвращеніи изъ онаго въ отечество, испыталъ собою сіе любопытство, долженъ будучи отвѣчать на тысячи вопросовъ касательно столицы Франціи; сіе—то

побудило его посвятить дни отдохновенія отъ должности своей, чтобъ написать *Панораму Парижа*; не имѣя кисти Мерсьеровой и достаточнаго времени, онъ не отважился писать картины, которая должна быть очень обширна: но и въ *Панорамѣ* любопытные увидятъ все и притомъ, можно увѣрить смѣло, въ настоящемъ видѣ, хотя иное издали, другое только снаружи, а инаго одинъ верьхъ. Живописецъ почти

всегда льститъ, на щетъ истинны, подлиннику, чтобъ тѣмъ украсить свою работу; для писца *Панорамы* это не нужно; вѣрность есть главное ея достоинство. Здѣсь описаны всѣ предметы такъ, какъ они поражали Сочинителя; онъ слѣдовалъ только своимъ чувствованіямъ, не совѣтуясь съ другими путешественниками: журналъ его и память были главными и единственными его пособіями.

Критики найдутъ въ

сей книгѣ довольно для себя матеріи. Сочинитель самъ чувствуетъ недостатки оной, но надѣется, что нѣсколько уважено будетъ то, что она есть произведеніе одного мѣсяца; онъ спѣшитъ представить ее Публикѣ для того, чтобъ по перемѣнчивымъ нынѣшнимъ Политическимъ обстоятельствамъ многое не сдѣлалось скоро старымъ, заглушено будучи другими позднѣйшими новостями. Впрочемъ онъ не славы для се-

бя ищетъ, а удовольствія для своихъ соотечественниковъ, и счастливымъ себя почтетъ, естьли доставитъ имъ онаго хотя на нѣсколько минутъ. — 1805.

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Давно уже многое, въ сей книжкѣ написанное, сдѣлалось, какъ я предвидѣлъ, старымъ, но донынѣ ее читаютъ; давно уже первое изданіе ея вышло, но еще требуютъ ее въ книжныхъ лавкахъ; приписывая все это не достоинству сочиненія моего, но благосклонности Публики, я рѣшился, въ надеждѣ на оную, издать его во второй разъ.

Второе изданіе можетъ похвалиться предъ первымъ и лучшею печатью и большею исправностію: впрочемъ оно не умножено само въ себѣ; прибавленная на концѣ піэса не къ однимъ Парижанамъ относится.—1822.

Л. Цвѣтаевъ.

ПАНОРАМА ПАРИЖА.

I.

НАРУЖНЫЙ ВИДЪ ПАРИЖА.

Maior e longinquo reverentia.

Парижъ и жилище модъ, вкуса, пріятностей, вотъ идеи неразлучныя между собою! съ ними — то всякой чужестранецъ подъѣзжаетъ къ нему, и сердце его бьется отъ нетерпѣливости видѣть славный этотъ городъ; — онъ въѣзжаетъ — и думаетъ найти вездѣ опрятность, чи-

стоту, щегольство, богатство, — но, къ крайнему своему изумленію, на первомъ шагу встрѣчаетъ рубища, находитъ нечистоту и видитъ домы высокіе, но безъ вкуса и симметріи построенные, улицы кривыя и тѣсныя, и онъ не можетъ не повторить нѣсколько разъ отъ удивленія, какъ *Руской Путешественникъ*: это — то Парижъ? это — то Парижъ?

Правда, здѣсь нѣтъ развалинъ подлѣ гордыхъ чертоговъ, нѣтъ бѣдной хижины, вросшей въ землю, подлѣ великолѣпнаго дома, какъ у насъ въ Москвѣ: но за то часто между двухъ огромныхъ палатъ возвышается также въ 5 или 6 этажей домикъ, не шире въ основаніи 3 саженъ, весь закопченый, съ разби-

тыми окнами, изъ которыхъ выглядываютъ блѣдныя, изсохшія лица! Таковъ видъ всѣхъ предмѣстій вообще, гдѣ живутъ Парижскіе бѣдняки (*), предъ которыми большая часть нашихъ нищихъ богачи.

Далѣе — къ центру города вы находите болѣе красоты и правильности въ строеніяхъ, но болѣе нечистоты и грязи на улицахъ; нѣтъ ни при одномъ домѣ двора, изо всѣхъ этажей проведены трубы на улицу, въ которыя льютъ и сыплютъ все: во всякой улицѣ есть нѣсколько мясныхъ, колбасныхъ лавокъ, изъ которыхъ течетъ

(*) Многіе изъ нихъ доведены до крайности искать себѣ пищи въ сору, выкидываемомъ изъ кухонь.

кровь на улицы, а къ угламъ домовъ изо всѣхъ кухонь вываливаютъ всякой соръ; Ресторатеры одни насыпаютъ груды устричныхъ раковинъ: отъ всего этого въ Парижѣ безпрестанная грязь и безпрерывно дурной запахъ, не смотря, что каждое утро въ 9 часовъ проѣзжаетъ, я думаю, тысяча фуръ и телегъ, для освобожденія улицъ отъ нечистоты.

Самая лучшая часть города есть *Chaussée - d'Antin*, гдѣ нынѣ живутъ всѣ почти банкиры, новые богачи и люди въ послѣднемъ вкусѣ. Домы огромнѣе и красивѣе, улицы прямѣе и чище: но самая пріятная для житья и для прогулокъ есть Бульваръ; начиная отъ воротъ Ст. Оноре, почти до того мѣста, гдѣ

была Бастилія (пространство, имѣющее длины версты четыре) ограничиваютъ его прелестные домики, небольшіе, но со вкусомъ построенные; тутъ тысячи лавокъ и кофейныхъ домовъ, нѣсколько ресторатеровъ, лотерейныхъ конторъ; на одномъ Темпельскомъ бульварѣ, т: е: на верстѣ пространства, вы видите 15 театровъ, отдѣляемыхъ между собою только кофейными домами: они всѣ построены съ пріятною для глазъ архитектурою.

Есть и въ Парижѣ огромныя зданія, но только казенныя, которыхъ такъ мало, что можно легко перещитать всѣ; а ни одинъ приватной человѣкъ не имѣетъ такого дома, каковые имѣютъ у

насъ Шереметевы, Пашковы, Куракины и проч. Самыя лучшія зданія въ Парижѣ суть церкви, изъ которыхъ многія сдѣлались въ Революцію *собственностію народа*, но другія отверсты Богослуженію. Церкви Св. Сульпиція, Евстаѳія, Рока суть такіе памятники, которые могутъ служить образцами архитектуры въ позднѣйшія времена.

Парижъ богатъ также площадьми, набережными, мостами; площадей щитается девять, но всѣхъ обширнѣе Карусельская (*) передъ дворцомъ Тюльерійскимъ; на ней во время парадовъ помѣщается весьма свободно конница, въ Парижѣ находящаяся, щи-

---

(*) Ширину ея полагаютъ въ 400 Фран. футовъ.

тая тутъ и конную артиллерію, и этого будетъ тысячь восемь, сверхъ чрезвычайнаго множества зрителей. Послѣ сей, восьми-угольная Вандомская площадь заслуживаетъ вниманіе; она окружена прекрасными одинакой архитектуры и симетрически расположенными домами; послѣ этой еще достойна любопытства круглая площадь *Побѣдъ*; здѣсь уже приготовленъ пьедесталъ для будущаго монумента въ память Трофеевъ Франціи, такъ какъ и Вандомская опредѣлена на постановленіе памятника Карлу Великому.

Оба берега Сены чрезъ весь почти городъ, т: е: верстъ на шесть разстояніемъ, обведены дикимъ камнемъ съ спокойными сходами и съѣзда-

ми, и, такъ сказать, связаны между собою каменными мостами, которыхъ пять, одинъ не подалеку другаго и одинъ другаго лучше.

Но есть шестой мостъ (*), нынѣшній годъ (1804) отстроенный, только для пѣшихъ; — самая большая часть Парижанъ ходитъ пѣшкомъ; между мостами Новымъ и Тюльерійскимъ пространство выходило довольно большое; многіе лѣнились обходить, и для того переѣзжали въ лодкахъ; нѣкоторые замысловатые люди не упустили этого случая, чтобъ не основать на немъ очень выгоднаго предпріятія; они купили по контракту у Правительства позволеніе выстро-

(*) Седьмой мостъ уже строится.

ить тутъ, гдѣ былъ перевозъ, мостъ для пѣшихъ; и построили его на свой коштъ, съ условіемъ собирать 20 лѣтъ по одному су съ проходящаго человѣка; они истощили все искуство для пріятности и удобства проходящихъ по надобности и для привлеченія даже постороннихъ, которые бы находили удовольствіе гулять на немъ; они сдѣлали самое основаніе только каменное, арки желѣзныя, а помостъ деревянной, гладкой, какъ полъ въ комнатахъ, и широкой; огородили красивою рѣшеткою и по мѣстамъ уставили фонариками, и отдали еще въ наемъ одному садовнику, которой уставилъ его по краямъ лимонными и померанцовыми де-

ревьями; подъ каждымъ деревомъ поставленъ стулъ; изъ этого вышло препріятное и прохладное въ лѣтніе вечера гулянье; это маленькое изображеніе висячихъ Вавилонскихъ садовъ; засвѣченные фонари представляютъ ежедневно прекрасную иллюминацію; тутъ есть и кондитеръ для прохлажденій, и они вѣрно въ пять лѣтъ соберутъ весь свой капиталъ; прекрасная и выгодная выдумка!—

Теперь что заключить о Парижѣ?—Онъ не великолѣпной, но пріятной городъ; уступитъ Петербургу, но превосходитъ Москву, есть-ли не количествомъ пышныхъ домовъ, то вообще огромностію зданій; въ немъ нѣтъ ни одного почти дома ниже 4хъ этажей.

II.

МНОГОЛЮДСТВО И ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

Что видимъ мы въ Москвѣ во время Святой недѣли подъ качелями, во время Масленицы на горахъ и въ торговой день въ Городѣ, все это представляется въ Парижѣ всякой день и во всѣхъ частяхъ города.

Парижъ состоитъ изъ пяти или шести — этажныхъ домовъ, не отдѣляемыхъ между собою ни чѣмъ; всѣ они съ подъѣздами и въ цѣломъ городѣ нѣтъ почти особливыхъ воротъ, такъ какъ и забо-

ровъ, потому что нѣтъ не только садовъ, но даже дворовъ, какъ я выше сказалъ, или при очень рѣдкихъ домахъ; отъ этого на гораздо меньшемъ пространствѣ, нежели Москва, Парижъ имѣетъ почти вдвое болѣе жителей, нежели наша древняя столица (*); всѣ улицы наполнены народомъ, даже въ предмѣстіяхъ, гдѣ каждой уголокъ занятъ семьею; вездѣ идутъ, ѣдутъ, бѣгутъ, скачутъ. Весь городъ можно назвать гостиннымъ дворомъ;

(*) По исчисленію въ Парижѣ щитается 750, ооо жителей, свадебъ бываетъ до 4600, умираетъ отъ 18 до 20000 человѣкъ. Парижъ въ поперешникѣ имѣетъ двѣ, а въ окружности 6 миль Французскихъ.

ибо всѣ нижніе этажи, что Французы называютъ *Rez-de-chaussée*, обращены въ лавки, кофейные домы, лотерейныя конторы и въ съѣстные трактиры (*Restaurateurs*); куда ни поди, вездѣ найти можешь все; тамъ подлѣ ювелира живетъ сапожникъ, подлѣ модной торговки мясникъ, подлѣ книжника кузнецъ; вездѣ вы можете лѣтомъ прохладить жажду, зимой согрѣться, вездѣ утолите голодъ; здѣсь можно размѣнять всѣхъ націй деньги; тутъ подлѣ проиграть ихъ въ лотерею или въ карты, а съ другой стороны заемный домъ, гдѣ во всякое время можете заложить свои вещи; вездѣ толпятся люди, то покупающіе, то продающіе; въ нѣсколько голосовъ кричатъ:

по воду! по воду! нѣтъ ли стараго платья продать? тотъ, нося на спинѣ всю точильню, вызываетъ вострить ножи и ножницы; другой продаетъ тизану, рыбу и разные другіе товары; вездѣ вы слышите музыкантовъ съ скрыпками и органами, или пѣвцовъ поющихъ.

Но если пойдете по набережной отъ Лувра до моста Богоматери, тутъ, разстояніемъ версты на 2, увидите вы рой людей, которые какъ муравьи кишатъ; тутъ найдете вы непрерывной рядъ кукольныхъ комедій, около которыхъ множество музыкантовъ, которые, стоя на скамейкахъ, цѣлой день поютъ водевили, сопровождая сами себя на скрыпкахъ; множество разнаго

рода шарлатановъ, изъ которыхъ одни дѣлаютъ фокусъ-покусъ, другіе разными способами — по нумерамъ, по вертушечкѣ, на картахъ предсказываютъ будущую судьбу, удачу въ любовныхъ дѣлахъ — и — въ лотереѣ; подалѣе показываютъ рѣдкихъ звѣрей и птицъ; до всего есть любопытные и охотники; иной слушаетъ музыкантовъ, другой смотритъ комедію или фокусъ-покусъ, третій ворожится, и все это за одинъ или за два су. —

Взгляните на рѣку, и вы увидите, что она вся покрыта барками съ угольями и дровами, плывучими мѣльницами и плотами, на которые будто бы со всего свѣта сошлись прачки, какъ говоритъ Коцебу; — словомъ сказать,

весь Парижъ представляетъ такую живую картину, которая поражаетъ удивленіемъ и весьма занимаетъ примѣчательнаго иностранца.

III.

ПРЕДМЕТЫ, ВИДИМЫЕ НА УЛИЦАХЪ ПАРИЖА.

Я показалъ Читателю Парижъ во всей его массѣ; теперь уже поведу его гулять по улицамъ, чтобы посмотрѣть разныхъ любопытныхъ сценъ, тамъ встрѣчающихся.

Но прежде, нежели что либо встрѣтимъ, уже намъ на-

доѣдятъ чистильщики сапоговъ крикомъ своимъ: *Cirer vos bottes*, *Messieurs*; ибо на всякой улицѣ стоятъ они кучами. Вооружимся терпѣніемъ. Вотъ толпа людей! Что тутъ такое? Здѣсь читаютъ объявленія о піэсахъ, какія даютъ въ театрахъ, гдѣ балъ, гдѣ концертъ, гдѣ фейерверкъ— какой новой балансеръ или музыкантъ пріѣхалъ, какой новой открылся театръ и проч. цѣлой уголъ крайняго дома улѣпленъ желтыми, красными, синими и бѣлыми аффишками, и это на всѣхъ почти улицахъ!

Посмотрите повыше на надпись улицы: это улица *Закона* (Rue de la Loi), вы удивляетесь? но такія ли есть пышныя надписи! на примѣръ:

улица *правъ человѣка*, улица *общественнаго договора*, (въ честь извѣстной Руссовой книгѣ: *Contrat social*), улица *Равенства*; взгляните между тѣмъ на этотъ домъ; какія значительныя слова: *Свобода*, *Равенство*, *Братство* — тутъ слѣдовало слово *Смерть*: но его изгладили, прочее осталось на стѣнахъ, и *нигдѣ больше*. Это что за дерево? — это древо *Вольности*! но сѣкира уже лежитъ при корнѣ его. Это что за площадь? — это площадь *Согласія*. Этотъ мостъ какъ называютъ? — мостомъ *Революціи*; этой набережной какъ прозванье? — она прозывается *Бонапартовою*.

Вотъ еще толпа людей — они стоятъ подлѣ магазина эстамповъ; здѣсь все на по-

казъ; у купца нѣтъ ничего спрятаннаго въ лавкѣ, онъ все выставляетъ; бѣда, естьли кошелекъ съ вами и онъ полонъ!—нѣкоторые смотрятъ на эстампы, а большая часть на каррикатуры, которыя представляютъ Англичанъ въ разныхъ положеніяхъ. Здѣсь они въ видѣ ословъ учатся артикулу; тамъ Питтъ ѣдетъ верьхомъ на Королѣ; Дракъ, съ крыльями на ногахъ и съ портофелью подъ пазухой, улепетываетъ изъ Карлсруге и проч. и проч.

Что это за прелестные домики плаваютъ по Сенѣ, съ прекрасными палисадниками? это бани.— А этотъ человѣкъ что показываетъ? онъ показываетъ микроскопъ; — что тутъ удивительнаго? — ничего, кромѣ догадки Фран-

цуза ; вѣрно въ Парижѣ есть около 100000 человѣкъ, которые не глядывали въ микроскопъ и изъ нихъ по крайней мѣрѣ 25 человѣкъ пройдутъ въ день мимо его и полюбопытствуютъ видѣть комара, блоху въ увеличительномъ видѣ; каждой заплатитъ по 1 му су и онъ сытъ съ своимъ семействомъ. — Не много подалѣе одинъ музыкантъ составилъ цѣлой концертъ; онъ успѣваетъ въ одно и тоже время играть на арфѣ, на флейтѣ, и бить такту въ барабанчикъ.

Отсюда пойдемъ на новой мостъ; припасайте руки; вамъ на каждомъ шагу будутъ совать бумажки. Что на нихъ напечатано? въ нихъ нѣкоторые лѣкари истощаютъ все свое краснорѣчіе для при-

влеченія къ себѣ больныхъ; по словамъ ихъ они лѣчатъ всякаго рода болѣзни, а особенно в. . . . . и притомъ такъ способно, что можно всюду выходить, тайну будутъ хранить наискрытнѣйшимъ образомъ; ни родители, ни начальники не узнаютъ. — Какъ бы нѣкоторые изъ Москвитянъ желали имѣть здѣсь такихъ услужливыхъ лѣкарей! —

Это что за звонъ? слѣпой, не желая даромъ получать милостыню, накупилъ колокольчиковъ, не говоря ни слова трезвонитъ въ нихъ; прохожій, догадайся и — положи ему въ стаканчикъ монетку. А вотъ за другаго слѣпаго проситъ, такъ сказать, его собачка; она водитъ его по городу, таща изо всей силы,

предостерегаетъ, что бы онъ обо что не ушибся, или чтобъ не задавили его; инстинктъ ея возбуждаетъ къ ней и къ водимому вниманіе, и су падаетъ въ его стаканчикъ. Желаете ли видѣть слѣпыхъ, играющихъ въ пикетъ? пойдемте на бульваръ; тамъ на открытомъ воздухѣ сидятъ они за картами. Кто изъ нихъ выигралъ?— оба, а вы проиграли, если можно назвать проигрышемъ то, что дадите имъ, посмотрѣвши на ихъ игру.

Но вотъ жалкая сцена! Семидесяти-лѣтняя чета, едва дышущая и едва движущаяся, стыдится или не хочетъ вымаливать подаянія, кое-какъ бормочетъ сквозь беззубыя десны водевиль и подъ оный танцуетъ, или, лучше ска-

зать, кружится на одномъ мѣстѣ.

Мы подошли теперь къ хлѣбному рынку; потупьте здѣсь глаза и заткните уши; здѣсь живетъ непотребство и развратъ; намъ свистятъ, насъ кличутъ, насъ приманить хотятъ и самымъ наглымъ безстыдствомъ!... Удалимся скорѣе отсюда.—

Посмотрите на этотъ экипажъ; цѣлая тележка, наполненная наряженными собаками, запряжена парою собакъ же; хозяинъ идетъ за ними съ барабаномъ; вотъ здѣсь просторно; онъ останавливается, начинаетъ играть въ дудочку и собаки его всѣ попрыгали вонъ изъ тележки и пляшутъ; хотите—дайте су, или нѣтъ, но искусникъ не богатѣе, а про-

мышленнѣе нищаго; облаготворите его, дайте 5, и онъ въ восхищеніи!

Но вотъ и балансеръ; онъ разостлалъ свою рогожку, показываетъ свои штуки; подлѣ него мальчикъ пускаетъ ползать черепаху и ожидаетъ вашей милости.

Здѣсь кучи старыхъ книгъ, нотъ, любая піэса по 5 су; а тамъ кричатъ: вотъ прекрасные товары, любую вещь бери по 15, по 10 и по 5 су.

Читатель мой уже усталъ, а я едва ли третью долю успѣлъ показать и того только, что можно видѣть днемъ на улицахъ Парижскихъ; а ночью. . . я скажу только, что всѣ улицы тогда представляютъ позорище хлѣбнаго рынка. . . но и сего довольно!

IV.

ДОСТОПАМЯТНОСТИ ПАРИЖСКІЯ.

Въ Парижѣ съ давнихъ временъ живали такіе люди, которыхъ память драгоцѣнна для потомковъ не только ихъ соотечественниковъ, но даже иноземцовъ. Я поведу еще Читателя по улицамъ Парижскимъ, чтобъ указать ему, гдѣ жили или умерли нѣкоторые славные люди, или гдѣ они проводили по нѣскольку часовъ въ жизни. Сколько воспоминаній пріятныхъ и горестныхъ родитъ въ насъ такая прогулка! сколь-

ко дастъ пищи воображенію!

Вотъ подлѣ Пале — Рояля, на его площади, есть кофейный домъ, называемый *Café de la Régence*; въ немъ-то *Жанъ Жакъ* игралъ въ щашки съ *Филидоромъ*; не очень далеко отсюда древній *Прокоповъ* кофейный домъ, нынѣ *Зоти*; тамъ собирались *Волтеръ*, *Пиронъ*, *Жанъ Батистъ Руссо*; взойдемъ въ оные; какъ восхитительно быть въ тѣхъ комнатахъ въ которыхъ бывали славные люди, сидѣть и пить въ нихъ кофе! можетъ быть на этомъ мѣстѣ сиживалъ *Волтеръ*, *Руссо*? — думаешь и забываешься въ мечтахъ своихъ; кажется, ты бесѣдуешь съ ними! обыкновенный напитокъ превращается въ нектаръ!

А вотъ здѣсь жилъ *Руссо*, здѣсь *Мольеръ*, тамъ въ улицѣ умеръ *Мирабо*, а здѣсь на набережной *Волтеръ*; тутъ былъ прежде монастырь, гдѣ спасалась *Лавальеръ*, а вотъ здѣсь жилъ жестокой *Фюльбертъ*: еще видѣнъ барельефъ, представляющій *Абеларда* и *Элоизу*. На этомъ мѣстѣ, говорятъ, ранена была Дѣвственница Орлеанская во время сраженія.

Здѣсь засѣдалъ Конвентъ, осудившій на смерть *Людовика* XVI: здѣсь собирался клубъ Якобинскій, или тотъ политическій Везувій, который извергалъ разрушеніе, смерть и ужасы на всю Францію и сосѣднія Государства: а вотъ неподалеку жилъ и начальникъ онаго *Робеспьеръ*.

Здѣсь была Бастилія, и

нѣтъ уже ее! но по разрушеніи оной весь Парижъ сдѣлался темницею. Вотъ наконецъ и Темпельская тюрьма; сердце содрогается при воспоминаніи, сколько жертвъ хранилось въ ней!

Но возможно ли обозрѣть все? Я скажу только, что можно видѣть домы *Расина* и *Николая Фламеля*; домы, гдѣ жилъ *Тюренъ*, гдѣ умеръ Адмиралъ *Колиньи*, гдѣ собирались *Шапленъ*, *Скудери*, *Шолье* и пр. А сколько еще было памятниковъ, воздвигнутыхъ разнымъ славнымъ людямъ, въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ! Революціонеры хотѣли ихъ испровергнуть, но одинъ благомыслящій человѣкъ спасъ ихъ и собралъ въ одно мѣсто; мы увидимъ ихъ всѣ вмѣстѣ.

V.

Любопытнѣйшія зданія: Тюльери.

Время уже показать Читателю великолѣпнѣйшія Парижскія зданія: иныя мы только замѣтимъ, а при другихъ остановимся, и если можно, проникнемъ во внутренность нѣкоторыхъ, не заключаютъ ли они чего нибудь любопытнаго.

Съ чегожъ начать? Съ чего, какъ не съ древняго жилища Королей и нынѣшняго Повелителя Франціи? — Развѣвающій трех-цвѣтной флагъ возвѣщаетъ о немъ издали.

Мы приближаемся, вступаемъ на карусельскую площадь, и славный сей дворецъ открывается предъ нами во всемъ своемъ пространствѣ. Прекрасная, щеголеватая решетка отдѣляетъ дворъ его отъ площади; на четырехъ столбахъ, образующихъ ворота, стоятъ четыре славныя бронзовыя лошади, бывшія нѣкогда украшеніемъ Венеціанской площади Св. Марка (*). Мы взойдемъ и на дворъ; подлѣ главныхъ воротъ стоятъ два превысокіе, статные, конные гренадера съ обнаженными палашами

(*) Лошади сіи представлены безъ всякаго прибора; одинъ Парижанинъ спросилъ другаго: où sont les beaux harnois; другой отвѣчалъ: ils sont au palais. —

и вселяютъ видомъ своимъ при первомъ взглядѣ какое-то чувство страха, но они насъ не удержатъ; со временъ революціи до сихъ поръ входъ черезъ дворецъ въ садъ позволенъ, мы входимъ на дворъ; остановимся здѣсь на нѣсколько минутъ, чтобъ посмотрѣть на сіе столь знаменитое зданіе. — Надъ крыльцомъ мы читаемъ слѣдующія слова, бронзовыми пребольшими литерами изображенныя: *Liberté*, *Egalité*, *Fraternité* (*); невольно улыбнувшись, мы простираемъ взоры вверьхъ предъ нами и по сторонамъ, и видимъ, что средина построена въ

(*) На канунѣ провозглашенія Бонапарта Императоромъ ихъ сломали.

готическомъ вкусѣ, архитектура же боковыхъ частей, чѣмъ ближе къ краю, тѣмъ похожѣе на архитектуру нашего времени; Читатель удивляется сему разнообразію, но я припомню ему, что средина сего дворца была построена *Катериною Медицисъ*; потомъ *Генрихъ* IV пристроилъ съ боковъ по флигелю; *Людовикъ* XIV еще къ этимъ пристроилъ, и такимъ образомъ вышло сіе смѣшеніе разныхъ архитектуръ, и сія протяженность въ ширину несоотвѣтственная его пространству; но искуство и богатство не пощадили накакихъ усилій, никакихъ издержекъ къ украшенію сего зданія въ каждой части, смотря по вкусу того времени, когда она была

построена. Конечно, если взять все вмѣстѣ, то выходитъ какое-то несообразное сборище украшеній; но если возмешь каждую часть въ особенности, то она есть образцовое произведеніе; посмотришь ли на сіи вазы, бюсты, статуи, все превосходно, прекрасно. Не говоря о внутренности — куда я, признаюсь, не проницалъ — можно сказать, что Тюльери, если не есть совершеннѣйшій по архитектурѣ, по крайней мѣрѣ великолѣпнѣйшій дворецъ въ Европѣ.

Но пройдемъ въ садъ, видѣть

Ce chef-d'œuvre de Lenotre et d'un grand Roi,

Delille.

Лишь только переступишь въ него, какъ открывается

передъ глазами предлинная аллея, разсѣкающая весь садъ, поля Елисейскія и простирающаяся верстъ на восемь за городъ по Ст. Жерменьской дорогѣ. И съ задней стороны тоже искуство архитектуры, тѣже произведенія скульптуры и слова: *République Française* украшаютъ входъ изъ сада. — Пойдемъ далѣе — намъ надобно спуститься ступени на три въ низъ; края террасы, простирающейся во всю ширину сада, уставлены чистѣйшаго мрамора статуями и вазами, отдѣленными между собою померанцовыми деревьями; внизу оригинальныя бронзовыя статуи, представляющія бойцовъ; за ними круглый бассейнъ съ фонтаномъ, въ которомъ плаваютъ два

прекрасные лебедя; по сторонамъ бассейна цвѣтники просто нарисованные, но разнообразностію красокъ растѣній плѣняющіе глаза; среди цвѣтниковъ также бассейны; за ними прекраснѣйшая каштановая рощица, въ которой вѣчная царствуетъ прохлада; нѣтъ ничего пріятнѣе и восхитительнѣе, какъ въ жаркіе лѣтніе дни въ ней прогуливаться! далѣе рощицы, ограждаемой статуями, представляющими Аполлона съ Музами, еще бассейнъ съ лебедями же и весь садъ ограничивается высокими террасами, которыя бываютъ мѣстомъ прогулокъ въ ясные зимніе и осенніе дни.

И такъ Тюльерійскій садъ круглый годъ, отъ утренней зари до вечерней, служитъ

мѣстомъ прогулокъ для Парижанъ, и въ самомъ дѣлѣ это чрезвычайный садъ; въ немъ природа съ искусствомъ вѣнчаются повсюду; въ немъ нѣтъ дикости, нѣтъ и правильности совершенной; здѣсь цвѣтники, а здѣсь роща, но роща саженая регулярно.

Сверьхъ того любители скульптуры найдутъ здѣсь многія образцовыя произведенія древнихъ и новыхъ художниковъ, иностранныхъ и Французскихъ, оригиналы и копіи, разсѣянныя по всему саду. Въ нашихъ краяхъ они составили бы весьма огромный и любопытный музей; а въ Парижѣ отъ избытка стоятъ подъ дождемъ.

Послѣ сего удивительно ли, что всегда здѣсь можно

найти множество гуляющихъ; а гдѣ много народу, тамъ есть для Француза случай къ спекуляціямъ. — Не смотря, что множество разставлено по саду скамеекъ деревянныхъ, каменныхъ, мраморныхъ, ихъ недостаетъ для всѣхъ прогуливающихся. Одна женщина держитъ на откупѣ стулья, которыхъ вы видите теперь цѣлыя горы, а къ вечеру всѣ они будутъ разобраны; всякой, кому угодно, можетъ взять или потребовать стулъ, сидѣть на немъ сколько угодно, часъ или пять минутъ, заплатя хозяйкѣ два су; судите о зборѣ ея, когда она сама за откупъ платитъ казнѣ 20000 франковъ (*).

(*) Въ каждомъ франкѣ содержится 20 су.

Другая спекуляція есть газетная; тутъ нѣсколько человѣкъ разносятъ всякія газеты, какія только выходятъ въ Парижѣ; за одинъ су требуйте любыя. Здѣсь - то можно видѣть и слышать славнѣйшихъ Парижскихъ политикантовъ, которые группами разсѣясь по саду, рѣшатъ наиважнѣйшія политическія задачи, судятъ о всѣхъ новостяхъ и не лучше иногда нѣкоторыхъ читателей Московскихъ вѣдомостей.

Осмотря садъ, мы нечувствительно приближились къ выходу изъ него; усматриваемые сквозь заднія ворота его, украшенныя конными статуями превосходной работы, прекрасные виды невольно влекутъ насъ изъ онаго; мы вступаемъ на пло-

щадь *Согласія* или бывшую *Людовика* XV; какое величественное мѣстоположеніе! прямо противъ насъ Елисейскія поля, съ лѣвой руки течетъ Сена, чрезъ нее прекрасной мостъ; за нимъ видѣнъ домъ Законодательнаго Корпуса, за симъ гордо возвышается куполъ церкви инвалидовъ; съ правой два великолѣпные дома одинакой архитектуры, изъ которыхъ въ одномъ живетъ Министръ морскихъ силъ; пышная ихъ колонада дѣлаетъ прекрасный видъ; ихъ раздѣляетъ улица, по которой вдали видны колонны застроенной, но не докончанной церкви Св. Магдалины: все это дѣлаетъ мѣсто сіе единственнымъ въ Парижѣ; едва ли и другая какая столица можетъ пред-

ставить красивѣе (*). Но при всемъ томъ ужасныя воспоминанія о случившихся на сей площади кровопролитіяхъ приводятъ въ содроганіе и при первомъ воображеніи затмѣваютъ величественные виды ея. И мы возвращаемся въ садъ.

(*) Сіе мѣсто превосходно описалъ Г. Томасъ, въ поэмѣ: *Петріада*. Онъ воображаетъ, что нашъ *Петръ Великій* въѣхалъ въ Парижъ по Ст. Жерменской дорогѣ, ведущей прямо чрезъ поля Елисейскія къ сей площади. 1805.— Чрезъ тѣже поля Елисейскія АЛЕКСАНДРЪ I вступилъ въ покоренный Имъ Парижъ; на сей же площади Благословенный среди побѣдоносныхъ воиновъ Своихъ приносилъ Всевышнему благодарственныя моленія въ день Пасхи Какой величественный предметъ для новыхъ Томасовъ! 1822.—

VI.

ЛУВРЪ.

Тюльери соединяется галлереею съ Лувромъ; и такъ пойдемъ по порядку осматривать сіе толико прославляемое стихотворцами зданіе: кто не слыхалъ отъ нихъ о Луврской колонадѣ?— Вотъ онъ, *Домъ художествъ*!—Это Лувръ? Какъ? Это закоптѣлое, старое зданіе?— такъ, это онъ; рука всеразрушающаго времени коснулась и его; индѣ кровля обрушилась, индѣ своды уже упали, вездѣ почти карнизы и барельефы обвалились;

тамъ стеклы выбиты, а здѣсь и рамы выломаны; очень малая часть главнаго корпуса обитаема учеными и художниками (*); часть еще занята Институтомъ для его засѣданій, часть опредѣлена для Музея и картинной галлереи (**). Но вотъ посмотрите на колонаду, она цѣла; жаль, что не на открытомъ довольно мѣстѣ; каждая колонна есть образецъ соразмѣрности для архитектора; но все зданіе взятое вмѣстѣ не избѣгло критики искусныхъ зодчіевъ, и притомъ Рускихъ; но я не

(*) Между прочими живетъ *Шарль* физикъ и *Давидъ* живописецъ, оба въ своемъ родѣ славные люди.

(**) Все это мы осмотримъ послѣ.

смѣю приводить ихъ мнѣній, чтобъ не оскорбить предъ-убѣжденія моего читателя.

VII.

ПАНТЕОНЪ.

Отъ Лувра мы пойдемъ къ Пантеону. Мы идемъ чрезъ *Домъ Правосудія*, гдѣ всѣ суды находятся: мы проходимъ чрезъ сѣни, или лучше сказать, преогромную залу. Какое стеченіе народа! тутъ собираются имѣющіе процессы и видаются съ своими адвокатами, совѣтниками; сюда приходятъ писать разныя прозьбы; во всякомъ уголку

вы видите бюро и за нимъ сочинителя; въ самые суды мы зайдемъ послѣ; тутъ же въ коридорахъ разныя лавки: съѣстныя и книжныя, съ платьемъ и женскими уборами.

Вышедши вонъ мы видимъ въ сторонѣ древній Храмъ Богоматери, но мы не зайдемъ въ него; я вамъ скажу въ короткихъ словахъ, что единая древность составляетъ наилучшее его украшеніе; онъ построенъ въ готическомъ вкусѣ. Безумные Революціонеры, сдѣлавъ изъ него храмъ *Разума*, сокрушили безжалостно всѣ статуи и барельефы, его украшавшіе.

Но вотъ и Пантеонъ. — Онъ переименованъ такъ во время революціи, изъ церкви Св. *Женевьевы*, покровительницы Парижа, и посвященъ

славнымъ людямъ, коихъ прахи въ немъ собраны; въ числѣ оныхъ находится и тотъ, которой наиболѣе всѣхъ въ XVIII столѣтіи споспѣшествовалъ къ уменьшенію почитанія къ Св. *Женевьевѣ* и ко всѣмъ святынямъ Религіи, я разумѣю *Волтера*. Во многихъ дѣлахъ человѣческихъ бываетъ таковая превратность и противорѣчіе.

Пантеонъ есть одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій Парижа (*). Видъ его при первомъ взглядѣ поражаетъ; пышная надпись: *благодарное отечество великимъ людямъ* возбуждаетъ какое-то благоговѣйное почтеніе; двѣ колосальныя статуи, изъ ко-

(*) Вышина его 270 футовъ.

ихъ одна представляетъ *Силу закона*, другая *Любовь къ отечеству*, умножаютъ еще сіе чувствованіе. Но входя во внутренность, видимъ разрушеніе; своды уже обваливаются и ихъ стараются поддерживать новыми колоннами: но и старыхъ множество, такъ что внутренность будетъ состоять изъ нѣсколькихъ рядовъ колоннъ. Отъ чегожъ это?—отъ того, что архитекторъ хотѣлъ только блеснуть наружностію онъ наставилъ куполъ надъ куполомъ и каждой изъ нихъ съ преогромными колоннами, которыя давя нижній сводъ, сдѣлали множество надъ нимъ разсѣлинъ: и это зданіе, не смотря, что очень недавно построено, уже близко къ своему паденію.

Но гдѣжъ прахи великихъ мужей? они хранятся внизу, подъ сводами фундамента и подъ самыми простыми мавзолеями; тамъ-то поклонился я *Волтеру* и *Руссо*.

VIII.

ДОМЫ СЕНАТА, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАГО КОРПУСА.

Отсюда въ нѣсколькихъ шагахъ домъ Сената, извѣстный прежде подъ именемъ Люксамбурга; предъ нимъ бывшій театръ Одеонъ, или такъ называемый Французской; прекрасная фасада! но однѣ остались стѣны, пожаръ ис-

требилъ все прочее и спектакль перенесенъ въ залу близь Палерояля.

Самый Люксамбургъ есть довольно огромное зданіе, которое нынѣ отдѣлывается на новой вкусъ. Зала засѣданій Блюстительнаго Сената не открыта для публики; мы можемъ видѣть только его галлерею, которая состоитъ изъ произведеній кисти *Вернета* и *Рубенса*. Первый изобразилъ почти всѣ пристани и гавани Франціи, а второй представилъ всю жизнь *Маріи Медицисъ*; тутъ видны и нѣкоторыя статуи; прекрасная работа! удивительное искуство! повторяетъ восхищенный зритель, и я немогу болѣе сказать ничего.

Не льзя не зайти въ здѣшній садъ, которой въ пос-

лѣдніе годы весьма увеличенъ; онъ будетъ нѣкогда соперникомъ Тюльерійскому по своему расположенію, но въ украшеніяхъ уступитъ ему; ибо здѣсь только копіи съ тѣхъ рѣдкихъ произведеній, которыми украшенъ Тюльерійской, или которыя хранятся въ Наполеоновомъ Музеѣ.

Это домъ первокласснаго сословія во Франціи; послѣ него мы посмотримъ домъ Законодательнаго Корпуса, который занимаетъ второе по немъ мѣсто.

На дорогѣ замѣтьте домы Медицинской, Хирургической школъ и Почетнаго Легіона, пышныя, но не огромныя зданія.

Не далеко отсюда простирается довольно обширная полуциркульная площадь; она

предъ домомъ Законодательнаго Корпуса; наружной видъ онаго довольно важенъ и великолѣпенъ; среди двора его возвышается *древо вольности*; но вотъ Законодатели съѣзжаются; засѣданіе скоро откроется, входъ въ оное для всякаго благопристойно одѣтаго отворенъ; войдемъ и мы. Величественной видъ залы поражаетъ взоръ нашъ, во всю полукруглость ея возвышаются мѣста для членовъ сего знаменитаго сословія, просто зеленымъ сукномъ украшенныя; карнизы потолка поддерживаетъ рядъ столбовъ; предъ мѣстами законодателей возвышается каѳедра, съ разными возвышеніями, изъ коихъ самое верхнее занимаетъ Президентъ, а нижнія — Секретари сего корпу-

са. По сторонамъ каѳедры стоятъ статуи знаменитыхъ ораторовъ Греціи и Рима. Зала еще пуста; кромѣ нѣкоторыхъ зрителей никого нѣтъ; но вотъ раздается въ дали звукъ тихой, гармонической музыки. Она возвѣщаетъ прибытіе Президента: вотъ отворились двери изъ сосѣдней залы, въ которой предварительно собираются члены; шесть человѣкъ служителей сего сословія, называемые *Huissiers*, въ черныхъ кафтанахъ, съ позлащенною на шеѣ цѣпью, на которой виситъ медаль, означающая ихъ званіе, въ шляпахъ перевязанныхъ на древній манеръ вѣка Генриха IV, съ длинными на боку бирюзоваго цвѣта перьями, выступаютъ по два въ рядъ, пред-

водительствуемые ихъ старшиною, и открываютъ входъ въ залу; за ними Президентъ одинъ, потомъ Секретари и прочіе члены идутъ по два въ рядъ; какая пестрота! иной въ статскомъ мундирѣ, другой въ военномъ, иной во фракѣ, а иной въ сертукѣ. По занятіи мѣстъ членами, Секретарь открываетъ засѣданіе чтеніемъ стараго протокола; едва онъ кончилъ, какъ прислужникъ возвѣщаетъ, что Ораторы Правительства прибыли; повелѣваютъ ихъ ввести;—входятъ три человѣка въ алыхъ мундирахъ, каждой съ портофелью въ рукахъ. Занявъ самыя нижнія мѣста, одинъ изъ нихъ объявляетъ о причинѣ своего прибытія; Президентъ даетъ ему соизволеніе

предложить присланный отъ Правительства законъ. Прочитавши оный, ораторъ говоритъ, въ объясненіе и въ доказательство нужды и пользы его, рѣчь, которой однако никто не слушаетъ. — Ораторъ лишь кончилъ: всѣ пошли и начали класть шары и притомъ одобрительные. Они знали заблаговременно, что такой законъ будетъ предложенъ, а притомъ и то знали, что онъ предложенъ будетъ съ тѣмъ, чтобъ былъ непремѣнно принятъ. Такъ — то, Читатель мой, и здѣсь дѣла дѣлаются; въ газетахъ все хорошо, а на самомъ дѣлѣ скучная комедія. — Пожалѣемъ о молчаливыхъ законодателяхъ, а болѣе о томъ, что они даромъ получаютъ по 10000 франковъ въ годъ — и оставимъ ихъ.

IX.

ИНВАЛИДНОЙ ДОМЪ.

Lœso militi, sed invicto.

Вышедши изъ дома Законодательнаго Корпуса, мы встрѣчаемъ двухъ почтенныхъ, сѣдинами украшенныхъ старцовъ; одежда ихъ показываетъ, что они воины; такъ! это воины!— Служа отечеству, они лишились силъ пропитать себя, но отечество призрило ихъ; оно питаетъ, одѣваетъ и покоитъ ихъ; это въ томъ домѣ, коего куполъ Читатель мой видѣлъ еще съ площади Согласія и отъ котораго мы теперь очень близко; какъ не

посѣтишь его? мнѣ кажется, что Инвалидный Домъ есть достопамятнѣйшій изъ всѣхъ здѣшнихъ памятниковъ, коего обозрѣніе сладостнѣе всего занять можетъ благородное сердце. Какое великодушное намѣреніе! успокоить престарѣлыхъ, пропитать увѣчныхъ защитниковъ отечества! но какая возвышенная мысль въ томъ же домѣ, въ храмѣ ихъ молитвы хранить трофеи побѣдъ ихъ, свидѣтелей ихъ неустрашимости и преданности отечеству. Такая мысль можетъ свойственна быть только великому человѣку, и она дѣлаетъ безсмертную честь Людовику XIV.

Достопамятный сей домъ стоитъ на бульварѣ, которому онъ далъ свое имя:

архитектура не очень пышная, но въ самой простотѣ своей заключающая что—то важное и величественное; средній корпусъ нашей Голицынской больницы имѣетъ сходство съ онымъ; передній дворъ его и не большой садикъ, которой воздѣлываютъ сами Инвалиды, обнесенъ валомъ; при воротахъ поставленныя двѣ пушки возвѣщаютъ, что это жилище героевъ; какое чувствительное зрѣлище видѣть на дворахъ дома сего толпы старыхъ, а между ними и молодыхъ, но уже изувѣченныхъ на полѣ брани воиновъ, покойно и безпечно разглагольствующихъ! Что можетъ сравниться съ тѣми чувствами благоговѣнія, удивленія и восторга, которыми испол-

няется душа при входѣ въ церковь ихъ! куда ни посмотришь, все благородно, возвышенно, великолѣпно. Сіи тысячи знаменъ, висящихъ подъ сводами и осѣняющихъ главу твою, этотъ памятникъ Тюреня, величайшаго Французскаго Полководца (*), сіи списки отличнѣйшихъ воиновъ, въ коихъ стоятъ имена многихъ здѣсь живущихъ, сіи изображенія разныхъ воинскихъ подвиговъ великаго Конде, коими стѣны храма сего украшены, возвышаютъ душу зрителя и

(*) Здѣсь нынѣ хранится и прахъ его; во время революціи изъ церкви Діонисія онъ былъ взятъ и лежалъ въ *саду растѣній* и наконецъ положенъ сюда въ 1 й годъ Консульства Бонапарта.

исполняютъ его патріотическими чувствованіями; съ другой стороны сіи молящіеся на колѣняхъ старцы, приносящіе Богу благодареніе за признательное къ нимъ отечество, коего они были защитники, и самое благолѣпіе храма, коего каждое украшеніе соотвѣтствуетъ высокому предназначенію сего дома, внушаютъ благоговѣніе, исторгаютъ слезы умиленія и невольно приклоняютъ колѣна подлѣ сихъ почтенныхъ старцевъ. Но что должны чувствовать сами герои при знаменіяхъ прежнихъ своихъ подвиговъ? Какое сладостное воспоминаніе! и что удобнѣе можетъ воспламенить юныя сердца геройствомъ, какъ не видъ сихъ трофеевъ? —

Но Правительство печется не только что о пропитаніи инвалидовъ: оно, чтобъ доставить имъ пріятное и полезное препровожденіе времени, собрало достаточную библіотеку, въ которой наиболѣе находится историческихъ книгъ. Въ сей-то библіотекѣ хранится портретъ Бонапарта, писанный славнымъ Давидомъ, и подаренный героямъ великимъ воиномъ, въ знакъ его уваженія; онъ изображенъ переѣзжающимъ чрезъ Ст. Бернардъ на любимой своей бѣлосѣрой лошади.

которому ходятъ въ залу Трибуната, но мы не пойдемъ въ него; расположенiе залы такое же, какъ въ Законодательномъ Корпусѣ, только въ меньшемъ видѣ, порядокъ засѣданiй тотъ же, какъ и въ ономъ; Трибуны, какъ защитники и покровители народа, имѣютъ право возражать противъ издаваемыхъ вновь законовъ, однакожъ это очень рѣдко случается; и такъ мы пойдемъ мимо, а посмотримъ тѣхъ чудесъ, очарованiй, которыми изобилуетъ домъ сей, и которыя столь живо и плѣнительно описалъ намъ *Руской Путешественникъ*; мы входимъ еще на дворъ; но какiе предметы! мы видимъ передъ собою деревянныя, обветшалыя перегородки, кучи

старыхъ бочекъ и рядъ лавочекъ, сплоченныхъ кое-какъ изъ старыхъ же досокъ; но терпѣніе! народъ идетъ взадъ и впередъ; мы слышимъ издалека шумъ многочисленнаго собранія и звуки музыки; пойдемъ далѣе: мы входимъ въ сіи лавочки; это магазины игрушекъ и портфелей; гдѣжъ эти славности и богатства Пале—Рояльскія? мы проходимъ еще далѣе; пересѣкая сіи деревянныя галлерейки, вступаемъ на преобширную площадь, только что обсаженную деревьями, и вотъ Пале—Рояль представляется во всемъ блескѣ: это прекрасный правильный четвероугольникъ, непрерывно со всѣхъ сторонъ обстроенный; карнизы его, уставленные

вазами, поддерживаются пиластрами, коихъ соразмѣрность, красота и щеголеватость прельщаютъ зрѣніе; не льзя, кажется, лучше построить зданія въ этомъ родѣ; жаль, что пройденныя нами галлерейки, образующія четвертую сторону этаго четвероугольника, безобразятъ его; внизу къ саду подъ всѣмъ зданіемъ сдѣланы аркады; подъ сими-то аркадами найти можно все, что изобрѣтаетъ обильный въ выдумкахъ Геній модъ для украшенія обоего пола; сюда-то сноситъ весь свѣтъ свои сокровища; здѣсь-то можно усладить вкусъ возможными пріятностями, до сихъ поръ изобрѣтенными; обойдемъ все кругомъ: что мы видимъ? здѣсь кучи золота

и серебра въ деньгахъ; тамъ металлы сіи преобращены въ блестящія бездѣлки; здѣсь магазины всякихъ матерій, тамъ онѣ уже приняли формы; здѣсь громады всякихъ яствъ, тамъ кучи фруктовъ всякаго рода; здѣсь кофейные домы, ресторатеры, лотереи, тамъ въ углу театръ, китайскія тѣни, кабинетъ анатомическій; здѣсь артистъ парикмахеръ убираетъ вашу голову, тамъ артистъ *décrotteur* чиститъ ваши сапоги, все вмѣстѣ! Но что надъ аркадами? тамъ все собрано, что можетъ опустошить кошелекъ и изсушить сердце: самыя богатыя ресторатеры, самыя азартныя картошныя игры и наипрелестнѣйшія нимфы. Этаго еще мало: на-

добно сказать Читателю, что подъ аркадами: гуляя здѣсь, мы ходимъ надъ кофейными домами и ресторатерами; откуда звуки этой музыки? они изъ-подъ сводовъ; это оркестръ слѣпыхъ музыкантовъ; сюда внизъ чревовѣщатель привлекаетъ посѣтителей; тамъ небольшая труппа актеровъ забавляетъ прохлаждающихся; они платятъ за напитокъ, а спектаклемъ пользуются даромъ; тутъ искусникъ на барабанѣ, тамъ Италіянецъ новымъ своимъ инструментомъ приманиваетъ зрителей; словомъ сказать, Пале — Рояль есть сокращеніе Парижа; это одна зала, гдѣ безпрерывный дается пиръ, это малый міръ.

Но чтобъ во всемъ вели-

колѣпіи видѣть его, надобно быть въ немъ ночью; всѣ сіи лавки, кофейные домы и ресторатеры освѣщены наилучшимъ образомъ и такъ какъ въ нихъ двери стеклянныя, то весь Пале — Рояль представляется преогромнымъ фонаремъ; звуки музыкъ еще пріятнѣе, гуляющаго народа еще болѣе; прелестныя Нимфы, которымъ дневной свѣтъ запрещенъ, гуляютъ тогда стаями; тогда далеко прячь и сердце и кошелекъ; этотъ маленькій садикъ превращается въ волшебной островъ, обитаемый самою Венерою. — Родители, отпускающіе въ Парижъ сыновей своихъ безъ надежныхъ менторовъ, пусть замѣтятъ послѣднія строки.

XI.

ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Вотъ истинное-то богатство Парижа! вотъ предметы, достойные путешественника! описаніе ихъ, искуснѣйшимъ перомъ, нежели мое, могло бы привесть въ изумленіе и восторгъ всякаго читателя, любящаго человѣчество и радующагося всему тому, что служитъ къ его пользѣ и чести. Ни одна столица, можно сказать, не имѣетъ столько заведеній для просвѣщенія; сколько училищъ!

сколько библіотекъ! сколько галлерей, музеевъ, кабинетовъ! Есть оныя и въ другихъ городахъ Европы, хотя и не въ такомъ количествѣ: но чтобъ пользоваться ими, надобно имѣть титло, знакомство, деньги; въ Парижѣ все для всякаго открыто: для бѣднаго и богача, для чиновнаго и простолюдима, для своего и для чужестранца; для всего назначены дни и часы; приходи и никто тебя не остановитъ, смотри, читай, выписывай, распрашивай, пользуйся, наслаждайся, какъ у себя дома! все въ твоемъ расположеніи; тебѣ отвѣчаютъ на вопросы съ учтивостію, требуемую вещь показываютъ съ охотою и скоростію; все въ порядкѣ, устройствѣ,

чистотѣ. Иностранецъ же можетъ все видѣть и не въ назначенные дни и часы; покажи свой пашпортъ или, что они называютъ: *Carte de sûreté*, и тебѣ все отворяется. Я опишу ихъ всѣ, хотя кратко.

XII.

МУЗЕЙ НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРІИ.

Между училищами, въ Парижѣ находящимися, по всей справедливости занимаетъ первое мѣсто *Музей Натуральной Исторіи*, какъ по

важности заведенія, такъ и по славѣ своихъ Профессоровъ; ибо здѣсь обучаютъ первые Натуралисты во Франціи и въ Европѣ, каковые суть: *Ласепедъ* и *Кювье*, *Гаю* и *Жюсье*, *Ламаркъ* и *Жофруа*, также по химіи *Фукруа* и *Воклень*; кабинетъ Натуральной Исторіи, при семъ училищѣ устроенный, есть богатѣйшій въ Европѣ; тамъ все вы можете видѣть, что богатая Природа производитъ во всѣхъ своихъ царствахъ, а садъ, извѣстный подъ именемъ *Jardin des Plantes*, есть живой курсъ не только Ботаники, но и Зоологіи; ибо не только тамъ множество всякихъ травъ и деревьевъ, но также воспитываются весьма многія животныя, со всѣхъ краевъ свѣта при-

везенныя: тутъ возвышается кедръ Ливанскій и покрываетъ молодую ель, тамъ гордится щеголеватой, стройной пальмъ подлѣ смиренной березы; здѣсь воспитываются слонъ и лошакъ, тигръ и овца, левъ и горная серна, леопардъ и заецъ, строусъ и утка: всѣ они имѣютъ свои жилища, построенныя въ разныхъ сельскихъ вкусахъ. Какимъ удовольствіемъ наслаждался я здѣсь, сидя подъ величественнымъ кедромъ, или въ бронзовой бесѣдкѣ, славнымъ Бюфономъ поставленной на возвышеннѣйшемъ изъ всего сада мѣстѣ; весь Парижъ былъ тогда предъ глазами моими!

XIII.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛЛЕГІЯ, ПРЕЖДЕ БЫВШАЯ КОРОЛЕВСКАЯ.

Французская Коллегія есть не что иное, какъ небольшой Университетъ, въ которомъ всѣ науки преподаются, но не вполнѣ; есть Профессора — три Медицинскихъ, столько же для Литтературы и для Математики, и все тутъ: однако же между Профессорами она считаетъ славнѣйшихъ людей, какъ-то: *Лаланда*, *Кювье*, *Легуве*, *Левека*, *Пасторе*, *Біота*, *Корвизара*, перваго

Медика Бонапартова, и *Бокильона*, здѣсь же профессорствовалъ и славный *Делиль* прежде революціи нѣсколько времени и послѣ оной; здѣсьто я видѣлъ въ первый разъ сего нѣжнаго, чувствительнаго стихотворца, и слышалъ, какъ онъ декламируетъ собственные свои стихи. Это было въ публичномъ собраніи Коллегіи. Нѣсколько было Ораторовъ и послѣднимъ изъ нихъ поставленъ былъ Делиль; съ какою нетерпѣливостію слушали прочихъ; ни ученость, ни краснорѣчіе ихъ не трогали; всѣмъ хотѣлось слышать Делиля; наконецъ Делиль всходитъ на каѳедру и громкое рукоплесканіе его привѣтствуетъ, и не смотря на нетерпѣливость слушать его, продол-

жается нѣсколько минутъ. Наконецъ рукоплесканіе умолкаетъ: и онъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ начинаетъ чтеніе; ни одинъ слушатель не смѣетъ пошевелиться, не только кашлять. Онъ читалъ отрывка три, и нужно ли сказывать, что рукоплесканіе слѣдовало по окончаніи каждаго? — хочетъ уже сойти, но жадность слушать его еще не насытилась; во всей залѣ раздается крикъ: *еще, еще что нибудь!* и онъ принужденъ былъ остановиться и еще насладить своихъ слушателей чтеніемъ отрывка о *бѣдности*. Какой великой писатель, но и какой сладостной чтецъ! изъ устъ его исходящія стихи еще кажутся пріятнѣе, поразительнѣе.

Но и преемникъ его въ Коллегіи Легуве имѣетъ также великой талантъ авторскій и риторскій; онъ при мнѣ читалъ изъ Виргилія монологъ Дидоны по отъѣздѣ Энея; какой жаръ, какая чувствительность! но лучше всѣхъ доказательствъ его искуства въ декламаціи есть живое свидѣтельство: славная актриса Дюшенуа есть его ученица.

Всѣ почти Коллежскіе Профессоры и вообще Французскіе читаютъ курсы по тетрадкѣ: это весьма хорошо для тѣхъ, которые не имѣютъ свободнаго дара объясняться, нужной оборотливости и присутствія духа, и для Студентовъ ихъ полезно; ибо они слышатъ все, что можетъ быть ска-

зано о какой либо матеріи. Вотъ два училища прямо публичныя; ибо всякой можетъ учиться, не записываясь; настаютъ курсы, публикуютъ въ газетахъ, прибиваютъ по всѣмъ улицамъ города объявленія, что такого-то числа, въ такомъ то училищѣ начинаются курсы и по такимъ-то часамъ; и охотники учиться сбираются прямо въ классы, каждой сообразно своей цѣли; Профессоръ не знаетъ, кто таковы его слушатели; въ положенный часъ пришелъ, прочелъ и опять ушелъ. Онъ не боится, что никто не придетъ къ нему на лекціи, особенно знающій и искусный: у Кювье въ Коллегіи бываетъ до 500 человѣкъ слушателей и еще бы стекалось болѣе,

естьлибъ зала была обширнѣе. Чтобъ застать мѣсто, надобно приходить за часъ до Профессора, а къ его приходу такое множество уже бываетъ, что онъ самъ едва можетъ пройти до своихъ креселъ; а черезъ четверть часа некуда и войти; многіе стоятъ въ сѣняхъ, на крыльцѣ.

XIV.

ШКОЛА ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ.

Слава о сей школѣ распространилась по всей Европѣ; она есть разсадникъ Инженеровъ, Артиллеристовъ Фран-

цузскихъ. Вотъ одинъ только памятникъ дѣлъ Роберспьера, которой дѣлаетъ ему честь; онъ основалъ эту школу въ свое владычество надъ Франціею; когда Бонапартъ здѣлался Консуломъ, нѣкоторые ему предлагали, сказываютъ, уничтожить ее: «на что уничтожать то, что полезно, отвѣчалъ онъ, кѣмъ бы заведено ни было?» Планъ воспитанія, расположеніе наукъ, достоинство учителей, конечно дѣлаютъ ее первою въ своемъ родѣ школою въ Европѣ. Чтобъ быть принятту въ число воспитанниковъ, надобно уже основательное имѣть свѣденіе въ Математикѣ, въ которой испытываютъ наистрожайшимъ образомъ, и отдаютъ потомъ

подъ руководство *Лагранжа*, *Бертолета*, *Фуркруа*, *Гасеенфранца*, *Гюйтона*; сей послѣдній есть также и Директоръ школы. Имена таковыхъ мужей даютъ понятіе о достоинствѣ училища.

XV.

МЕДИЦИНСКІЯ ШКОЛЫ, ЛИЦЕИ И ДРУГІЯ УЧИЛИЩА.

Я не могу ничего сказать о школахъ *Медицинской* и *Хирургической*, кромѣ того, что я слышалъ отъ другихъ, т: е: что нынѣ нѣтъ ученыхъ

Профессоровъ по Медицинѣ, исключая Оператора Дебуа; но что много пособій учиться оной: можно ходить во всѣ больницы и гошпитали и видѣть на самомъ дѣлѣ дѣйствіе лѣкарствъ, и замѣчать, какъ опытные Медики обращаются съ болѣзнями, которыхъ всякаго рода можно видѣть множество въ Парижѣ.

О *Лицеяхъ*, которые заступили мѣсто центральныхъ школъ и украшены именами Бонапарта, Карла Великаго и пр. скажу то, что они имѣютъ цѣлію воспитывать Французовъ воинами; въ оныхъ обучаются только по Французски, по Латынѣ и Математикѣ, не много Географіи, а впрочемъ

все упражняются въ воинскихъ экзерциціяхъ и вообще содержатся на военной ногѣ.

Для правъ будутъ особенныя школы: и нынѣ есть двѣ, заведенныя частными людьми, но подъ покровительствомъ Правленія, которое дало имъ всѣ права и преимущества казенныхъ: т: е. *Академія Законодательства и Университетъ Юриспруденціи;* въ первой занимаются законоискуствомъ въ пространномъ смыслѣ, а въ послѣднемъ только практическимъ Французскимъ; нѣтъ ничего занимательнѣе, какъ видѣть молодыхъ людей 18 и 16 лѣтъ со всѣмъ жаромъ лѣтъ своихъ и силою краснорѣчія защищающихъ права обиженныхъ: таковыя упражненія бываютъ

каждой мѣсяцъ и всякой можетъ приходить слушать. Во время смутной революціи Законодательство упало-было, но теперь возстаетъ во всей силѣ и славѣ. Между Профессорами въ Академіи славятся *Перо* и *Бернарди*; а въ Университетѣ *Бексонъ* и *Агрести*.

Есть еще *воинская школа*, *Пританей* для сиротъ, оставшихся послѣ умершихъ героевъ, *школы* для *живописи* и *музыки*, но я объ нихъ ничего не могу сказать; ибо не успѣлъ ихъ видѣть.

XVI.

УЧИЛИЩЕ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Безсмертный *де л'Эпѐ*, истинный другъ человѣчества, великодушный благотворитель нещастныхъ, лишенныхъ природою сообщества людей, пріими отъ меня здѣсь нелестную дань сердечныя благодарности и благоговѣйнаго почтенія! Я удивляюсь твоимъ высокимъ талантамъ; ты проникъ въ сокровенное святилище познаній человѣческихъ, и употребилъ постигнутую тайну въ пользу бѣднаго человѣчества, и я

благословляю память твою! — Кто не видывалъ училища глухо-нѣмыхъ, тотъ не наслаждался занимательнѣйшимъ зрѣлищемъ; меня не понятливость, не ученость и знанія прельщаютъ въ нихъ, но природа человѣческая во всей ея простотѣ и невинности; смотря на глухо-нѣмыхъ, видишь ее во всей красотѣ.

Глухо-нѣмые, отдѣлены будучи отъ прочихъ непреодолимою преградою — глухотою, не слышатъ ихъ ложныхъ мнѣній, не понимаютъ ихъ притворныхъ, обманчивыхъ выраженій, и отъ этого не знаютъ никогда принимать на себя маски; душа ихъ не заражена развратными правилами, чиста какъ зеркало и всегда ясна, и сія

ясность души разливается по всей физіогноміи; когда они веселы, веселье ихъ написано на глазахъ, но совсѣмъ другими чертами, нежели у насъ; у нихъ все тогда говоритъ, что они довольны. О чемъ у нихъ спрашиваютъ, отвѣчаютъ съ милою улыбкою, безъ застѣнчивости и безъ всякаго принужденія отъ ложной и развратомъ введенной стыдливости, равно при мущинахъ и женщинахъ и безъ страха политическихъ какихъ нибудь отношеній. Глухо-нѣмый есть истинной сынъ природы, живое изображеніе тѣхъ первыхъ людей, которые еще жили въ ея состояніи. По восшествіи на престолъ Бонапарта, нѣкто изъ зрителей, бывшихъ на упражненіяхъ глухо нѣмыхъ, спросилъ

Масьё: что такое *Бонапартъ*? — надѣясь можетъ быть, что онъ его чрезвычайно расхвалитъ. Масьё, не думая ни мало, написалъ на доскѣ: *это второй Кромвель*; онъ не убоялся ни гильотины, ни растрѣлянія, ни ссылки: всѣ зрители вскочили съ мѣстъ отъ страха; одинъ почтенный настивникъ его, Сикаръ, не потерялъ присутствія духа и, оборотясь къ зрителямъ, сказалъ: « я васъ предувѣдомлялъ, что Масьё, какъ ученикъ, можетъ ошибаться, и въ нынѣшнемъ отвѣтѣ онъ весьма ошибся; постойте, я покажу ему ошибку и онъ самъ признается въ ней предъ вами.» Сикаръ сдержалъ слово; Масьё извинился предъ публикою въ своей ошибкѣ и написалъ

лесть Бонапарту. Но я увѣренъ, что это въ первой и послѣдній разъ Сикаръ заставилъ Масьё говорить противъ его совѣсти.

Говоря съ такимъ, можно сказать, энтузіазмомъ о нравственномъ характерѣ глухо-нѣмыхъ, я не меньше того высоко цѣню ихъ способность познавательную, и болѣе всего таланты ихъ наставника. Видимые чувственные предметы не трудно объяснить, но отвлеченные, только умственные, казалось бы не возможно; здѣсь-то методъ учителя въ полномъ торжествѣ. Сикаръ начинаетъ всегда съ чувственныхъ и мало по малу восходитъ до нечувственныхъ; напр: онъ при мнѣ взялъ слово *образъ (image)*; спер-

ва показалъ его на самомъ дѣлѣ, потомъ отнялъ его и велѣлъ описать; и эту способность представлять вещи въ умѣ и памяти, даже въ отсутствіи, онъ назвалъ способностію *в образить* (la faculté d'imaginer); изъ сего сдѣлалъ *imagination*, потомъ *imaginable*, а Масьё прибавилъ *imaginablement* по аналогіи съ другими прилагательными; вообще глухонѣмые тверды въ общихъ правилахъ грамматики и аналогію любятъ; они изъясняются и на письмѣ правильно, но часто не употребительными наклоненіями словъ.

Въ другой разъ при мнѣ Сикаръ объяснялъ постепенность способности познавать. Онъ взялъ сперва слово *видѣть* (voir); два раза

видѣть, говорилъ онъ, значитъ смотрѣть (regarder) 3 раза — пристально смотрѣть (fixer); 4 раза— обозрѣвать (considérer); 5 разъ— проницать (pénétrer). По сему образцу объяснилъ онъ способность познавательную; онъ сказалъ, что первая приличиствуетъ *внѣшнему оку*; но есть *внутреннее око*, которое также видитъ, и сіе его дѣйствіе называется представлять (idéer); два раза представлять значитъ думать (penser); три раза— обдумывать (méditer) 4 раза— размышлять (réfléchir), 5 разъ углубляться (approfondir), а шесть разъ въ первомъ и послѣднемъ случаѣ значитъ испытывать (examiner). Подобно сему онъ показывалъ ходъ способности желатель-

ной, т : е: два раза желать, по его мнѣнію, значитъ хотѣть (desirer); три раза — любить!; 4 раза— пламенѣть (brûler) (не достаетъ другаго не метафорическаго выраженія): 5 разъ наконецъ желать, значитъ быть страстну (se passionner). Вотъ нѣкоторыя черты изъ Сикаровой методы, касательно понимающей способности!— но онъ изучилъ и строеніе органовъ говорительныхъ и выучиваетъ глухихъ читать въ слухъ такъ, что они сами не знаютъ, что дѣлаютъ, когда дѣйствуютъ губами, языкомъ и голосомъ; они читаютъ и всѣ слышатъ — кромѣ ихъ однихъ.

Теперь бы слѣдовало привести нѣсколько острыхъ отвѣтовъ Масьё : но Чита-

тели мои вѣрно читали объ нихъ въ Вѣстникѣ Европы.— Однако и я не могу удержаться не помѣстить здѣсь одного. Сикаръ анализировалъ нѣкоторыя слова грамматически, потомъ показалъ между прочимъ ему свой платокъ и спросилъ: что это такое? Масьё написалъ *mouchoir*: онъ спросилъ: какой? указывая на его фигуру; онъ написалъ въ отвѣтъ: *carré* (четвероугольный); потомъ Сикаръ спросилъ: какая часть рѣчи *mouchoir* и *carré*? Масьё отвѣчалъ, что *mouchoir* есть существительное, а *carré* прилагательное;—но естьли, продолжалъ Сикаръ, будетъ просто: *le carré* (четвероугольникъ), что тогда за часть рѣчи? Масьё отвѣчалъ, не мѣшкая ни ми-

нуты, что будетъ тогда существительное:— въ это время нѣкто изъ зрителей спросилъ въ слухъ: какимъ образомъ слово *carré* изъ прилагательнаго здѣлалось существительнымъ? Сикаръ изъяснилъ этотъ вопросъ Масьё знаками; Масьё, подумавши минуты три— четыре, написалъ на доскѣ: *par sa séparation de l'objet et par son entrée en esprit comme substance* (*). Вотъ его собственныя слова! скоростію и правильностію отвѣта онъ поразилъ всѣхъ.

Сикаръ говоритъ съ учениками своими троякимъ образомъ: 1 е тѣлодвиженія-

(*) Чрезъ отдѣленіе отъ предмета и чрезъ вмѣщеніе въ умъ, какъ существо самостоятельное.

ми; 2е знаками, составляя фигуру буквъ изъ пальцовъ; 3е изображая слова пальцами на воздухѣ: первый и послѣдній способъ удивительны; Сикаръ очень скоро дѣйствуетъ руками, и ученики однако не потеряютъ ни слова.

Много труда стоитъ Сикару приучить учениковъ къ своей методѣ и заставить понимать: но вмѣстѣ какое сладостное для сердца его удовольствіе усматривать успѣхи своихъ стараній! онъ вводитъ ихъ въ сообщеніе съ человѣчествомъ, обуча объясняться на письмѣ, и доставляетъ имъ полезныя средства уничтожать скуку безмолвія и уединенія чтеніемъ или разговоромъ знаками. Сверьхъ того Сикаръ и тѣмъ

довольно для благороднаго сердца награжденъ за свои свѣденія и труды, что спасеніемъ жизни своей имъ обязанъ. Въ первые годы революціи, когда требовали, чтобъ всѣ духовные присягнули новой Конституціи по извѣстной формѣ, многіе убѣжали въ чужіе краи, чтобъ избавиться присяги; другіе не захотѣли присягнуть и умерли на гильотинѣ. Сикаръ, находя присягу сію противъ правилъ своихъ, противъ чести и закона, упорствовалъ дать оную, не смотря ни на прозьбы друзей, ни на угрозы властителей тогдашнихъ, и былъ посаженъ въ Темпельскую темницу; онъ близокъ уже былъ къ поносной казни, какъ нѣкто изъ благородныхъ сердцемъ

согражданъ его, именемъ *Мо-но*, часовщикъ, чтитель его достоинствъ и другъ нещастныхъ глухо-нѣмыхъ, подалъ голосъ въ Конвентѣ объ освобожденіи его: «на кого мы оставимъ, говорилъ онъ, нещастныхъ, ввѣренныхъ его попеченіямъ? кто будетъ имъ наставникомъ и отцемъ? приготовили ли вы ему преемника?» Сіи слова такъ всѣхъ поразили, что тотчасъ приказано было его освободить; и Сикаръ, одинъ изъ всѣхъ Аббатовъ, оставшихся во Франціи и теперь живущихъ, пребылъ вѣренъ своему долгу, своей прежней клятвѣ. Этотъ анекдотъ есть ясное и неоспоримое свидѣтельство о его талантахъ.

Сикаръ упражняетъ своихъ

питомцевъ (*) публично каждыя двѣ недѣли, и зала его собраній, украшенная только бюстомъ де л'Эпѐ, бываетъ всегда наполнена посѣтителями; онъ съ удивительною неутомимостію продолжаетъ засѣданіе часа четыре.

Въ томъ же домѣ, гдѣ глухо-нѣмые живутъ, воспитывается также и дикарь, пойманный въ лѣсу въ Авейронскомъ Департаментѣ, подъ смотрѣніемъ Доктора *Исарда*; я упомяну здѣсь о немъ къ стати: ему теперь около 17 или 18 лѣтъ; ибо усы

(*) Они учатся не только читать и писать, но и рисовать, Арифметикѣ и ремесламъ. Правительство содержитъ бѣдныхъ на свой коштъ, а достаточные платятъ по 600 франковъ.

начинаютъ уже пробиваться; въ лѣсу ходилъ онъ на четверэньькахъ, и вотъ въ два года слишкомъ насилу выучился стоять, и то не прямо, нѣсколько наклоняется и руками качаетъ; привыкши въ лѣсу ѣсть все сырое и спать на землѣ, онъ и теперь предпочтительно ѣстъ невареное, и отмѣнно охотникъ до картофеля и любитъ спать на полу; сначала ни за что не могли принудить его спать на постелѣ; потомъ, боясь плети, онъ ложился свечера на постель, а ночью непремѣнно опять слезалъ на полъ, что и теперь нерѣдко случается; по сю пору ничего не говоритъ, а только мычитъ; его начали учить съ письма, и онъ мараетъ кое-какъ лите-

ры на черной доскѣ мѣломъ; сперва былъ сердитъ и золъ, но теперь становится день отъ дня смирнѣе и ласковѣе.

XVII.

УЧИЛИЩЕ СЛѢПЫХЪ.

Что полезнѣе для общества: слѣпыхъ учить, или глухихъ? Слѣпые, или глухіе болѣе заслуживаютъ вспомоществованія отъ Правительства?— Сіи вопросы рѣшить можетъ всякой, какъ хочетъ; но для меня только то неоспоримымъ кажется, что труднѣе учить глухихъ, нежели слѣпыхъ: и потому я изобрѣтателю методы ученія для глухихъ отдаю всю

славу и честь, и поставляю его выше учителя слѣпыхъ.

Г. *Гаю*, братъ славнаго Минералога, былъ первымъ изобрѣтателемъ методы учить слѣпыхъ: она вся основана на острой памяти и тонкомъ осязаніи, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, слѣпымъ свойственны въ высочайшемъ степени: онъ напечаталъ разныя книги и ландкарты съ выпуклостями; ощупывая оныя, они читаютъ, но, какъ легко догадаться можно, очень не скоро; слѣдуя сей же мысли, онъ сдѣлалъ изъ нихъ и типографщиковъ, такъ какъ литеры образуютъ собою выпуклость. Это конечно замысловато, но не удивительно для Парижанъ, которые видятъ ежедневно на своемъ бульварѣ слѣпыхъ,

играющихъ въ пикетъ ощупью; они могутъ отличать масть отъ масти, каждую карту между собою, и потомъ безошибочно говорятъ, въ чемъ у нихъ шесть или пять, сколько щетомъ, въ чемъ квартъ или терцъ и т. д: чему я самъ не однократно съ изумленіемъ бывалъ свидѣтелемъ и изъ любопытства смотрѣлъ по нѣскольку игоръ.

Что касается до разныхъ работъ и музыки, въ которыхъ г. Гаю также упражняетъ ихъ: это очень не удивительное дѣло; мы видимъ, что слѣпые, не учась, сами собою доходятъ до многаго наслышкою.

XVIII.

АТЕНЕИ.

Назадъ тому двадцать лѣтъ, нѣкоторые изъ знаменитыхъ ученыхъ Парижанъ, въ числѣ коихъ были *Лагарпъ*, *Фуркруа* и *Гара*, вздумали завести такое училище, въ которомъ бы свѣтскіе люди, даже дамы, согласились учиться: они прiобщили къ себѣ нѣсколькихъ капиталистовъ и открыли потомъ училище подъ именемъ *Лицея*: для привлеченія же къ себѣ публики и удовольствія ея, они все употребили: во первыхъ присоединили къ себѣ отличнѣйшіе

таланты для преподаванія наукъ: науки избрали самонужнѣйшія, языки употребительнѣйшіе, какъ то: Англинскій, Италіянскій (кромѣ Нѣмецкаго!); собрали не большую, но отборнѣйшую библіотеку, изрядный кабинетъ Натуральный, Химическій и Физическій; держатъ наилучшіе журналы для чтенія членовъ. посвятили огромную залу для однихъ разговоровъ, въ которой въ каминѣ горитъ неугасимой большой огонь, во всю зиму, къ услугамъ членовъ; тамъ они могутъ просиживать цѣлые дни, разговаривая о политическихъ, коммерческихъ и ученыхъ дѣлахъ; сверхъ того по середамъ или лучшіе сочинители читаютъ свои небольшія піесы, или охотники

музыканты даютъ концерты; для сего-то *Лицея Лагарпъ* сочинилъ свой курсъ литтературы и читалъ его въ ономъ. Но за какую цѣну всѣ сіи выгоды доставляются? — едва вѣрить можно — прежде за три луидора (24 рубли), а недавно начали платить по четыре въ годъ. Нужно ли сказывать, что вся Публика приняла съ рукоплесканіемъ открытіе сего училища и съ энтузіазмомъ въ него записывалась? Оно постоянно продолжается до сего времени и невредимо прошло сквозь всѣ бури Революціи, только перемѣнило имя свое т: е: вмѣсто *Лицея* называется нынѣ *Атенеемъ*, для ошличія отъ казенныхъ Лицеевъ. Послѣдній годъ читали лекціи слѣдующіе

Профессоры: о Химіи *Фуркруа* и *Тенаръ*, о Натуральной Исторіи *Кювье*, о Физикѣ *Біотъ*, о Технологіи *Гассенъ-Францъ*, о ученой Исторіи *Женгене*, о Французской Литтературѣ *Виже*, о Ботаникѣ *Мирбель*, о Анатоміи и Физіологіи *Сю* и проч. Въ мое время членовъ было около 300, а прежде бывало болѣе. Иностранные Министры и знатныя дамы не стыдятся сидѣть на ученической скамейкѣ и слушать глубокомысленныхъ и вмѣстѣ краснорѣчивыхъ Профессоровъ. Многіе изъ дамъ на лекціяхъ карандашемъ дѣлаютъ замѣчанія въ своихъ записныхъ книжкахъ, а на концертахъ показываютъ искусство свое въ пѣніи иму зыкѣ. *Атеней* есть такой домъ, въ которомъ время про-

водятъ и пріятно и полезно.

Недавно въ подражаніе сему, заведенъ и другой новой, которой для отличія отъ перваго называется *Атенеемъ Иностранныхъ*; ученые второкласные занимаютъ тамъ мѣста Профессоровъ и онъ не столько славенъ.

Кромѣ сихъ мною описанныхъ училищъ, сколько партикулярныхъ Пансіоновъ! Всѣ предмѣстія ближнихъ селеній наполнены оными; Сколько приватныхъ лекцій, даваемыхъ на дому учеными! Напр: *Шарль* и нѣкоторые другіе учатъ Физикѣ, *Вокленъ* Химіи, *Дебуа* Хирургіи, *Жофре*, новый перипатетикъ, прогуливаясь даетъ наставленія своимъ слушателямъ о *щастіи*, о добро-

дѣтели и проч. Множество лекцій Медицинскихъ, есть Стенографическая и Пасиграфическая и даже о декламаціи, которую читалъ славный *Ларивъ*, съ нѣкотораго времени удалившійся съ театра. Какой городъ представляетъ столько средствъ къ просвѣщенію! . . . Но посмотримъ далѣе, сколько доставляетъ сверьхъ того пособій.

XIX.

НАЦІОНАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Между первыми пособіями къ просвѣщенію должно почитать Библіотеки: Парижъ

имѣетъ ихъ до 10 казенныхъ, какъто: Національную, Сенатскую, Законодательнаго Корпуса, Трибуната, Арсенала, Политехнической школы, при Пантеонѣ и при всѣхъ трехъ Лицеяхъ. Кромѣ сихъ казенныхъ есть еще партикулярныя, напр: на улицѣ Сенской для Медиковъ особенно, а на улицѣ Сп. Оноре для Законоискусниковъ, подъ названіемъ: *Хранилище Законовъ*, въ которыхъ за весьма умѣренную цѣну можно пользоваться наилучшими по помянутымъ частямъ книгами.

Что касается до Національной Библіотеки, она есть единственное сокровище въ свѣтѣ, и можно сказать смѣло, величайшая и полнѣйшая въ Европѣ; прежде Революціи щитали въ ней

300000 томовъ, но сколько въ Революцію число сіе возрасло, какъ своими, вновь вышедшими и у частныхъ людей *отнятыми*, такъ и чужестранными завоеванными твореніями! Историкъ, Юристъ, Философъ, Дипломатъ, Богословъ, Математикъ и Филологъ, идите смѣло въ эту библіотеку и вы найдете всякую книгу, какую только пожелаете; Антикваріусы, вы найдете въ ней нещетныя сокровища по вашей части, касательно Египетскихъ, Греческихъ, Римскихъ, Этрурскихъ, Гальскихъ и Французскихъ древностей; какое множество медалей, монетъ, гравированныхъ камней, древнихъ вазовъ и другихъ вещей! Архитекторы найдутъ здѣсь ри-

сунки всѣхъ славнѣйшихъ памятниковъ, древними и новѣйшими воздвигнутыхъ, и Географы—наилучшія и древнѣйшія карты разныхъ Государствъ.

Зданіе Библіотеки есть самое старинное и простое, но огромное; лишь только вы подойдете къ крыльцу, одинъ прибитой листокъ увѣдомляетъ васъ, что должно вытереть ноги, и вы тутъ находите все нужное къ тому; другой листъ показываетъ законы Библіотеки; между прочимъ напоминаетъ, чтобъ вы никакъ не осмѣлились унизить кого нибудь изъ служителей какою либо платою за труды; все это повторяется на каждой лѣсницѣ и наконецъ еще у самыхъ дверей; вы удивитесь

на первой разъ симъ предосторожностямъ, особенно касательно опрятности, но лишь въ первую залу войдете, то оправдаете ихъ, увидя чистоту оной; штучные налощеные полы издаютъ блескъ и гладки какъ стекло; вылакированные шкапы также блестятъ, и ни на одной книгѣ вы не найдете пыли; всѣ переплетены не богато, но красиво; вы можете видѣть заглавіе каждой, но они заперты въ шкапахъ, за медными тонкими рѣшетками. Въ первой залѣ вы не видите ни кого, кромѣ одного служителя; входите во вторую, которая образуетъ собою букву: П, обходя непрерывно весь домъ, и видите во все ея пространство стоящіе столы, за которыми

по крайней мѣрѣ до ста человѣкъ читающихъ; въ числѣ ихъ есть пожилые и молодые;—сколько можетъ быть, думалъ я иногда, глядя на молодыхъ читателей, готовится здѣсь для Франціи писателей, а можетъ быть образуется и великій умъ!—Не смотря на множество читающихъ, тишина совершенная; новоприходящіе стараются какъ можно осторожнѣе пройти и выпросить себѣ книгу; но если кто заговорилъ громко, всякой прежде смотрителей почитаетъ себя въ правѣ унять. Какой строгой порядокъ! какая услужливая учтивость! спросите, какую книгу угодно: вамъ тотчасъ ее отъищутъ и подадутъ съ пріятною миною. Читать можно всякой день отъ 10

часовъ утра до 2 по полудни; вы были два раза: уже помнятъ, какая вамъ книга надобна; я ходилъ два мѣсяца ежедневно и никому не наскучилъ. Зала сія ни чѣмъ постороннимъ не украшена, кромѣ нѣкоторыхъ бронзовыхъ изображеній; въ особенной комнатѣ, собраны Географическія книги; въ ней же стоятъ славные величиною своею глобусы: въ другой хранятся антики; тутъ между прочимъ видите вы муміи, разныя писанія Египетскія и Арабскія, разныя церковныя, старинныя и богатѣйшія утвари, отобраныя въ Революцію у Соборовъ и Монастырей; манускрипты и гравировки хранятся въ отдѣленномъ флигелѣ и въ нѣсколькихъ залахъ; кромѣ про-

чихъ, однихъ оригиналовъ, сказываютъ, щитается до 60000; какое неоцѣненное сокровище!

Послѣ такой богатой библіотеки конечно другія покажутся бѣдны и не любопытны для моихъ читателей, и я описаніе ихъ оставляю.

Но не льзя здѣсь не упомянуть о кабинетахъ чтенія, которые можно найти на всякой главной улицѣ; въ нихъ за 5 су за разъ, или за 5 франковъ въ мѣсяцъ можно читать всѣ возможные Французкіе, а въ нѣкоторыхъ и иностранные журналы и газеты, ученые и политическіе, также всѣ вновь выходящія книги; это величайшее удобство для небогатыхъ или путешествую-

щихъ любителей чтенія; за такую малость можно знать все новое въ политическомъ и ученомъ свѣтѣ.

XX.

КАБИНЕТЪ НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРІИ Г. ЛЕСАЖА.

Послѣ Музея Натуральной Исторіи кабинетъ г. *Лесажа* занимаетъ второе мѣсто. Г. Лесажъ богатую свою коллекцію помѣстилъ въ великолѣпнѣйшей залѣ огромнѣйшаго дома въ Парижѣ, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ *Монетнаго Дома* (Hôtel des monnoies). Путешественникъ,

посѣщающій въ первой разъ сей кабинетъ, всходя по пышной лѣсницѣ, украшенной бюстомъ хозяина, поставленнымъ признательными его учениками, приходитъ въ изумленіе; онъ не вѣритъ самъ себѣ, что идетъ осматривать ученый кабинетъ; ему кажется, что онъ посѣщаетъ какого либо Парижскаго Сатрапа; богато одѣтый швейцаръ отворяетъ вамъ дверь; вы входите какъ будто въ нѣкій храмъ; блескъ мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ хоры круглой этой залы, ослѣпляетъ васъ; въ срединѣ небольшой амфитеатръ обитъ зеленымъ тонкимъ сукномъ, самыя мѣста такогоже цвѣта рытымъ трипомъ; около сего-то амфитеатра и между колоннъ по стѣнѣ

поставлены шкапы краснаго дерева съ минералами и драгоцѣнными камнями: бриліянты, алмазы, изумруды, яхонты, золото, серебро, платина и проч. все тамъ можно видѣть, хотя не въ большомъ количествѣ; на хорахъ поставлены шкапы съ произведеніями изъ другихъ царствъ природы; въ боковыхъ комнатахъ хранятся рисунки всякихъ металлургическихъ машинъ, печей и пр.

Все показываетъ знаніе въ выборѣ, вкусъ въ расположеніи и богатство въ украшеніи.

Г. Лесажъ во времена *ужаса* купилъ симъ кабинетомъ жизнь себѣ, такъ какъ Г. Шарль Физическимъ; но нынѣшнее Правительство заплатило ему деньги, пред-

оставивъ должность Директора надъ онымъ и Профессора Химіи и Минералогіи. Онъ одинъ упорствуетъ принять новую Химическую терминологію и въ углу своемъ смѣется надъ новѣйшими Химиками и ихъ открытіями. Отъ этого слушателей у него очень мало.

XXI.

МУЗЕЙ АНТИКОВЪ И КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Мы видѣли, сколько по собій представляетъ Парижъ для образованія ума упражняющихся въ наукахъ: не меньше

того онъ имѣетъ пособій для образованія вкуса молодыхъ художниковъ. Сколько Музей антиковъ и картинная Луврская галлерея представляютъ образцовъ великихъ, совершенныхъ для рѣзца скульптёровъ и для кисти живописцевъ! что статуя, то чудо искуства, что картина, то совершенство художества.

Живши годъ въ Парижѣ, я болѣе десяти разъ посѣщалъ сіи святилища живописи и скульптуры, и не могъ довольно насытиться разсматриваніемъ прозведеній Апеллесовъ и Фидіасовъ. Въ первой разъ когда войдешь, то это чрезвычайное множество красотъ развлекаетъ вниманіе и любопытство; не знаешь, на что обратить глаза;

все плѣняетъ, все влечетъ все имѣетъ свои достоинства и возбуждаетъ удивленіе; разсматриваешь ли искусство въ подражаніи природѣ и въ составленіи красокъ для изображенія видовъ ея, или вѣрность не только кисти, но и рѣзца въ соблюденіи каждой черты, мускула, сгиба, морщины на тѣлѣ человѣческомъ, все кажется живымъ, шольяо что недвижется. Это истинное волшебство: не одушевленное возбуждаетъ то радость, то печаль, то удовольствіе, то омерзеніе, то тихое чувство, то страданіе. Лица Святыхъ, изображенные *Рафаелемъ*, *Рубенсомъ* кажутся божественными: портреты *Вандика* говорящими, пейзажи *Пусеня* и *Вернета* воспоминаютъ о Швейцарскихъ

долинахъ, Венера Мидицейская возбуждаетъ любовь, Апполлонъ Бельведерскій благоговѣніе, а Лаоконъ заставляетъ страдать и мучишься.

Вотъ наидрагоцѣннѣйшее пріобрѣтеніе Французскаго оружія!

Подлѣ картинной галлереи въ сторонѣ есть зала, опредѣленная для храненія рисунковъ; здѣсь наиболѣе примѣчанія достойна Аѳинская школа Рафаеля; зала сія убрана довольно богатыми мебелями, штукованными столами и Эпрусскими вазами; здѣсь выставлено было шитье Королевы *Матильды*, однако оно не Королевское, т: е: очень не мудреное, но надѣлало очень много шуму

по обстоятельствамъ. *Вильгельмъ* и *Бонапартъ* многими отношеніями — сходны; оба завоеватели, едвали не оба дѣти любви, одинъ покорилъ Великобританію, другой *собирается* тоже сдѣлать!!...

XXII.

МУЗЕЙ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

Но вотъ еще Музей, состоящій хотя не изъ столь совершенныхъ произведеній скульптуры, но не менѣе того любопытный и занимательный.

Почтенный *Ленуаръ*, желая спасти отъ рукъ новыхъ Вандаловъ, опустошавшихъ всѣ монастыри и церкви, и испровергавшихъ всѣ монументы, по мнѣнію ихъ *аристократическіе*, собралъ, сколько успѣлъ, оные вмѣстѣ въ уничтоженномъ Августинскомъ монастырѣ; тутъ можно видѣть памятники, начиная отъ первыхъ вѣковъ Христіанства до нынѣшнихъ: они всѣ разобраны хронологически и поставлены по лѣтамъ въ разныхъ залахъ; такимъ образомъ переходя залы 5, 6, 7 го столѣтія и т. д. даже до залы 18 го, видишь постепенность возвышенія Французской скульптуры до нынѣшняго ея совершенства; это исторія оной въ лицахъ.

Однако въ семъ Музеѣ не одно любопытство питается, но умъ, сердце и душа; здѣсь зритель воспоминаетъ исторію Франціи, видя изображенія великихъ ея людей, славныхъ писателей; здѣсь иногда онъ улыбается при чтеніи острой, забавной надписи, или испуститъ вздохъ, и слезы невольно потекутъ изъ глазъ его при видѣ памятниковъ, любви любовію посвященныхъ. Хвала безсмертная почтенному Ленуару, имѣвшему толь щастливую мысль!

XXIII.

МУЗЕЙ ХУДОЖЕСТВЪ.

Музей художествъ заслуживаетъ также вниманіе путешественника. Онъ содержитъ въ себѣ модели всякаго рода машинъ, въ общежитіи употребляемыхъ; хотя сіи предметы не столько блистательны и великолѣпны, какъ произведенія скульптуры и живописи, но сей недостатокъ замѣняетъ польза ихъ, и посему для меня сей Музей равенъ всѣмъ другимъ. Въ немъ молодой машинистъ найдетъ модели всѣхъ возможныхъ машинъ, служащихъ къ поднятію, или перенесенію

тяжестей; экономъ—модели всѣхъ орудій землепашескихъ, хозяйственныхъ, разнаго рода плуги, бороны, мѣльницы, печи для овиновъ и проч; слѣсарь—разнаго рода замки; между прочими есть такой, что ежели воръ вздумалъ бы отпереть подобраннымъ ключемъ, или и слесарь своимъ искуственнымъ, то бы тотчасъ тѣмъ же замкомъ былъ пойманъ среди самаго дѣйствія, а хозяинъ въ тужъ минуту былъ бы разбуженъ выстрѣломъ пистолетнымъ, или колокольчикомъ, къ замку прикрѣпленнымъ; здѣсь для химиковъ и минералоговъ есть образцы печей химическихъ и минералогическихъ; какое сокровище для Технолога! Наиболѣе удивила меня прядильная для хлопчатой

бумаги машина; она преогромная и служитъ вмѣстѣ къ разчесанію бумаги, къ ея уравненію и пряденію, и къ сученію пряденой. Это такое превосходное изобрѣтеніе, каковыхъ мало бываетъ; машина такъ искусно дѣйствуетъ, такъ все хорошо отдѣляетъ, что человѣкъ руками искуснѣе, вѣрнѣе и ровнѣе сдѣлать не можетъ. Есть другая машина, которая была сдѣлана для *Людовика* XVI, посредствомъ которой, не бывши ни граверомъ, ни ваятелемъ, можно снимать копіи съ медалей и монетъ и проч.

XXIV.

СОСТОЯНІЕ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ ПАРИЖѢ И ВО ФРАНЦІИ.

Имѣя столько источниковъ, столько пособій къ просвѣщенію и къ образованію себя въ художествахъ, какъ мы видѣли, пользуются ли ими Парижане? и въ какомъ состояніи теперь Науки и Художества какъ въ Парижѣ, такъ и во Франціи?

Что касается до того, пользуются ли Парижане источниками, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія никакого. Французы, какъ всѣ просвѣщенные наро-

ды, имѣютъ охоту, склонность, страсть къ ученію; ихъ уже не нужно къ тому приманивать преимуществами и отличіями; они сами чувствуютъ пользу наукъ и въ единомъ упражненіи находятъ плату за свои труды, а слава есть лестнѣйшая за оныя награда. Всякой отецъ семейства увѣренъ, что необходимо нужно воспитывать своихъ дѣтей, и всякой молодой человѣкъ почитаетъ за долгъ чему нибудь учиться. Всѣ училища наполнены юношествомъ. Француза не будущіе чины приманиваютъ къ ученью, а одна польза; онъ кончитъ курсы и остается приватнымъ человѣкомъ, но онъ находитъ въ наукахъ лучшее времяпровожденіе и удовольствіе на всю жизнь;

просвѣщенный разумъ почитаетъ первымъ преимуществомъ и отличіемъ: нѣтъ въ публичныхъ училищахъ, особенно въ вышнихъ, ни смотрителей, ни, такъ сказать, начальства; они публикуютъ объ открытіи своихъ курсовъ и въ первой же денъ всѣ аудиторіи наполнены слушателями, а аудиторіи славнѣйшихъ, въ своемъ дѣлѣ искуснѣйшихъ и даромъ слова отличнѣйшихъ Профессоровъ, даже не вмѣщаютъ всѣхъ учащихся, какъ я выше замѣтилъ о лекціяхъ Г. Кювье; тоже бываетъ въ Музеѣ Исторіи Натуральной на лекціяхъ Фуркруа, Бокленя, Гаю и проч. Тутъ между молодыми людьми вы не рѣдко увидите и пожилыхъ, даже посѣдѣвшихъ; вы увидите и

женщинъ, которыя въ записныхъ своихъ книжкахъ карандашемъ замѣчаютъ лучшія мысли, или для нихъ новыя истинны, Профессоромъ сказанныя.

Подите въ Библіотеки, вы найдете множество чтецовъ, и особенно въ національной. Методъ Французовъ, почитающійся у нихъ наилучшимъ, состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать выписки изъ всего читаннаго, а лучшія мѣста всѣ сполна списывать, и они правы, кажется, въ этомъ; опытъ ихъ доказываетъ превосходство сего метода.

Подите въ картинныя галлеріи, въ музеи, вы найдете вездѣ молодыхъ людей копирующихъ, срисовывающихъ. Всѣ кабинеты чтенія напол-

нены чтецами; есть сотни книжныхъ лавокъ и типографій; всѣ въ движеніи и имѣютъ доходъ и прибыль; всякой читаетъ и рѣдкой не имѣетъ лучшей книги извѣстнаго Автора. При мнѣ выдали Энеиду, переведенную Делилемъ, и въ одинъ разъ заводовъ до 8, и конечно не по 1200 экземпляровъ: въ первые дни у лавки были толпы людей, приходившихъ покупать, а сколько напередъ взяли другіе книгопродавцы; ибо чрезъ нѣсколько дней продавалась уже во всемъ Парижѣ, такъ, что напечатавшіе оную должны были чрезъ мѣсяцъ новое сдѣлать изданіе.

Но какія науки наиболѣе процвѣтаютъ нынѣ въ Парижѣ, слѣдовательно и во Франціи? Тѣ, которыя извѣстны

подъ именемъ *наукъ точныхъ*, (les sciences exactes) нынѣ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Химія преобразованная, очищенная, облегченная новою терминологіею, обогащенная открытіями *Лавуазье* прежде революціи, имѣла ревностнѣйшихъ изыскателей ея сокровищъ въ послѣдователяхъ его во время революціи, и нынѣ имѣетъ. Примѣръ славныхъ Химиковъ: *Фуркруа*, *Шапталя*, *Бертоле*, *Гюйтона Морво*, *Вокленя*, изъ коихъ первый занимаетъ почтеннѣйшее мѣсто въ правленіи, имѣлъ величайшее вліяніе на распространеніе вкуса и охоты къ сей наукѣ; онъ далъ такое сильное побужденіе, что всѣ теперь хотятъ быть Химиками, даже многія дамы; молодые

люди ни чему въ такомъ множествѣ не учатся, какъ Химіи.

Что касается до Математики, то также можно сказать, что первѣйшіе въ Европѣ Математики, сдѣлавшіе новѣйшія и важныя открытія, суть Французы. Какой другой народъ представить можетъ равныхъ *Лапласу*, *Лагранжу*, *Лакруа*? если Французы не открыли новыхъ планетъ, то они можетъ быть дали вѣрнѣйшія изчисленія ихъ кругообращенію. Молодые люди, очень многіе занимаются Математикою; ибо безъ нее не льзя сдѣлаться ни инженеромъ, ни артиллеристомъ.

Физиковъ новыхъ не слышно; *Бриссонъ* и *Сиго де ла*

Фонъ забыты: говорятъ наиболѣе всѣхъ о *Шарлѣ*, и въ самомъ дѣлѣ онъ есть одинъ изъ первыхъ физиковъ; всѣмъ извѣстны его открытія какъ новыя, такъ и прежнія, имъ лучше объясненныя и основательнѣе доказанныя: Физической его кабинетъ составляетъ наилюбопытнѣйшій предметъ для путешественника; онъ занимаетъ нѣсколько залъ, и большая часть машинъ имъ самимъ изобрѣтены; въ аудиторіи его хранится та лодочка, на которой онъ, первый смѣльчакъ, въ 1783 году пустился съ шаромъ въ воздушное плаваніе. Въ мое время заставилъ вновь о себѣ говорить *Монгольфьеръ*, первый изобрѣтатель воздушныхъ шаровъ, изобрѣтшій новый гидравлическій насосъ, кото-

рымъ онъ доказалъ, въ противность прежнимъ положеніямъ физиковъ, что вода можетъ подниматься несравненно выше той высоты, съ которой она упадаетъ, и даже текущая только по наклоненію; напр. я видѣлъ, что, упадая изъ насоса обыкновеннаго колодезя, вышиною аршина два, поднималась по крайней мѣрѣ сажени на четыре. Сіе изобрѣтеніе, весьма важное и полезное для многихъ случаевъ, принято было съ великимъ одобреніемъ. Монгольфьеръ хочетъ по образцу сего насоса сдѣлать новую машину для Марли; старая уже близка къ разрушенію и сія новая будетъ столько же стоить, сколько ежегодное содержаніе старой становится.

Натуральная Исторія так-

же годъ отъ году въ предѣлахъ своихъ распространяется; извѣстны всему свѣту заслуги по сей части *Ласепеда*, продолжателя *Бюффона*, и *Кювье*; сколько тотъ обогатилъ область Исторіи по части животныхъ бѣлокровныхъ и рыбъ, столько сей по части четвероногихъ. Кто болѣе разсѣкалъ животныхъ, кто далѣе проникнулъ въ таинство строенія ихъ внутренности, какъ сей послѣдній? Къ нимъ причислить должно *Ламарка*, *Жюсье*, *Жофруа* и проч. Нужно ли по части Минералогіи упоминать о *Гаю*, которой нашелъ новую теорію кристаллизаціи, признанную самою лучшею и принятую уже во всей Европѣ?

О прочихъ вѣтвяхъ наукъ

не можно сказать ничего лестнаго для Французовъ; они остаются почти безъ образованія. Возьмемъ ли Философію? они никогда ее не любили; для нихъ, по характеру ихъ, умозрѣнія всегда казались бреднями и занятіе оными безполезнымъ: ихъ Философія есть опытная: умѣть пользоваться жизнію съ пріятностію и удовольствіемъ; и нигдѣ сія наука не доведена до такого совершенства. Однакожъ Франція имѣла *Декарта*, *Маллебранша*, *Кондильяка*, *Гельвеціуса*, *Дидерота* и другихъ; но нынѣ въ семъ родѣ писателей нѣтъ ни одного, кромѣ *Дежерандо*, который написалъ книгу въ отвѣтъ на задачу Берлинской Академіи о произхожденіи познаній человѣческихъ; еще Г.

Виллерсъ издалъ небольшое сочиненіе о *Кантовой* Философіи и всѣ его почитаютъ съумашедшимъ. Они смѣются надъ Нѣмцами и ихъ Философами, и особенно надъ *Кантомъ*; едва ли во всемъ Парижѣ десятеро читали его сочиненія, и то можетъ быть только одно о *Вѣчномъ мирѣ*, переведенное на Французской языкъ, а о прочихъ знаютъ по газетамъ Нѣмецкимъ и по Виллерсу, но всѣ смѣло его ругаютъ и дурачатъ тѣхъ, которые занимаются Кантовою Философіею. Къ нещастію ея, вздумалъ защищать ее Г. *Мерсье*, извѣстный Авторъ *Картины Парижа* и 2440 *года*; его всѣ почитаютъ съумазброднымъ, на кого онъ и въ самомъ дѣлѣ похожъ; ибо бранитъ все, что другимъ

нравится, напр. онъ говоритъ, что Астрономія вздоръ, что *Невтонъ* обманщикъ, что ни Венера Медицейская, ни Аполлонъ Бельведерскій никуда не годятся; и этотъ—то человѣкъ хвалитъ Кантову Философію! Какое должно быть мнѣніе Французовъ объ оной?- Ихъ оракулъ и пророкъ Кондильякъ; далѣе его итти не хотятъ и думаютъ, что онъ достигъ вершины философскихъ познаній. (*)

Но что всего страннѣе: имя Философа на языкѣ и перѣ нѣкоторыхъ людей сдѣлалось бранью; что мы выражаемъ словомъ *вольнодумъ*, Фран-

---

(*) Безпристрастіе заставляетъ сказать, что нынѣ начали они заниматься Философіей. 1822.

цузы означаютъ тоже словомъ *Философъ*. Всякой, кто писалъ и пишетъ, думалъ и думаетъ противъ вѣры, есть Философъ: а иные благочестивые называютъ симъ именемъ даже и тѣхъ, которые *не пишутъ только что* о религіи, а о политикѣ, правахъ или исторіи. Къ семуже числу относятъ всѣхъ Революціонеровъ, Якобинцовъ, и ихъ украшаютъ почтеннымъ титломъ Философа! Какая превратность въ мысляхъ! Сія антифилософическая секта родилась изъ пепла *Фреронової* и къ нещастію день ото дня увеличивается; ибо, какъ видно, она подъ покровительствомъ Правленія, которое хочетъ *подать* Францію по крайней мѣрѣ на 200 лѣтъ *назадъ* или бы и далѣе. На-

чальникъ оной *Жофруа*, бывшій сотрудникъ *Фрерона*, Аббатъ и издатель *du Journal des Débats*, ядъ свой изливаетъ противъ Философовъ въ прибавленіи сего Журнала, которое онъ наполняетъ критикою театровъ, и при всякой піэсѣ, хотябъ не *Волтеровой*, умѣетъ придраться къ *Волтеру* и обругать его самыми язвительными выраженіями, а отъ Волтера къ Философамъ, т: е: къ Философамъ по его названію, и потомъ ко всей Философіи; его помощники: *Фелесъ*, *Жоидо* и другіе, помѣщая критики на книги, умѣютъ также искусно прицѣпиться къ Волтеру и къ Философамъ. Не недостаетъ и въ защитникахъ ихъ, но они слабы; они боятся сказать

все, что бы могли и что мыслять, дабы не оскорбить Правленія, которое шутить не любитъ; ибо если кто посмѣлѣе что скажетъ, тому и запретятъ говорить. Какъ ихъ называютъ, Богъ вѣдаетъ за что, Философами, ибо иные и не думали пріобрѣсть сіе имя: такъ они всѣхъ противниковъ величаютъ *Капуцинами*; между защитниками Философовъ есть извѣстный *Редереръ*, Государственный Совѣтникъ, одинъ изъ издателей *Парижскаго Журнала*, котораго Бонапартъ уважаетъ; безъ него бы Антифилософы пали и не возстали въ нынѣшнее Правленіе.

Сказываютъ, что Бонапартъ любитъ читать *Journal des Débats*; Жофруа зная это, не рѣдко сыскиваетъ

случай хвалить его столько же низко и подло, сколько нагло и безстыдно бранить Философовъ. Онъ первой изъ Журналистовъ осмѣлился написать піэсу подъ титуломъ: *Желаніе Народное*, гдѣ онъ именемъ націи изъявлялъ желаніе о возведеніи Бонапарта въ *Императорское* достоинство. Парижане были злы на Жофруа, но не смѣли ничего ему сдѣлать.

Еще большая часть Французовъ думаетъ вопреки Жофруа; большая часть презираетъ его правила и ругаетъ его самаго, но весь Парижъ и вся Франція читаютъ его Журналъ. Ни на одинъ нѣтъ столько подпищиковъ, какъ на этотъ; оригинальность его мыслей, занимательность матеріи, чистота слога, обо-

ротливость и ловкость въ отвѣтахъ заставляютъ насильно его читать.

Политика, Правовѣденіе и Законоискуство хотя и любимые предметы Французовъ, но касательно Писателей не въ цвѣтущемъ же состояніи; ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько Журналовъ, ни въ одномъ городѣ не выходитъ ежедневно столько газетъ, нигдѣ такъ охотно ихъ не читаютъ, какъ въ Парижѣ; сколько кофейныхъ домовъ, и вездѣ есть газеты! сколько кабинетовъ чтенія, и вездѣ ихъ читаютъ! сколько собраній, и вездѣ вы найдете полное количество оныхъ! даже по улицамъ продаютъ газеты; въ Тюльери вы найдете ежедневно тысячи читателей газетъ и политикантовъ,

которые доставляютъ тѣмъ многимъ семействамъ пропитаніе и доходъ Государству; во всѣхъ судахъ, по всѣмъ дѣламъ есть адвокаты, которые защищаютъ или опровергаютъ споры риторически; всѣ они открыты и во всѣхъ найдете множество людей, но совсѣмъ тѣмъ писателей въ сихъ частяхъ нѣтъ; конечно и въ послѣдніе годы выходили сочиненія въ семъ родѣ, но они не произвели никакого впечатлѣнія на Публику и недостойны того, развѣ исключая одного *Бональдова о Первоначальномъ Законодательствѣ*. Основательность положеній, вѣрность заключеній и во всемъ строгая логика и порядокъ дѣлаютъ его достойнымъ вниманія просвѣщенной публики; самые парадоксы

дѣлаютъ тѣмъ занимательнѣе сіе сочиненіе. Много напечатано мѣлкихъ сочиненій, но они имѣли одну цѣль; или хвалить Бонапарта, или бранить Англичанъ.

А Литтература, въ которой наиболѣе отличались Французы, и столько пріобрѣли справедливой славы?

Давно уже говорятъ, что при звукѣ оружія молчатъ науки, но наипаче это справедливо, относительно словесности; здѣсь надобенъ свободный, вольный духъ, пріятностію окружающихъ предметовъ и удовольствіемъ жизни одушевленный: но таково ли было состояніе Франціи? Извнѣ война со всѣми сосѣдями, внутри ужаснѣйшее кровопролитіе; не рѣдко любимцы

кротких Музъ принуждены бывали, брося лиры свои, брать оружіе и итти противъ непріятеля, или внутри защищать какую либо сильнѣйшую партію, или по крайней мѣрѣ *ходить на караулъ*; предъ глазами ихъ всегда были ужасныя картины, уши ихъ оглушаемы были страшными и плачевными извѣстіями, а иногда еще болѣе—сердца ихъ раздираемы были лишеніемъ брата, родственника, друга; и такъ удивительно ли, что Литтература пришла въ упадокъ? Если были какія произведенія, то всѣ они носятъ признаки своего времени, и теперь во время покойнѣйшее уже забыты.

Въ мое время, т: е: въ 1803 и 1804 году, явилось четыре

сочиненія достопримѣчательныя; типографіи всѣ въ дѣйствіи, но все печатаемое, какъ эфемеры, лишь появляется и изчезаетъ; въ числѣ четырехъ, заслуживающихъ вниманіе, произведеній словесности я помѣщаю: *Делилевъ переводъ Енеиды*, *Дюшессу де ла Вальеръ*, Гжи *Жанлисъ*. *Les Amours Epiques de Perseval*, *Духъ Исторіи Ферранда*; мнѣ бы не къ стати повторять здѣсь тѣ похвалы и нѣкоторыя критики, которыя были на нихъ писаны; все это мои соотечественники читали и еще помнятъ.

Еще много произвелъ шуму въ Парижѣ Романъ: *Valerie*, произведеніе почтенной нашей соотечественницы Гжи К. . . . Кромѣ похвалъ объ

немъ ничего не говорили и не писали, и всѣ любители чувствительныхъ произведеній съ жадностію его читали. Но это украшеніе Французской Литтературы есть постороннее, которое дѣлаетъ честь Сочинительницѣ и ея Отечеству, и еще бы болѣе сдѣлало, еслибъ было написано по Руски.

Самый театръ обѣднялъ въ новыхъ произведеніяхъ; ни одна трагедія, ни одна большая комедія не устояла на Французскомъ, такъ называемомъ, театрѣ: одна маленькая: *Мольеръ съ друзьями* не была освистана; но великую честь дѣлаетъ Французамъ, эта твердость, съ какою они хотятъ лучше ничего новаго не имѣть, нежели имѣть посредственное подлѣ образцо-

выхъ произведеній *Корнеля*, *Расина*, *Волтера*, *Мольера*, *Реньяра* и другихъ, и тѣмъ оскорбить тѣни сихъ великихъ авторовъ и унизить самый театръ, первый до сихъ поръ во всей Европѣ.

Большая опера не болѣе также имѣла одной піэсы т: е: *Бардовъ*: но превосходная музыка и декораціи спасли отъ паденія эту оперу, хотя содержаніе и планъ ея не нравились знатокамъ (*).

(*) Энтузіазмъ къ оперѣ сей былъ таковъ, что весь Парижъ стекался ее смотрѣть; не смотря на огромность театра, онъ не вмѣщалъ и половины зрителей, желавшихъ ее видѣть; съ 1 го часа уже народъ окружалъ театръ, чтобъ въ 7 часовъ имѣть въ ономъ мѣсто; я въ 9 е изъ представленій, почти сряду продолжавшихся, едва

Теперь чѣмъ ниже мы будемъ спущаться въ изчисленіи театровъ, тѣмъ они были щастливѣе; ибо чѣмъ они маловажнѣе, тѣмъ для авторовъ легче угодить публикѣ: почему въ малой оперѣ было новыхъ піэсъ до пяти, въ водевилѣ около 10, и такъ далѣе.

Всѣ прежніе славные Литтераторы извѣстны уже моимъ читателямъ; но какихъ имъ наименую новыхъ? Развѣ только *Легуве*, автора поэмы: *Женщины*, и трагедіи:

могъ достать билетъ; музыка чрезвычайная по огромности и оригинальности своей: ибо однѣхъ арфъ входитъ въ оркестъ двѣнадцать, которыя производятъ чрезвычайное дѣйствіе; декорація, представляющая сонъ Оссіана, превосходитъ все доселѣ видѣнное въ семъ театрѣ волшебства.

Смерть Авелева и проч. *Гастона*, соперника Делилева въ переводѣ Енеиды, который уже издалъ половину онаго и привлекъ вниманіе публики, не смотря на столь важнаго и славнаго соперника: еще *Персеваля*, автора упомянутыхъ *les Amours Épiques*, которой выбралъ изъ всѣхъ лучшихъ поэмъ любовныя и страстныя сцены, съ великимъ искуствомъ переложилъ ихъ на Французскіе стихи и умѣлъ связать.

Но сколько въ достоинствѣ авторовъ потеряла Франція, столько въ числѣ ихъ выиграла; сколько ученыхъ обществъ въ одномъ Парижѣ, сколько въ прочихъ городахъ Франціи? и всѣ они наполнены Членами и Авторами. Въ Па-

рижѣ, кромѣ Института, (*) щитается до 17 ученыхъ обществъ, которыя имѣютъ разныя предметы: науки вообще, медицину, словесность, художества, галванизмъ, земледѣліе и проч. Иныя заведены сообразно намѣреніямъ Правительства и находятся подъ его покровительствомъ, другія частными людьми: сіи послѣднія служатъ болѣе времяпровожденіемъ и забавою; ибо молодые люди имѣютъ такимъ образомъ случай быть въ компаніи, провесть не въ скукѣ время и имѣть удовольствіе подписать подъ своимъ именемъ: *Членъ та-*

(*) Описаніе котораго я помѣщу по окончаніи сей главы.

кого-то общества, и потому всѣ они стараются вступить въ какое нибудь общество; отъ сего происходитъ тотъ вредъ, что молодые люди съ хорошими способностями, получа сію честь, мечтаютъ о себѣ много и оставляютъ въ пренебреженіи свои таланты, думая, что они уже великіе ученые. Въ Парижѣ не рѣдко видѣть можно, что на самой посредственной книгѣ подписано: *сочиненіе такого-то члена многихъ ученыхъ обществъ*.

Число журналовъ и газетъ также вдвое умножилось противъ того, сколько ихъ было до революціи; на каждомъ листѣ оныхъ вы увидите имена разныхъ авторовъ; тотъ сочинилъ каламбуръ,

тотъ шараду, иной рецензію на театральную піэсу, другой на нововышедшую книгу; не смотря на то, третья доля журналовъ не стоитъ того, чтобъ читать ихъ; самый *Меркурій*, по смерти *Лагарпа*, чрезвычайно упалъ, и рѣдко когда что содержитъ интереснаго, особенно въ отдѣленіи стиховъ. *Archives littéraires* теперь, по моему мнѣнію, есть самый лучшій; онъ издается отличнѣйшими учеными, которые до сихъ поръ не уронили славы своей и обрабатываютъ занимательныя свои піэсы тщательно. Впрочемъ я говорю здѣсь о литтературныхъ журналахъ; прочіе же, какъ-то: физической, химической, натуральной Исторіи, издаваемые славнѣйшими по симъ ча-

стямъ людьми, достойны всякой похвалы.

Но кромѣ журналовъ, сколько выходитъ разныхъ альманаковъ и календарей, которые также наполнены именами сочинителей, которыя столь же скоро забываешь, какъ и скучныя ихъ піэсы?

Это доказываетъ, что умноженіе писателей и ученыхъ обществъ не всегда есть признакъ хорошаго состоянія литтературы: оно показываетъ только броженіе умовъ, которое при благопріятномъ времени можетъ произвести что нибудь доброе, важное и полезное. Когда политическія заботы Французовъ кончатся, когда они опять станутъ на вѣрную и спокойную дорогу гражданской жизни,

когда наконецъ Правленіе, а съ нимъ и подвластные ему, будутъ уже обезпечены въ своемъ бытіи и состояніи: тогда опять Французы войдутъ въ свою сферу частной ихъ жизни, изъ которой революція ихъ выбросила; съ симъ возвратятся къ нимъ ихъ обычаи и нравы, спокойствіе и сѣмейственное щастіе—и они опять получатъ направленіе, соотвѣтственное ихъ характеру, генію и вкусу; тогда священный огнь любви къ наукамъ, живущій и теперь въ душахъ ихъ, питаемый ими въ ученыхъ обществахъ, но еще угнетаемый посторонними причинами, воспылаетъ со всѣмъ жаромъ и прежнею красотою: но это *когда* весьма важно; не льзя на вѣрно сказать, что оно исполнится,

хотя уже и близко, кажется, къ тому. (*)

Теперь бы слѣдовало говорить о Медицинѣ, но я не медикъ; скажу опять только то, что я слышалъ отъ другихъ. Вообще нынѣ Медицина въ упадкѣ: Хирургія еще держится въ силѣ; *Дебуа* особенно хвалятъ и называютъ искуснѣйшимъ операторомъ въ Европѣ; кромѣ его славятся: *Корвизаръ*, какъ медикъ Бонапарта, *Пинель*, какъ преобразитель медицинскаго языка и писатель, *Бойе*, какъ ученый теоретикъ. Таковъ Парижской медицинской факуль-

(*) Нынѣ при Бурбонахъ долженствовало бы всему этому исполниться, но буйные Бонапартисты удаляютъ исполненіе надеждъ благонамѣренныхъ Роялистовъ. 1822.

тетъ! Монпельерской болѣе славится; а о Страсбургскомъ уже и забыли.

XXV.

ИНСТИТУТЪ.

Не описывая другихъ ученыхъ обществъ, я покажу Читателю одинъ Институтъ, какъ важнѣйшее изъ всѣхъ и славнѣйшее въ Европѣ. Всѣмъ извѣстно, что онъ составленъ изъ бывшихъ Академій, которыя нынѣ составляютъ его отдѣленія. Каждое отдѣленіе имѣетъ въ недѣлѣ дни для своихъ засѣданій, въ которые одни члены чита-

ютъ свои сочиненія, другіе ихъ критикуютъ, опровергаютъ, возражаютъ, дополняютъ и такимъ образомъ старыя истинны усовершенствуются, новыя открываются. Любопытный можетъ быть даже при сихъ приватныхъ собраніяхъ; надобно только быть представлену однимъ изъ членовъ; Секретарь отдѣленія запишетъ его имя въ книгѣ и дастъ ему билетъ, съ которымъ онъ послѣ можетъ ходить всякой разъ. Сверьхъ того каждое отдѣленіе имѣетъ одно публичное засѣданіе въ годъ, для раздачи награжденій за рѣшеніе предложенныхъ задачъ и за другія сочиненія: въ это же засѣданіе, чтобъ сдѣлать его занимательнѣе, члены читаютъ свои *записки* (*mémoires*;)

я былъ на двухъ и видѣлъ стеченіе людей невѣроятное, коего половину составляли дамы;— какая тишина, когда что читаютъ! никто не спуститъ глазъ съ Оратора, а по окончаніи чтенія, сопровождаетъ его громкое рукоплесканіе, которое однако прерываетъ иногда и самое чтеніе, при сильныхъ и лучшихъ мѣстахъ. При мнѣ дали золотую медаль Г-ну *Виллерсу*, извѣстному Кантіанцу между Французами, за сочиненіе въ похвалу Лютеранизму; Президентъ историческаго отдѣленія провозгласилъ его имя, и онъ принявъ изъ рукъ его медаль, сѣлъ до окончанія засѣданія между членами. Принятіе въ члены Института еще занимательнѣе. Новопринимаемый долженъ говорить

рѣчь о чемъ нибудь по своей части и на щетъ своего принятія; потомъ Президентъ отдѣленія отвѣчаетъ ему, изчисляя его ученыя заслуги и сочиненія. При мнѣ принимали *Парни*, извѣстнаго Европѣ писателя, Тибулла и Теокрита Франціи; однакожъ *Гара*, бывшій тогда Президентомъ, не упустилъ пожурить его за извѣстную поэму: *la Guerre des Dieux*.

Въ заключеніи сего артикула я долженъ сказать, что Институтъ между членами своими, особенно по части Физико - Математическихъ наукъ, имѣетъ многихъ великихъ людей нашего времени, каковые суть: *Лапласъ*, *Ласепедъ*, *Лагранжъ*, *Монжъ*, *Лакруа*, *Делаландъ*, *Фуркруа*, Бертолетъ, *Гюитонъ*-

Мерво, Гаю, Шарль, Кювье. По части Филологической есть также извѣстные люди Европѣ: *Сіесъ, Гара, Сикаръ, Левекъ*, нашъ Историкъ, *Пасторе, Денонъ, Висконти, Делиль, Легуве* и пр. По части художествъ: *Давидъ* живописецъ, *Мегюль* и *Херубини* музыканты, *Гюдонь* и *Шоде* скульпторы, и *Іранмениль* актеръ. Какія имена! какое почтенное сословіе! Читатель можетъ вообразить чувствованія того, которой видитъ ихъ всѣхъ передъ собою вмѣстѣ! Если мы внѣ себя бываемъ въ картинной Галлереѣ, видя изображенія славныхъ людей, чтожъ должно чувствовать, имѣя ихъ живыхъ передъ глазами! !

XXVII.

ИЗЯЩНЫЯ ХУДОЖЕСТВА.

Изящныя Художества въ Парижѣ процвѣтаютъ.

Между живописцами есть великіе мастера, какъ то: *Давидъ* и *Роберъ*, *Теренъ* и *Изабей*, *Друе* и *Герардъ*. Кто не знаетъ о Давидовомъ портретѣ Бонапарта и о Сабинкахъ? о Роберовыхъ пейзажахъ? о Гереневой Федрѣ и о другихъ произведеніяхъ, болѣе или менѣе въ Европѣ прославленныхъ?

Произведенія *Гудона* и *Шоде* украшаютъ также многіе музеи и кабинеты; они рѣз-

цами своими увѣковѣчивъ память многихъ великихъ людей, увѣковѣчили славу свою.

Музыкантовъ также Парижъ имѣетъ весьма отличныхъ; не говоря о старыхъ *Далейракѣ*, *Гретри* и *Лесюерѣ*, мы напомнимъ только о *Мегюлѣ*, *Херубини*, *Бойель-Діе*, нѣжныхъ и вмѣстѣ веселыхъ композиторахъ; съ какимъ удовольствіемъ слушаешь ихъ музыку! пусть говорятъ, что ихъ музыка не въ высокомъ родѣ и не похожа на Италіянскую: я удивляюсь Италіянской, а восхищаюсь Французскою; Италіянская піэса черезъ четверть часа уже меня утомляетъ и я радъ дождаться окончанія оной! а Французскую піэсу слушаю 3 часа и жалѣю, когда она кончится: Италіянецъ приво-

дитъ меня въ изумленіе трудностями чрезвычайными, которыя онъ преодолѣваетъ въ пѣніи или игрѣ на инструментѣ, а Французъ легкими, но нѣжными трелями приводитъ въ восторгъ.

Я не говорю уже о виртуозахъ, какъ-то *Роде*, *Крейцерѣ* и другихъ, о пѣвцахъ *Гара* и *Лаисѣ*, о пѣвицахъ *Браншю*, *Мальярѣ* и *Арманѣ*.

XXVIII.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Прежнія славныя фабрики и мануфактуры, во время революціи пришедшія въ упадокъ, нынѣ опять начинаютъ дѣй-

ствовать; ихъ не нужно выхвалять здѣсь, стоитъ только напомнить о нихъ читателю: *Севрской* фарфоръ, *Гобленевы* обои, *Версальскія* ружья и шпаги, *Седанскія* и *Лувьерскія* сукна, *Ліонскія* шелковыя матеріи, *Фландрскія* батисты и кружева извѣстны каждому, какъ превосходнѣйшія во всемъ свѣтѣ.

Но Французы и въ другихъ частяхъ усовершенствовали свои заведенія, и недалеко уже отстоятъ отъ своихъ соперниковъ Англичанъ; возьмемъ ли пике, канифасы, плисы и самыя стальныя вещи; они съ такимъ выработываются искуствомъ, что весьма могутъ итти въ сравненіе съ Англинскими и только проницатель-

ные взоры знатока различать ихъ могутъ.

Даже часовое мастерство доведено до высокой степени; Парижъ можетъ похвалиться искусными и въ семъ родѣ мастерами, хотя не столь многими, сколько ихъ имѣетъ Лондонъ. Что касается до искуствъ, до роскоши и украшенія принадлежащихъ: они находятся въ величайшемъ множествѣ во Франціи и доведены, можно сказать, до возможнаго совершенства, и особенно въ Парижѣ. Подите въ любую сторону города, вездѣ найдете ювелировъ, золотыхъ и серебреныхъ дѣлъ мастеровъ, вездѣ магазины, вездѣ лавки, какъ я выше упомянулъ; проходя мимо оныхъ, невольно останавливаешся; не богатство, но вкусъ наиболѣе

плѣняетъ: вещь вещи красивѣе, искуснѣе, милѣе. Сказываютъ, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ купилъ вдругъ два магазина галантерейныхъ вещей; не знаю, правда ли это: но для меня не мудрено ни мало, еслибъ это случилось; Французы сколь искусны въ работѣ, столькоже замысловаты въ расположеніи вещей (*). Когда смотришь на нихъ, все приманиваетъ и влечетъ купить; одно только спасеніе — пустота въ карманѣ, а если у кого есть свободные деньги, тому не трудно впасть въ искушеніе!

(*) Но не однѣ вещи, самыя матеріи они располагаютъ со всевозможнымъ стараніемъ; въ Парижѣ можно видѣть желетныя пирамиды и обелиски!

Это еще не все, что домъ вашъ украшенъ, снаряженъ, и снабженъ всѣмъ нужнымъ, что вы сами одѣты, убраны:—если Природа или болѣзни лишили васъ нѣкоторыхъ частей тѣла, вы можете найти другія въ Парижѣ; у васъ нѣтъ одного глаза, можно пріискать въ лавкахъ новой, а если нѣтъ похожаго и въ мѣру, поѣзжайте къ г. *Газару* и закажите; поутру вы были объ одномъ глазѣ, послѣ обѣда ѣдите въ компанію съ обоими. Беззубый можетъ купить себѣ зубы, плѣшивый волосы, хромоногій и безрукій ноги и руки; одинъ искусникъ разгладитъ вамъ морщины, другой наведетъ и цвѣтъ хорошій на лицѣ: словомъ сказать, въ Парижѣ найти можно все, и безпристрастно судя, Фран-

цузской народъ должно причислить къ промышленнѣйшимъ въ Европѣ. Французъ неутомимо дѣятеленъ и имѣетъ умъ весьма изобрѣтательный; ежели не каждый день, то вѣрно каждую недѣлю услышишь о какой нибудь новой выдумкѣ, или о старой усовершенствованной, особенно въ разсужденіи модъ и щегольства Французъ неистощимъ, и по вкусу своему заслуживаетъ быть законодателемъ оныхъ для всей Европы.

XXIX.

СОСТОЯНІЕ ТОРГОВЛИ.

Однакожъ торговля въ Парижѣ и во всей Франціи была въ худомъ состояніи въ мое время: этому есть многія причины: 1 е война, препятствующая вывозу товаровъ въ чужія земли и уменьшающая число путешественниковъ въ Парижъ, ибо одни Англичане въ мирное время дѣлаютъ большой прибытокъ для торговли ихъ. Въ послѣдніе мѣсяцы до разрыва щиталось въ одномъ Парижѣ до 16000; война выгнала ихъ всѣхъ, кромѣ нѣкоторыхъ, которые за-

держаны какъ плѣнники, потомъ выѣхали Шведы, наконецъ и Рускіе: все это имѣло конечно великое вліяніе на Парижъ, который, можно сказать, существуетъ только на щетъ иностранцовъ: вторая причина есть та, что нынѣшняя раздѣленность имѣній на мѣлкія части и вкусъ новой знатности, дѣлаютъ роскошь только личною, эгоистическою, не пышною, щедрою и благотворною, какъ было прежде, и какъ бываетъ въ другихъ Государствахъ. Нынѣ Французы живутъ для самихъ себя, а другимъ около ихъ жить не льзя. Но новые придворные штаты введутъ и приватные. Впрочемъ потому много Французы жалуются на упадокъ коммерціи, что велико совмѣстничество

(concurrence) въ торговлѣ; послѣ Революціи всѣ пустились въ торгъ: прежніе дворяне, интенданты и разные придворные чиновники принялись за коммерцію, и отъ этого барыши раздѣляются на безчисленныя руки, да и сами въ себѣ меньше; ибо совмѣстничество унижаетъ и самую цѣну вещей.

XXX.

ГОШПИТАЛИ, БОЛЬНИЦЫ.

Пріятно для путешественника — наблюдателя видѣть столько полезныхъ заведеній, сколько есть въ Парижѣ, для просвѣщенія невѣжества; не меньше того сладостно для

чувствительнаго его сердца видѣть, что и страждущее человѣчество подъ игомъ бѣдности, дряхлости или болѣзней находитъ призрѣніе и помощь. Парижъ изобилуетъ и сего рода заведеніями (*). Мы видѣли уже, какъ успокоиваются герои престарѣлые или увѣчные; но кромѣ того есть пристанище для бѣдныхъ родильницъ, для нещастно рожденныхъ дѣтей, гдѣ первыя находятъ всякую помощь, и послѣдніе пропитаніе. Замѣтить надобно, что въ оное не всегда прибѣгаютъ слабость и порокъ, но нерѣдко нищета, лишенная средствъ пропитанія. Сіи за-

(*) Ихъ щитается въ Парижѣ болѣе пятнадцати.

веденія могутъ уступить только нашимъ Россійскимъ, находящимся подъ толь бдительнымъ начальствомъ Милосердой МАРІИ.

Далѣе — есть домы для съумасшедшихъ, для дряхлыхъ стариковъ и для престарѣлыхъ женщинъ; они соотвѣтствуютъ огромностію своею многолюдству Парижа, и едва ли гдѣ подобныя видѣть можно; въ другихъ городахъ щитаютъ призрѣнныхъ десятками, а здѣсь сотнями и тысячами. Я видѣлъ домъ, въ которомъ содержатся старухи; ихъ щитается въ ономъ до 4000; онъ за городомъ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ флигелей, отдѣляемыхъ между собою дворами, на которыхъ разсажены алеи для ихъ

прогулки; въ комнатахъ нѣтъ богатства, но опрятность возможная; больныя отдѣлены въ особенные флигели: тутъ я видѣлъ нѣсколько такихъ, которыя уже болѣе столѣтія живутъ на свѣтѣ.

Не смотря на толь многія и толь обширныя пристанища для нищеты, очень много бѣдныхъ остается въ домахъ, которые, обременены будучи семействомъ, еще болѣе имѣютъ нужды въ помощи, нежели самые испрашивающіе милостыню. Правленіе Гошпиталей печется и о таковыхъ; комисары его, разсѣянные по всему городу, обязаны освѣдомляться о бѣдныхъ людяхъ, и не смотря ни на состояніе, ни на вѣру, подавать имъ помощь. Сверьхъ того разда-

ютъ въ 7 улицахъ Румфордовъ супъ; за каждую порцію платится около копѣйки; какой нищій не въ состояніи заплатить такой малости? а для богатыхъ какое легкое средство накормить 1000 неимущихъ!

Что касается до больницъ, я ихъ не могъ видѣть, но долгъ справедливости требуетъ засвидѣтельствовать, что онѣ, по мнѣнію всѣхъ, при нынѣшнемъ Правленіи гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели прежде. Бывало по нѣскольку больныхъ клалось на одну широкую и въ два яруса сдѣланную кровать, и не рѣдко мертвый трупъ лежалъ подлѣ живаго человѣка, лѣкарства прописываемыя были только дешевые: все это бо-

лѣе людей умерщвляло, нежели самыя болѣзни. Нынѣ всѣ сіи ужасные недостатки истреблены: кромѣ казенныхъ смотрителей ходятъ за больными *Сестры Милосердія;* вотъ единственный монашескій Орденъ, который позволенъ до сихъ поръ во Франціи.

Есть еще въ Парижѣ человѣколюбивое заведеніе для вспомоществованія утопающимъ; по всему берегу Сены при каждой караульнѣ (которыхъ очень много) находятся всѣ нужныя къ тому орудія; — притомъ обѣщаны вѣрныя награды за извлеченіе ихъ изъ воды, а имянно: кто вытащитъ живаго, получаетъ 25 Франковъ и 15 Фр. за мертваго; спасенный платитъ самъ за себя, за погибшаго родственники, а

ежели нѣтъ родственниковъ, то казна.

XXXI.

УВЕСЕЛЕНІЯ ПАРИЖСКІЯ.

Нигдѣ *Наука жить* не доведена до такого совершенства, какъ въ Парижѣ; нигдѣ не наслаждаются такъ жизнію, какъ въ Парижѣ; нигдѣ не любятъ такъ увеселеній, какъ въ Парижѣ, начиная отъ нижняго класса людей до самаго высшаго, отъ бѣднаго до богатѣйшаго. У насъ есть достаточные люди, которые

сидятъ по большой части дома, которые никогда не бываютъ въ спектакляхъ, на гуляньяхъ, въ концертахъ; а въ Парижѣ, не говоря о другихъ состояніяхъ, бѣдный ремесленникъ жертвуетъ послѣдними деньгами, чтобъ купить какую нибудь забаву, и потому въ Парижѣ всѣ средства выдуманы къ умноженію и утонченію забавъ: балы, спектакли, концерты, гулянья, кофейные домы — все во множествѣ и каждое въ совершенствѣ своего рода.

Но первое увеселеніе Французовъ суть танцы; нѣкоторые путешественники называютъ Рускихъ *поющимъ народомъ*, Французовъ же, по всей справедливости, можно назвать *танцующимъ народомъ*; это я могу доказать

очень убѣдительными доводами.

Въ Сентябрѣ въ Сп. Клу бываетъ праздникъ; я пріѣхавъ въ Парижъ наканунѣ и не преминовалъ быть на ономъ; какое же зрѣлище увидѣлъ я на первой разъ! какъ сильно оно меня тогда поразило! Я увидѣлъ по крайней мѣрѣ сто разныхъ оркестровъ, которые, играя разные вальсы и экоссезы, приводили въ движеніе безчисленное множество народу; это происходило на чистомъ воздухѣ, въ длинной аллеѣ, на берегу Сены: каждые 6, 8 и 10 деревьевъ были отдѣлены отъ другихъ гирляндами, изъ разноцвѣтныхъ фонариковъ и стаканчиковъ составленными; каждое такое отдѣленіе имѣло свою музыку, подъ звукомъ которой

вертѣлись группы молодыхъ Парижанъ и Парижанокъ; какой шумъ! какой блескъ! какая разнообразная, живая картина! Она мнѣ казалась самымъ лучшимъ изображеніемъ Декартовыхъ вихрей.

Послѣ того недѣли черезъ двѣ былъ концертъ въ Тюльерійскомъ саду, по случаю одного республиканскаго праздника. Народу было чрезвычайное множество; ибо въ этотъ день выходилъ на балконъ Бонапартъ съ обоими Консулами, во всемъ великолѣпіи и пышности. Походные музыканты умѣли изъ этаго праздника выгадать себѣ прибыль; какъ скоро концертъ кончился и народъ пошелъ домой, то дожидавшіеся уже на площади Согласія скрипачи заиграли разные

вальсы и кадрили, и смычокъ ихъ сдѣлался тогда какою-то волшебною тросточкою: при движеніи его вдругъ запрыгали, завертѣлись нѣсколько сотъ человѣкъ въ разныхъ направленіяхъ; танцы сіи продолжались до полуночи. Напослѣдокъ на возвратномъ пути моемъ въ Россію, мы остановились въ одномъ городѣ обѣдать, музыканты того города не преминули привѣтствовать путешественниковъ своею игрою, и это случилось во время обѣда; они между прочимъ заиграли вальсъ; чтожъ изъ этаго произошло? Слуги и служанки забыли служить за столомъ, оставили насъ обѣдать однихъ и всѣ бросились танцовать. Вотъ черта, по видимому маловажная, но которая

для путешественника наблюдателя можетъ показать характеръ народа.

Послѣ сего не удивительно покажется Читателю, если я скажу, что лѣтомъ и зимой въ Парижѣ даютъ по нѣскольку баловъ ежедневно, лѣтомъ въ садахъ, въ хорошую погоду на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнію вѣтвистыхъ липъ, а въ дождливое время въ залахъ, тутъ же нарочно построенныхъ, зимою же въ трактирахъ; и вездѣ чрезвычайное множество народа. Великое совмѣстничество дѣлаетъ забавы сіи весьма дешевыми, входъ всюду всякому отворенъ; одна разность цѣнъ отдѣляетъ нѣсколько между собою классы людей, т. е. чѣмъ гдѣ дороже платится, тѣмъ тамъ чище

и благороднѣе публика; мастеровые находятъ балы, въ которые за входъ платятъ только по 8 су и они танцуютъ тамъ до сыта съ своими красавицами, не чувствуя нужды напиваться до пьяна.

XXXII.

ВЗГЛЯДЪ НА ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВООБЩЕ.

Другое любимое увеселеніе Французовъ есть театръ; не смотря, что болѣе двадцати спектаклей въ Парижѣ, они всегда наполнены быва-

ютъ зрителями; Французъ готовъ всякой день быть въ спектаклѣ; — видѣть одну піэсу двадцать разъ, сравнивать нынѣшнее представленіе съ прежнимъ, игру этого актера съ другимъ въ той же ролѣ, есть пріятнѣйшее для него занятіе; когда же изготовляется новая піэса, и особенно на большомъ театрѣ, какой тогда шумъ въ Парижѣ, равно какъ бы дѣло шло о новомъ законѣ или новой подати! тогда только и разговоровъ, что о новой піэсѣ, только и заботъ, чтобъ быть въ театрѣ; за недѣлю уже всѣ ложи откуплены; щеголи и щеголихи шьютъ новыя платья и уборы; въ день представленія платятъ втрое дороже, чтобъ достать мѣсто въ театрѣ: не-

доставшіе же въ какомъ бываютъ горѣ и отчаяніи, съ какою нетерпѣливостію дожидаются слѣдующаго дня, чтобъ увидѣвшись съ бывшими, или прочитавши *Courrier des Spectacles* узнать о судьбѣ новой піэсы, какъ бы объ участи Государства! Бенефисъ заслуженнаго актера, появленіе новаго, суть также не маловажныя произшествія; тутъ бываютъ тѣже приготовленія, а за новаго актера ссоры, драки и поединки.. Сколько огорченій родителямъ, печали женамъ и любовницамъ, ущербу здоровья молодымъ людямъ причинили Г-жи *Жоржъ и Дюшенуа!*

Но сей охотѣ къ спектаклямъ соотвѣтствуетъ и вкусъ Французовъ въ оныхъ: можно сказать безъ пристра-

стія, что Французскій театръ есть первый въ свѣтѣ со стороны піэсъ и актеровъ. Тщетно Англичане и Нѣмцы прославляютъ свои; они не найдутъ ни одной трагедіи, ни одной комедіи, которыя бы могли сравниться съ образцовыми произведеніями: *Корнеля*, *Расина*, *Волтера*, *Реньяра*, *Мольера*, и другихъ, какъ правильностію расположенія и занимательностію предметовъ, такъ тонкостію въ выраженіяхъ, возвышенностію и нѣжностію чувствованій въ первыхъ, остротою и забавностію въ послѣднихъ. Тотъ, кто трагедіи *Шекспира* и *Шиллера* будетъ ставить выше Расиновыхъ и Корнелевыхъ, мнѣ кажется или зараженъ предразсудками, или грубое

имѣетъ сердце. На что намъ тѣ страшности, тѣ ужасныя явленія, которыми наполнены произведенія первыхъ двухъ? Они не трогаютъ, а мучатъ, терзаютъ наше сердце. Если кто любитъ такого рода сцены, пусть идетъ на площадь, гдѣ казнятъ преступниковъ, тамъ найдетъ онъ желаемое. На что въ театрѣ раздирать понапрасну сердце чувствительнаго? ты его трогай и наставляй, но скрывай отъ него ужасныя картины, или смягчи ихъ; надобно, чтобъ онъ вышелъ изъ театра добрымъ, а не больнымъ; если онъ вышелъ не болѣнъ, то онъ грубъ, нечувствителенъ. Страшныя трагедіи годятся только для черни, но трагикъ долженъ имѣть въ виду благороднѣйшій и обра-

зованнѣйшій класъ людей. Я сказалъ, что старшныя трагедіи годятся для черни, т: е: по тому, что она можетъ перенести зрѣлище ихъ, но впрочемъ едвали съ другой стороны и для черни ихъ позволить можно, если гдѣ чернь любитъ театръ; ибо таковыя трагедіи пріучаютъ къ жестокостямъ, дѣлаютъ народъ лютѣе, и слѣдовательно портятъ его, такъ какъ кулачные бои, звѣриныя травли и пр. Я бы желалъ, чтобъ какъ сіи послѣдніе, такъ и тѣ были у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ запрещены. Цѣль театра есть исправлять, а не развращать; надобно, чтобъ изъ театра порочный выходилъ добрымъ, а добрый еще бы сдѣлался добрѣе. Еслибъ вздумали у

насъ представить трагедію *разбойниковъ*, чему бы научились мы изъ нее хорошему?- извинять разбой и думать, что иногда разбойники бываютъ честные и великодушные люди; а ежели бы кто пришелъ *со впадиною на черепѣ* (*), тотъ вышелъ бы еще склоннѣе къ злодѣйству. Какая превратность въ мысляхъ, какая грубость въ чувствахъ представлять на сценѣ враговъ безопасности гражданъ, общаго благоденствія! не значитъ ли это посрамлять святилище нравственности, сравнивая его съ мѣстомъ казни?

Французы не попустятъ такого святотатства; они

(*) По Галевой *Кранологіи.*

не позволятъ играть такой трагедіи не только на Французскомъ театрѣ, но и на бульварѣ, гдѣ довольно нынѣ представляютъ Нѣмецкихъ трагедій и драммъ. Они не любятъ даже мѣщанскихъ трагедій; и въ этомъ кажутся мнѣ также справедливы: приключенія частнаго человѣка не могутъ никогда имѣть такой важности, чтобъ быть предметомъ трагедіи, которая должна имѣть предметы самые разительные, занимательные, высокіе. Судьбы царей соединены неразрывно съ судьбами ихъ народовъ; когда я вижу нещастіе добраго царя, представляю нещастіе его народа; ежели я вижу погибель тирана, я радуюсь щастію угнѣтеннаго имъ народа. Самая

любовь ихъ кажется возвышеннѣе, нежели страсти обыкновенныхъ людей. Какая разность: видѣть въ трагедіи: Ифигенія, *Ахиллеса* въ отчаяніи, что любезную его хотятъ принесть въ жертву, или въ Эйлаліи-Мейнау живописца о побѣгѣ своей жены! ! Но нѣжности, высокія мысли и выраженія въ крестьянахъ, философія, краснорѣчіе, глубокость чувствованій въ лакеяхъ Нѣмецкихъ трагедій и драммъ несносны; что слово, то противъ обычаевъ, нравовъ, опытовъ. Жаль крайне, что нынѣшніе наши сочинители и переводчики не подражаютъ нашимъ первымъ трагикамъ: *Сумарокову* и *Княжнину*, которые слѣдовали болѣе вкусу Французовъ, нежели Нѣмцовъ; они портятъ

вкусъ, или направляютъ его къ дурному.—По сей же причинѣ Французы не любятъ драммъ, хотя нѣкоторые, какъ то *Мерсье* и другіе, покушались ввести ихъ на Французской театръ, но не успѣли въ своемъ предпріятіи; онѣ кажутся имъ чудовищными произведеніями, гермафродитами, которыя ни къ трагедіи ни въ комедіи причислить не льзя; нравоученія ихъ кажутся имъ пустою декламаціею, чувствительность безплодною плаксивостію, изъ которой добра не выдетъ никакого, а слезы людскія поберегать надобно; и безъ того у насъ много горя. Едвали и въ этомъ они не правы?

Что касается до комедіи Французской, то, кажется,

неоспоримо отдается ей преимущество предъ всѣми другими. Острота шутокъ, забавность сценъ, занимательность предметовъ, правильность расположенія, натуральность и живость дѣйствій дѣлаютъ ее первою.

Самыя оперы Французскія для меня превосходны; это либо трагедіи, либо комедіи, положенныя на музыку; таже правильность въ расположеніи, тѣже высокія чувства въ первыхъ, тѣже острыя шутки въ послѣднихъ; у Французовъ нѣтъ снисхожденія къ операмъ, какъ у Италіянцовъ и у Нѣмцовъ, которые думаютъ, что для оперъ только хорошая музыка нужна, но что иногда можно нарушить вѣроятность и правильность; Французы требуютъ и того

и другаго; ни для какой музыки не простятъ ошибки противъ правилъ драммати-ческихъ, погрѣшности противъ языка и нравственности, или несвязныхъ мыслей и скучнаго содержанія.

Водевили Французскіе суть собраніе каламбуровъ, *bons-mots*, эпиграммъ; острота и соль Аттическая украшаютъ ихъ: препріятный спектакль! видно Г. *Коцебу* очень слабъ во Французскомъ языкѣ, что не могъ чувствовать цѣны водевилей и удовольствія, ими приносимаго.

Вразсужденіи актеровъ, Французская сцена до сихъ поръ не уступитъ никакой въ свѣтѣ: Исторія Парижскаго театра представляетъ великихъ трагиковъ и комиковъ, и въ нынѣшее время есть

превосходные таланты; чтобъ познакомиться съ ними, осмотримъ главные театры.

XXXIII.

ТЕАТРЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

Театръ сей по превосходству называется *Французскимъ*; на немъ играютъ только трагедіи и комедіи характерныя (à caractères) и благородныя; послѣ нихъ въ дабавокъ маленькія комедійки же, но никогда ни оперъ, ни балетовъ, ни водевилей.

Старики говорятъ, что онъ нынѣ въ упадкѣ, ибо нѣтъ-де нынѣ ни трагедій, ни комедій новыхъ; это прав-

да, какъ я уже замѣтилъ выше: нѣтъ-де нынѣ и актеровъ такихъ, какъ прежде: *Бризаръ* былъ лучше *Сен-При*, *Лекень Лафона*, Г-жа *Клеронъ* лучше *Рокуръ* и *Жоржъ*, *Дюмениль Дюшенуа* въ трагедіяхъ, *Моле* былъ лучше *Флёри*, *Превиль Дазенькура* и пр. въ комедіяхъ; этого я не знаю, ибо тѣхъ прежнихъ не видывалъ, но судя безпристрастно, должно сказать, что и нынѣ есть отличные актеры.

За неимѣніемъ новыхъ трагедій они повторяютъ старыя, Корнелевы *многія*, Расиновы *всѣ почти*, и *нѣкоторыя* Волтеровы: вотъ неоспоримый судъ сихъ трехъ Авторовъ: вотъ безпристрастное оцѣненіе ихъ достоинствъ! Правы тѣ, которые

предсказывали, что Волтеръ не долго будетъ царствовать на сценѣ. Въ самомъ дѣлѣ его піэсы временныя, къ обстоятельствамъ принаровленныя. Тогда въ модѣ были декламаціи противъ Царей, парадоксы о свободѣ и равенствѣ, и они нравились; мода сія прошла, и они пали; однако Эдипъ навсегда останется на сценѣ, такъ какъ онъ имѣетъ свое внутреннее, не отъ времени заимствованное достоинство, вмѣстѣ съ Расиновыми и Корнелевыми; Расинъ всегда плѣнять будетъ нѣжностію чувствъ, прелестію языка и искуствомъ отдѣлки, а Корнель возвышенностію характеровъ и занимательностію и важностію предметовъ; его трагедіи суть уроки героямъ и политикамъ.

Сен-При играетъ всегда роли Царей и величественный его видъ соотвѣтствуетъ тому; высокій ростъ, не толстой, но широкій станъ, гордая осанка, правильныя черты лица, яркой басистый голосъ, все споспѣшествуетъ сдѣлать его способнымъ къ сей ролѣ; въ ролѣ Агамемнона это истинный Царь Царей; въ ролѣ Митридата достойный врагъ Римлянъ. Онъ холоденъ правда и рѣдко играетъ съ жаромъ, но когда на электризуется отъ другихъ, то тогда безподобенъ; я не могу вспомнить безъ восторга той сцены въ трагедіи: Митридатъ, когда вѣстникъ приходитъ съ извѣстіемъ, что Римляне приближаются: и онъ съ яростію восклицаетъ: *les Romains*;

казалось все зданіе потряслось отъ его голоса и всѣ зрители поражены были изступленіемъ при одномъ этомъ словѣ.

Тальма, прозванный *Орестъ* потому, что въ ролѣ Ореста въ Андромакѣ превосходенъ, играетъ роли Принцовъ пылкихъ, горячихъ и съ удивительнымъ жаромъ выражаетъ сильнѣйшія страсти; это первый актеръ нынѣ; его только не унижаютъ передъ старыми. Для меня онъ чрезвычаенъ въ Эдипѣ; онъ представляетъ не щастнаго супруга матери своей и убійцу отца своего; по открытіи сего неумышленнаго злодѣянія, когда онъ приходитъ домой, рыданіе его и вздохи слышны издалека; онъ всходитъ на сцену; вся Физіоно-

мія его *упала*, смертная блѣдность покрываетъ его лице, отчаяніе видно изъ каждаго слова, взгляда; кажется, не можетъ быть такого грубаго человѣка, чтобъ при видѣ его не прослезился.

О Тальмѣ разсказываютъ славный анекдотъ, дѣлающій великую честь его талантамъ: въ трагедіи *Отелло*, игранной во время Революціи въ первой разъ, онъ такое произвелъ дѣйствіе на зрителей, что всѣ забылись, что въ театрѣ находятся; когда онъ поднялъ кинжалъ поразить своего соперника, тогда всѣ зрители отворотились отъ сцены и нѣсколько голосовъ кричали изъ театра: *ne l'assassinez pas, ne le tuez pas!*

Лафонъ играетъ одинакіе

съ нимъ роли, но онъ болѣе годится для Волтеровыхъ трагедій; въ ролѣ Танкреда, Оросмана, онъ превосходенъ. Это молодой еще человѣкъ, стройной, пригожій собою, и предвѣщаетъ Парижу актера великаго.

Дамасъ играетъ роли страстныхъ любовниковъ, прекрасный, чувствительный актеръ! иногда играетъ и въ комедіяхъ съ великою пылкостію и искуствомъ; жаль только, что мокрота застилаетъ иногда у него голосъ, весьма рѣзкой впрочемъ и громкой.

Между актрисами двѣ новыя: Жоржъ и Дюшенуа спорятъ о тронѣ театральномъ, каждая имѣетъ свою партію, но, безъ духа партіи, можно легко дать о нихъ судъ:

Дюшенуа уже совершенная актриса, заранѣе образованная въ искусной школѣ, а Жоржъ только начинаетъ образоваться, но можетъ со временемъ сдѣлаться хорошею актрисою; и можетъ быть красота ея и стройность стана дадутъ еще перевѣсъ надъ Дюшенуа, которая очень дурна; но обѣ онѣ еще уступятъ въ игрѣ Рокуръ, опытной, усовершенствованной актрисѣ. Притомъ какой величественный ростъ, какая важная походка! когда она стоитъ подлѣ Сен-При, это такая чета актеровъ, какихъ въ цѣлой Европѣ сыскать не можно; только голосъ Рокуръ не весьма пріятенъ.

Комедія, могу и я сказать, въ упадкѣ; для главныхъ роль одинъ только актеръ: Флёри,

актеръ безпримѣрный; но видѣть его въ роляхъ любовниковъ уже нѣтъ обмана на театрѣ; ему за 50 лѣтъ; пылкость его, чувствительность, натуральность игры заставляютъ иногда забываться, но одинъ взглядъ на его лице уничтожаетъ всю прелесть. Это прекрасной остатокъ отъ старой комедіи, говорятъ Парижане, и я такъ думаю, что легче сыскать трагическаго актера, которой бы могъ сравниться со всѣми, мною описанными, нежели другаго комика для роль благородныхъ, хорошаго тона; это настоящій старинный Французскій баринъ; какой величавый тонъ, какая благородная осанка! всѣ ухватки ловкія, тонкія; онъ можетъ быть образцомъ и учи-

телемъ хорошаго тона и обхожденія для нынѣшнихъ новыхъ дворянъ. Посмотрите его въ любой ролѣ: онъ вездѣ совершенъ, каждую играетъ особеннымъ образомъ, такъ проницательно отгадываетъ мысль Автора, что это точно то лице, которое онъ хотѣлъ представить; каждый шагъ его, каждой взглядъ, улыбка не понапрасну сдѣланы, но принадлежатъ къ ролѣ и дѣлаютъ игру его тѣмъ пріятнѣе, очаровательнѣе. Съ смертію его, мнѣ кажется, Французы должны будутъ перестать играть старыя свои хорошія комедіи.

Сколько въ ролѣ господина превосходствуетъ Флёри, столько Дазенкуръ въ ролѣ лакеевъ; веселый, вольный, натуральный, тонкій актеръ,

но этого скорѣе можно замѣнить, нежели перваго.

Гранмениль, членъ Института, въ ролѣ комическихъ отцовъ, несравненный также актеръ; для Мольеровыхъ комедій онъ неподражаемъ; лѣта его, голосъ, ростъ и фигура, все къ тому способствуютъ; играть хорошо ему не много надобно искуства; Комонъ заступаетъ его роли съ великимъ дарованіемъ. Но для роли благородныхъ, чувствительныхъ отцовъ теперь нѣтъ хорошаго актера; Монвель, Авторъ и актеръ превосходный, отъ старости лишился памяти.

Между актрисами комическими одна Конта еще держится, но очень уже въ рѣдкихъ піэсахъ можетъ играть; ибо стала стара и толста.

И такъ все предвѣщаетъ паденіе хорошей комедіи въ Парижѣ; это очень жаль: видѣть комедію Французскую, играемую съ искуствомъ Флёри, Дазенкура, Конта и Гранмениля есть неописанное удовольствіе. Еще есть прекрасные актеры: Ст. Фаль, Мишо, Дюгазонъ, Батистъ большой, Г-жи Мезре, Марсъ, но для роль вторыхъ, которыя безъ первыхъ не могутъ составить комедіи.

Они въ состояніи будутъ играть комедіи Пикарова театра, то есть малыхъ обыкновенныхъ характеровъ.

XXXIV.

ТЕАТРЪ ЛУВУА,

ИЛИ ПИКАРОВЪ.

Пикаръ, актеръ и Авторъ, составилъ свою труппу: онъ даетъ піэсы свои и друзей своихъ *Андріё* и *Колень-д' Арлевиля*, составляющихъ нынѣ съ нимъ комическій тріумвиратъ: это піэсы мѣщанскія, простыхъ и обыкновенныхъ характеровъ, нынѣшняго тона; онъ подобралъ таковыхъ и актеровъ: они не превосходные, но всѣ вмѣстѣ имѣютъ много соотвѣтствія (d'ensemble) и дѣятельностію своею обратили вниманіе и

благоволеніе публики; ни на одномъ театрѣ не даютъ такъ много новыхъ піэсъ, какъ на этомъ; ибо таковыя комедійки не трудны и ихъ много сочиняютъ, а притомъ Пикаръ будучи самъ Авторъ знакомъ съ прочими; и они по дружбѣ отдаютъ ему свои произведенія.

Однакожъ между актерами сего театра есть такіе, которые годились бы и для Французскаго, какъ-то Виньи, Пикаръ меньшой и Г-жа Мольеръ.

Здѣсь кончится область комедій; теперь пойдемъ въ оперы.

XXXV.

БОЛЬШАЯ ОПЕРА.

По справедливости во время Революціи называли театръ сей *театромъ искуствъ* (théâtre des arts); архитектура, живопись, музыка, танцы, являются здѣсь во всей своей красотѣ и величіи; но будемъ и здѣсь безпристрастны. Зала сего театра есть наипрекраснѣйшая и огромнѣйшая въ Парижѣ, но не въ Европѣ; пѣніе актеровъ и актрисъ не есть пріятнѣйшее въ свѣтѣ; ибо кромѣ *Лаиса*, всѣ до единаго кричатъ изо всей силы, хотя искуства много и

хотя голоса чрезвычайные (*); но что касается до инструментальной музыки, оркестръ сего театра есть величайшій и богатѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ; человѣкъ 80 или болѣе наилучшихъ музыкантовъ составляютъ его; гармонія восхитительная, божественная; каждая изъ декорацій есть совершенство въ своемъ родѣ, каждая перемѣна оныхъ есть волшебство; свистокъ машиниста воображается чѣмъ-то магическимъ, сверхъестественнымъ; по знаку его мгновенно все претворяется; Майскій лѣтній

(*) По сему-то можетъ быть *Больдони* называлъ театръ сей: le paradis des yeux et l'enfer des oreilles.

день премѣняется въ бурный, дождливый; громы ярятся надъ вашею головою: но вдругъ опять все утихаетъ; вы видите себя въ великолѣпныхъ комнатахъ, или среди обширной площади, гдѣ видите шумный народный праздникъ, торжество побѣдителей; иногда вы видите смѣющіяся долины Темпейскія, иногда страшные утесы Шотландскія, иногда блаженныя поля Елисейскія, иногда мрачный тартаръ со всѣми его ужасами. Балеты, представляемые на семъ театрѣ, при такомъ совершенствѣ декорацій и искуствѣ въ ихъ перемѣнахъ, составляютъ неописанное зрѣлище, которое еще возвышаетъ подборъ танцовщиковъ и танцовщицъ, отличныхъ не только лег-

костію и искуствомъ въ танцованіи, но стройностію стана и прелестями лица.

Ко всѣмъ этимъ богатствамъ присовокупите точность въ исполненіи каждаго представленія и знаніе Директоровъ театра и актеровъ въ древностяхъ и миѳологіи; когда представляются на театрѣ Египтяне, Греки, Римляне, вы видите все прочее въ соотвѣтствіи: одѣяніе ихъ, украшеніе комнатъ, ихъ оружіе; напр. въ оперѣ Адріанъ вы видите Сенаторовъ, Консуловъ, Трибуновъ, воиновъ. справьтесь съ древностями Римскими и вы увѣритесь, что каждаго актера платье показываетъ, какое лице онъ представляетъ; послѣ побѣды Адріанъ въѣзжаетъ торжественно въ Римъ,

и тутъ вы видите все на лице, что намъ нынѣ извѣстно о торжествахъ Римскихъ Императоровъ: четыре бѣлѣйшія лошади, толпы плѣнныхъ невольниковъ, воины напереди и сзади въ такомъ строгомъ порядкѣ, какъ не льзя больше. Въ балетахъ, которые по большой части миѳологическіе, вы видите всю миѳологію въ лицахъ и съ строжайшею критикою; возьмемъ въ примѣръ *Судъ Парисовъ*: три богини являются со всѣми принадлежностями, стихотворцами имъ приписываемыми, и три танцовщицы, ихъ представляющія, суть истинныя богини въ сравненіи съ ихъ Нимфами, осанкою и красотою; Венера представлена со всѣми прелестями, которыя платье

нагаго цвѣта едва закрываетъ отъ проницательныхъ глазъ; она окружена Нимфами, изъ которыхъ одна другой прелестнѣе, Амурами, Играми и Смѣхами, и нельзя ничего видѣть милѣе сихъ малюточекъ; ихъ представляютъ 5 — 6 — 7 —лѣтнія дѣвочки, которыя съ крылышками назади прелестны, какъ стихотворческіе Амуры.

Между танцовщиками превосходствуетъ *Вестрисъ* и *Дюпоръ*, между танцовщицами Г-жи *Гардель* и *Клотильда*. Вестрисъ не смотря на лѣта свои дѣлаетъ удивительные скачки; онъ игралъ при мнѣ Телемака въ балетѣ сего имени; я не знаю, былъ ли онъ когда Цицерономъ въ своемъ родѣ, но теперь ничто иное, какъ удивительный пры-

гунъ и вертушка. Мое мнѣніе подтвердятъ всѣ Парижане, которые безпрестанно жаловались, что Вестрисъ испортилъ вкусъ въ танцахъ; ему приписываютъ, что нынѣ не умѣютъ уже съ благородствомъ танцовать минуетовъ, но только дѣлаютъ прыжки. Отецъ Вестриса всегда предпочитался ему истинными знатоками; онъ еще живъ и даетъ уроки въ городѣ съ платою по луидору съ персоны; сынъ славнаго Вестриса и внукъ сего также прекрасно танцуетъ, и нынѣшній годъ уѣхалъ на Неапольскій театръ.

Дюпоръ соображаясь времени и модѣ, прилѣжалъ было къ роду танцовъ Вестриса и превзошелъ свой образецъ; онъ прыгалъ, вертѣлся еще

съ большею легкостію, нежели Вестрисъ; въ немъ не видно никакихъ усилій, напряженій, какъ въ Вестрисѣ: это молодой еще человѣкъ, лѣтъ въ двадцать, и онъ заслужилъ уже не одинъ лавровой вѣнокъ на сценѣ, не говоря о рукоплесканіяхъ, которыми всегда бываетъ оглушаемъ; но и его знатоки порицали, какъ прыгуна, не называя истиннымъ танцовщикомъ; чтожъ онъ сдѣлалъ? удалился на нѣсколько недѣль съ театра, обратилъ все свое стараніе на благородный танцъ и явился опять на сцену, объявя въ газетахъ, что будетъ танцовать *важные па* (les pas sérieux) и соединилъ на себѣ рукоплесканія охотниковъ обоего рода танцовъ; роли, въ которыхъ онъ пре-

восходствуетъ суть, роли Зефира въ балетѣ: *Возвращеніе Зефира*, и Амура въ балетѣ: *Психея*. это достойный любовникъ прекрасной Флоры и нѣжной Психеи.

Но и Г-жа Гардель по всей справедливости заслуживаетъ раздѣлять съ нимъ рукоплесканія, танцуя подлѣ него въ роляхъ Психеи: пріятности, ловкость, легкость, искуство дѣлаютъ ее первою танцовщицею.

Между пѣвцами первое мѣсто занимаетъ, какъ я сказалъ, Лаисъ: какой стройной, легкой, гармонической голосъ! искуство управлять имъ дѣлаетъ его первымъ изъ всѣхъ актеровъ, которые всѣ имѣютъ прекрасные голоса: *Лене* превосходенъ жаркою, чувствительною игрою и могъ бы

быть украшеніемъ Французскаго театра. Между Актрисами славнѣе и искуснѣе всѣхъ *Браншю*, чувствительная Антигона въ оперѣ Эдипъ; игра и искуство въ пѣніи возвышаютъ ее предъ дѣвицею *Арманъ*, которая не умѣетъ управлять легкимъ и пріятнымъ своимъ голосомъ; дѣвица *Мальяръ* остарѣла и отолстѣла.

Между молодыми пѣвцами *Лафоре* и *Нурри* предвѣщаютъ Парижской публикѣ преемниковъ Лаису и Лене.

XXXVI.

МАЛАЯ ОПЕРА.

Если большую Оперу назвали театромъ искуствъ, то малую можно назвать театромъ Грацій. Благородная веселость піэсъ, легкая пріятность музыки, живость и вольность игры актеровъ дѣлаютъ сей спектакль наипріятнѣйшимъ въ Парижѣ; я не могу вспомнить безъ удовольствія тѣхъ сладостныхъ минутъ, которыя провелъ я въ операхъ: *Калифъ Багдадскій*, *Продажный Домъ*, *Часъ*

супружества, *Женщины*; *Глупость*:—*Элевіу*, *Мартень* и *Жюльетъ*, Г-жи *Дюгазонъ* и *Ст. Обень* восхищали игрою, *Мегюль*, *Бойельдьё* и *Гретри* музыкою, *Дюваль*, *Гофманъ*, *Дюпати* и *Булы* своими веселыми сочиненіями. Элевіу молодой, статный, пригожій мущина въ роляхъ любовниковъ, петиметровъ, Мартень въ роляхъ лакеевъ, Жюльетъ въ роляхъ отцовъ и стариковъ, Г-жа Дюгазонъ въ роляхъ нѣжныхъ матерей, Гонтье въ ролѣ старухъ и Ст. Обень въ роляхъ служанокъ или крестьянокъ, суть неподражаемые актеры; но для роль ловкихъ, живыхъ кокетокъ теперь недостаетъ актрисъ. Парижане до сихъ поръ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о Г-жѣ *Филисъ*; узнавши

о Г-жѣ Сандуновой, они позавидовали бы Московскимъ жишелямъ.

XXXVII.

ТЕАТРЫ: ВОДЕВИЛЬ И МОНТАНСЬЕ,

Коцебу говоритъ, что кто видѣлъ одинъ водевиль, тотъ видѣлъ всѣ. Это много сказано; можно сказать только: кто видѣлъ одинъ водевиль, тотъ знаетъ ихъ музыку; ибо пѣсни водевилей дѣлаются на извѣстные голоса, но по содержаніямъ своимъ они весьма различны: представляютъ какіе нибудь анекдоты, отличные поступки и

приключенія славныхъ людей; тутъ помѣщаются всѣ ихъ изрѣченія острыя и замѣчательныя, или вымышленныя смѣшныя приключенія съ украшеніемъ ихъ всѣми возможными эпиграммами и каламбурами; въ дни задумчивости и скуки можно приходить въ сей спектакль развеселиться и посмѣяться отъ всего сердца; игра натуральная и пріятная Г-жи *Ганри*, *Дюшома*, *де ла Порта* разгладитъ ваши морщины и по неволѣ заставитъ улыбнуться. *Fanchon la Vielleuse*, *Г-нъ Гильомъ*, *два Заключенника* и нѣкоторыя другія піэсы можно видѣть по нѣскольку разъ съ удовольствіемъ.

Это водевиль благородный, но есть еще народный; послѣдній представляется въ те-

атрѣ Монтансье, гдѣ *Брюне-Жокрисъ* забавляетъ своими дурачествами и каламбурами; можно человѣку и со вкусомъ притти въ этотъ спектакль разъ въ мѣсяцъ для разсѣянія, чтобъ посмѣяться вмѣстѣ съ ребятами или взрослыми малодушными весельчаками Г-да: *Баре*, *Шазе*, *Пiисъ* и другiе каждую почти недѣлю доставляютъ новыя пiэсы на сiи два театра.

Я не говорю о другихъ спектакляхъ, которые не имѣютъ своихъ особенныхъ родовъ пiэсъ, но то отъ того, то отъ другаго заимствуютъ, а иногда и отъ всѣхъ вмѣстѣ; притомъ тамъ рѣдко можно видѣть хорошее, часто посредственное, а иногда и худое. Тамъ-то видѣть можно и страшности Нѣмецкiя,

которыми чернь болѣе трогается, нежели Ифигеніей Расиновой, или Заирой Волтеровой. Тамъ можно видѣть удивительные бои и сраженія рыцарей пѣшихъ и конныхъ; невѣроятное проворство въ переодѣваніи; въ піэсѣ *Арлекинъ Невидимка*, актеръ, играющій ролю Арлекина, умѣетъ переодѣться 17 разъ, и въ одной сценѣ, не сходя съ театра, разъ 5 или 6. Въ послѣднемъ явленіи, когда провозятъ его на торжественной колесницѣ передъ оркестромъ, онъ умѣетъ одною поверткою скинуть съ себя плашьевъ до пяти.

XXXVIII.

РАЗНЫЯ ДРУГІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Кромѣ танцовъ и спектаклей Парижъ представляетъ множество другихъ развлеченій. Такъ какъ въ Парижъ съѣзжаются люди всѣхъ почти націй и всѣхъ частей свѣта: то также со всѣхъ сторонъ изобрѣтательные умы привозятъ въ него разныя рѣдкости и любопытныя вещи.

Театръ механическій (*)

(*) *Г. Робенсонъ* тоже называлъ *Кинетосографіей.*

Г-на *Пьера* въ этомъ родѣ заслуживаетъ первое мѣсто: это чудо механики; это живыя картины разныхъ городовъ и прелестныхъ мѣстоположеній: напр. вы видите какой либо городъ, какъ то: Франкфуртъ, или Венецію; вы видите вмѣстѣ ѣдущихъ, скачущихъ верьхами, въ каретахъ или идущихъ пѣшкомъ; но это не передвижныя только куклы: вы видите самое движеніе рукъ, ногъ, колесъ, слышите шумъ, стукъ, топотъ. Если тутъ рѣка протекаетъ, то вы видите лодки и суда, плавающія по ней; примѣтить можно наклоненіе и напряженіе гребцовъ, движеніе веселъ, волненіе рѣки; если это морская пристань, вы видите проѣзжающіе корабли, слышите пушечные

выстрѣлы, которыми они салютуютъ и которыми имъ отвѣчаютъ съ крѣпости, все это съ соотвѣтственною отдаленности и положенію мѣстъ правильностію.

Сцена перемѣняется: вамъ представляется прекрасная долина Швейцарская съ прозрачнымъ озеромъ; на семъ озерѣ появляются утки; но вотъ выходитъ изъ-за дерева охотникъ съ собакою, стрѣляетъ по уткамъ; одна изъ нихъ упадаетъ, собака бросается въ воду, схватываетъ ее, вытаскиваетъ на берегъ и приноситъ хозяину; вы видите движеніе утки, каждый пріемъ охотника, слышите выстрѣлъ, видите плаваніе собаки и едва вѣрите глазамъ своимъ.

Но не менѣе сихъ живыхъ

картинъ удивительно представленіе восхожденія и захожденія солнца; натура такъ живо снята, что еслибъ уменшенные предметы не напоминали вамъ, что это только произведеніе искуства, вы бы почли все видимое за нее самое: мерцаніе зарей, постепенное умноженіе или уменьшеніе свѣта, сіи блѣднорозовыя облака, предшественники или спутники солнца, все вводитъ васъ въ обманъ.

Кромѣ сего, не выѣзжая изъ Парижа, вы можете видѣть Римъ, Лондонъ, Неаполь и Ліонъ въ панорамахъ; тамъ показываютъ рѣдкихъ Американскихъ и Африканскихъ звѣрей и птицъ, даже змѣю съ колокольчиками, въ другомъ мѣстѣ карла и великана; здѣсь Ишпанецъ пьетъ кипя-

щее масло, лижетъ языкомъ каленое желѣзо, ставитъ въ растопленное олово босые ноги; здѣсь зовутъ посмотрѣть васъ восковой кабинетъ знаменитѣйшихъ людей въ Европѣ; тамъ Франкони приглашаетъ посмотрѣть лошадей своихъ, удивительныхъ по понятливости и особливо по легкости; тамъ зовутъ глядѣть механическихъ лошадей, на которыхъ въ нѣсколько минутъ можно объѣхать нѣсколько миль, или какъ блоха возитъ карету шестернею запряженную; тамъ представляютъ Китайскія тѣни и кукольныя комедіи; въ другомъ мѣстѣ 8 и 10лѣтніе актеры играютъ водевили и комедіи. Любопытный иностранецъ ежедневно бываетъ въ замѣшательствѣ

вразсужденіи выбора предмета, которой должно ему видѣть.

Теперь слѣдуютъ гулянья, сады: Тюльерійскій, Люксембурскій, Тиволійскій и Шанпильійской, Бульваръ, Поля Елисейскія, Пале—Рояль, все наполнено людьми отъ 10 часовъ утра цѣлой день; къ сему прибавить должно кофейные домы, общества, собранія; вездѣ есть посѣтители и не льзя надивиться, откуда берется такое множество людей.

XXXIX.

ХАРАКТЕРЪ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ ПАРИЖАНЪ.

Qui a vu dix Français, connoît tous les Français.
J.-J. Rousseau.

Веселость, живость и вѣтреность — вотъ отличительныя черты характера Парижанъ и всѣхъ Французовъ, какъ всѣмъ извѣстно. Отъ сего-то они такъ жадны къ забавамъ и увеселеніямъ, которыхъ такое множество, какъ мы видѣли, въ Парижѣ. Французъ не только при щастіи, при благопріятныхъ случа-

яхъ и въ забавахъ веселъ; онъ даже не можетъ скучать, печалиться въ огорченіяхъ. Обида, досада конечно его огорчитъ, растрогаетъ, даже разгорячитъ и внѣ себя приведетъ, но это только на нѣсколько минутъ и онъ послѣ опять покоенъ и веселъ, при новой забавѣ онъ все забылъ; между тѣмъ бы Англичанинъ, на цѣлой день или на многіе, остался скученъ и печаленъ. Что можетъ быть важнѣе, какъ перемѣна конституціи? Что труднѣе перенести для мыслящаго гражданина, какъ то, что она дѣлается противъ его воли и что онъ изъ гражданина дѣлается рабомъ пришельца? Но я видѣлъ, что только первое извѣстіе поразило Парижанъ, второе и послѣ-

дующія такъ слабо дѣйствовали, какъ бы это происходило въ другой странѣ и городѣ, а не въ Парижѣ и Франціи. Когда они увидѣли въ первый разъ титулъ Его Императорскаго Величества предъ именемъ Наполеона, сердились, а послѣ не могли произнести безъ смѣха! между тѣмъ Англичанинъ не очувствовался бы отъ тогоже самаго въ нѣсколько мѣсяцовъ. Таковъ темпераментъ Француза! медлительность, постоянство для него мука. Онъ не можетъ заниматься ничѣмъ продолжительно, и слѣдовательно ничѣмъ важнымъ, труднымъ и умозрительнымъ; почему онъ превосходствуетъ во всемъ томъ, что соединено съ удовольствіемъ и пріятностію; онъ

несравненъ въ компаніи, говоритъ складно, шутитъ остро, изобрѣтаетъ забавы занимательныя и веселыя; въ изящныхъ наукахъ, художествахъ и искуствахъ превосходенъ; ораторъ краснорѣчивый, риторъ поразительный, пѣвецъ и музыкантъ пріятный, живописецъ привлекательный, актеръ безподобный, мастеровой замысловатый, танцовщикъ удивительный: и всѣ сіи качества обнаруживаются и развертываются въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Я видѣлъ 5-лѣтнихъ балетчицъ, 6-лѣтнихъ актеровъ, слышалъ 14-лѣтнихъ ораторовъ и 10-лѣтнихъ музыкантовъ съ такими рѣдкими талантами, которыхъ бы описаніе показалось невѣроятно.

Томуже должно приписать отличную Французовъ почтительность къ женщинамъ (galanterie): женской полъ владычествуетъ и всегда владычествовалъ надъ Французами, хотя и не царствовалъ; нигдѣ такъ женщинъ не уважаютъ, нигдѣ не платятъ столь великихъ даней удивленія и почтенія красотѣ, какъ во Франціи; Французъ во всѣ собранія, общества, гулянья идетъ только для женщинъ, чтобъ на нихъ смотрѣть, прельщаться ихъ красотою и восхищаться ихъ любезностію. Когда приглашаютъ Француза въ гости, на балъ, въ собраніе, то первой вопросъ онъ дѣлаетъ: будутъ ли тамъ красавицы? и всякое общество самое многолюдное и блистательное для

Француза скучно, если тамъ не было пригожихъ женщинъ; у бывшаго въ какомъ либо собраніи другіе прежде всего спросятъ: были ли тамъ красавицы? Въ самыхъ же собраніяхъ всегда первую роль играютъ женщины, и Француженки, безъ лести, съ великимъ искуствомъ играютъ ее! не только въ большемъ свѣтѣ, но въ самомъ посредственномъ состояніи видѣть можно весьма любезныхъ, умныхъ и острыхъ, которыя могутъ быть душою своего общества.

На публичныхъ гуляньяхъ и въ театрѣ среди актовъ чѣмъ занимаются мущины? глядѣньемъ на женщинъ; каждой съ лорнетомъ или трубкою въ рукахъ пробѣжитъ всѣ ложи и галлереи, и осмо-

тритъ всѣхъ тамъ сидящихъ, а на красавицу не могутъ наглядѣться; какъ скоро появится въ какой ложѣ, вдругъ всѣ замѣтятъ и указываютъ пальцами другъ другу; въ саду не льзя появиться прелестной женщинѣ, тотчасъ толпа мущинъ окружитъ ее и прямо въ глаза смотрятъ съ своими лорнетами, и не рѣдко въ слухъ кричатъ: ахъ, какъ она хороша! ахъ, какъ она мила!

Послѣ этого удивительно ли, что Француженки такъ любятъ наряды; онѣ всегда на сценѣ, всегда предъ зрителями; слѣдовательно всегда должны украшать себя, чтобъ нравиться, а суетность внушаетъ сверьхъ того желаніе блеснуть, помрачить однихъ и ослѣпить другихъ. Въ

Парижѣ мало красавицъ, но всякая Парижанка умѣетъ ловко одѣться; и если прелести иной не обращаютъ глаза мущинъ, то платье; она и тѣмъ довольна, если скажутъ, что она прекрасно одѣта, хотя и дурна собою.

Наилучшая черта нравственнаго характера Француза есть чувство чести, которое ему свойственно въ высочайшей степени. Честь есть единственная цѣль его дѣяній, или по крайней мѣрѣ такая, которой предпочтительно всѣмъ прочимъ онъ держится. Сему-то приписать должно, по мнѣнію моему, тотъ порядокъ и устройство, опрятность и чистоту, которыя видимы во всѣхъ заведеніяхъ Парижскихъ. Никакая награда Правительства

столько ободрить его не можетъ, какъ признательное свидѣтельство зрителя, его удивленіе и похвала. Таковъ Французъ! онъ иное дѣлаетъ хорошо, не для того, что хорошо, а для того, чтобъ показать его другимъ: но и отъ этого польза для общества велика; ибо не рѣдко дурнаго не льзя никакъ показать съ хорошей стороны, а надобно непремѣнно сдѣлать хорошо.

Это же чувство чести полагаю я основаніемъ извѣстной свѣту учтивости Французской. Чувствуя всякъ свое достоинство, уважая самаго себя, онъ долженъ памятовать, что и всякой хочетъ быть почитаемъ и уважаемъ. А притомъ ни одному нахалу или повѣсѣ не попуститъ

ругаться надъ собою, хотябъ тотъ миліонщикъ былъ: это содержитъ ихъ во взаимномъ другъ къ другу почтеніи, которое есть основаніе всякой учтивости и политичности. Подобно послушать ссору Французовъ; они шумятъ, кричатъ, но ни одинъ несмѣетъ выбранить другаго; важно назвать другаго глупцомъ, обидно лжецомъ, но несносно для всякаго негодяемъ или безчестнымъ; это даже водится между чернью; обыкновенная брань ихъ повѣса (polisson), неучтивецъ (malhonnête). Я не говорю, чтобъ не было другихъ браней; есть во Франціи столь же много, какъ въ Россіи, и народныя также гнусны, какъ и вездѣ: но въ браняхъ ихъ не замѣшана личность и нравственность дру-

гаго; какъ скоро кто въ этомъ преступитъ предѣлы благопристойности, мщеніе готово. Нѣтъ добра безъ зла; по вспыльчивости своей Французъ не можетъ отличить истинной обиды отъ ложной и нерѣдко сіе чувство, самое благороднѣйшее чувство, обращается въ гнусную мстительность, которой слѣдствіемъ бываетъ горесть родителей, бѣдствіе собственное. Парижане дерутся на поединкѣ за все; ни одного почти спектакля не проходитъ въ большомъ Французскомъ театрѣ безъ поединка, но вѣрно ни одного дня, чтобъ не было десяти: Булонской лѣсъ и Поля Елисейскія суть обыкновеннымъ мѣстомъ сихъ боевъ; не рѣдко случается гуляючи находить

пары неистовствующихъ отъ бѣшенства. Правительство смотритъ на дуели почти сквозь пальцы; оно взыскиваетъ за нихъ, если дѣло дойдетъ до него, но не довольно строгія предпринимаетъ мѣры къ предупрежденію оныхъ: оно почитаетъ ихъ пищею и подкрѣпленіемъ воинственнаго духа Французовъ, что отчасти и справедливо.

Сіе-то чувство весьма много помогло имъ побѣдить всѣхъ своихъ непріятелей: они не хотѣли, изъ гордости одной, подпасть вліянію другихъ державъ; хотѣли лучше угнѣтаемы быть своими тираннами, нежели покориться власти чужестранной.

Сіе же самое чувство изъясняетъ то обхожденіе, какое

начальники имѣютъ у нихъ съ своими подчиненными. Генералъ съ Офицерами, Офицеры съ солдатами не передъ фронтомъ, Префектъ съ судьями, судья съ приказными не въ судѣ, обходятся какъ съ равными имъ, со всею ласкою и привѣтливостію; предъ фронтомъ же, въ судѣ и тѣ и другіе принимаютъ настоящій видъ свой, командуютъ съ строгостію, но безъ грубости, повелѣваютъ настоятельно, но не деспотически, и подчиненные забываютъ домашнее обхожденіе, повинуются со всѣмъ послушаніемъ, закономъ предписаннымъ, чувствуютъ свой долгъ и власть вышшихъ. Тѣлесныя наказанія въ военной службѣ совсѣмъ истреблены: солдатъ не знаетъ палки, арестъ

есть жесточайшее наказаніе, которое увеличивается числомъ дней, и онъ весьма исправенъ; не только ударъ, но даже толчокъ солдатъ Французской счелъ бы величайшимъ безчестіемъ: разстрѣляніе онъ щитаетъ благороднѣе шпицрутена.

Но чтобы быть безпристрастнымъ, я замѣчу въ характерѣ Французовъ самую дурную черту—это *зависть*. Всякой отличный талантъ, блистательный успѣхъ его въ публикѣ, слава и щастіе возбуждаютъ тысячи завистниковъ, которые всѣми силами стараются его очернить, обезславить, унизить; выдетъ ли новое произведеніе литтературы, художества: уже тысячи сатиръ готовы,

которыя, не такъ какъ благоразумная критика ищетъ недостатковъ дѣйствительныхъ, чтобъ дать почувствовать автору оные, и чтобъ онъ могъ исправить ихъ; онѣ имѣютъ цѣлію только посрамить истинный талантъ, огорчить благородное сердце; отъ сего-то у Французовъ вездѣ интриги, вездѣ кабалы, какъ они называютъ, вездѣ партіи. Играютъ ли новую піэсу, является ли новой актеръ на сцену, есть уже наемные рукоплескатели, подкупленные свистовщики: одни все аплодируютъ, другіе при всякомъ словѣ свистятъ. Отсюда родились прежде Молинисты и Жансенисты, Пикчинисты и Глукисты; а нынѣ Философисты и Капуцины, Дюшекунсты и Жоржисты,

Вѣчная брань и вражда, вѣчныя ссоры, которыя не всегда войною на перьяхъ кончатся, но часто погибелью которой нибудь изъ партій, или ихъ начальниковъ. Французы добры сердцемъ, но духъ партіи доводитъ ихъ иногда до весьма черныхъ дѣлъ.

Изъ сего я вывожу неоспоримое доказательство, что Французы не могли и не могутъ быть республиканцами. Народъ, склонный къ интригамъ и къ партіямъ, не можетъ имѣть высокой добродѣтели, которая есть душа республикъ, ни истиннаго патріотизма, которой есть щитъ оныхъ; всегда духъ партіи будетъ имъ руководствовать и часто противъ его выгодъ, только бы сдѣ-

лать въ противность сопернической сторонѣ. Семь лѣтъ революціи то доказываютъ тысячами примѣровъ; для Французовъ нужно монархическое правленіе и даже строгое: они тогда тихи, покойны, въ порядкѣ, когда есть въ нихъ страхъ; но какъ скоро сія узда съ нихъ снята, тогда они въ непрерывныхъ мятежахъ, не уважаютъ ничѣмъ и самымъ священнѣйшимъ. Правленіе *Ришильё*, царствованіе *Людовика XIV*, *Бонапарта*, такъ какъ примѣры *Генриха* IV, *Людовиковъ* XV и XVI то доказываютъ.—

Каковы нравы въ Парижѣ?— Вопросъ рѣшенъ самими Французами. Они уже давно жалуются на поврежденіе ихъ

и начало сего зла относятъ еще къ регенству Герцога Орлеанскаго, а революція еще болѣе оное увеличила. Читатель самъ судить можетъ, что такое нравы въ Парижѣ, когда я скажу, что супружеская вѣрность тамъ величайшая рѣдкость; что волокитство есть законъ для обоихъ половъ; что множество торгующихъ прелестями красавицъ безчисленно, и что онѣ состоятъ какъ бы въ нѣкоторомъ цѣхѣ: ибо платятъ подать правительству, какъ за честное ремесло: поди по вечеру и на всѣхъ улицахъ увидишь ихъ стоящихъ цѣлыми рядами, безъ всякаго стыда останавливающихъ прохожихъ и бросающихся къ нимъ на шею; — когда скажу, что всѣ карточныя игры позво-

лены и также подъ покровительствомъ правленія; заемные домы и лотереи довершаютъ развратъ, ибо они облегчаютъ воровство и возбуждаютъ къ оному; когда скажу, что роскошь непомѣрная; разсѣянность непрерывная, когда скажу наконецъ, что религія въ неуваженіи, храмы Божіи отверсты со временъ владычества Бонапарта, но всѣ пусты; самая чернь говоритъ о святынѣ съ величайшею дерзостію; ежели и собираются иногда въ церковь, то только для слушанія музыки; увы! они сто лѣтъ слишкомъ учились презирать вѣру, могутъ ли въ четыре года научиться уважать ее!— Скромность заставляетъ меня умалчивать о тѣхъ нечестовствахъ, которыя они

производятъ въ мѣстахъ, религіи посвященныхъ (*).—

Сколько предмѣстій въ Парижѣ, столько обычаевъ; въ каждомъ углу живутъ по своему, напр. когда въ Шоссе д' Антень начинаютъ только разъѣзжаться изъ гостей, въ Сенп-Жакскомъ уже начинаютъ вставать: тамъ живутъ модные, а здѣсъ ученые лю-

---

(*) Но духовенство не оставило тѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, которые всегда чернили Католическую религію и нынѣ утверждаютъ въ презрѣніи къ ней; еще нынѣ существуютъ Индульгенціи, и вы найдете прибитыя у дверей церковныхъ объявленія, что въ такіе-то дни будутъ такія молебствія, и кто будетъ при оныхъ, тому отпущеніе будетъ или всѣхъ грѣховъ, или половины, и т. д.

ди. Въ Шоссе д' Антень ложатся спать, въ Сентъ-Жакскомъ предмѣстіи завтракаютъ, въ прочихъ мѣстахъ пробуждаются; въ Шоссе д' Антень покоятся крѣпкимъ сномъ, въ Сент—Жакскомъ уже обѣдаютъ, а въ другомъ завтракаютъ. Тамъ пробуждаются; здѣсь снова уже ложатся, чтобъ отдохнуть послѣ трудовъ, инде обѣдаютъ, тамъ завтракаютъ, здѣсь сидятъ опять зз бюро, а инде за обѣденнымъ столомъ; въ самомъ модномъ тонѣ вставать въ 2 часа по полудни, въ 3 завтрикать, въ 5 прогуливаться, или съ визитами ѣздить, въ 6 или въ 7 обѣдать; въ 7 часовъ начинаются спектакли; немодные люди пріѣзжаютъ въ седьмомъ, полумодные въ семь, а самые

модные въ 8 часовъ; въ большомъ вкусѣ не видать перваго дѣйствія піэсы; изъ комедіи предписаніе моды требуетъ ѣхать къ балету въ большую оперу, оттуда въ Фраскати пить лимонадъ, кушать мороженое; тутъ-то можно видѣть и самой лучшій свѣтъ Парижскій во всемъ блескѣ! оттуда ѣдутъ на балъ или на вечеринку, въ полночь и позже подаютъ бульіонъ, потомъ безъ памяти танцуютъ до 3 или до 4 часовъ; вотъ какъ превращенъ порядокъ природы!

Бывало модные авторы, славные бонмотисты составляли душу и забаву обществъ, а нынѣ бульотъ и фараонъ суть первыя упражненія въ компаніяхъ; и Парижане и Парижанки не усту-

пятъ въ неутомимости нашимъ игрокамъ; мѣсто *bon mot* заступили каламбуры, одно другаго легче; играть въ карты не надобно много ума, для каламбура не столько нужно остроты, какъ для *bon mot*: одѣтые по Гречески, пьющіе изъ Етрурскихъ вазовъ, сидящіе на Египетскихъ канапе не знаютъ далѣе сихъ словъ; можно ли имъ плѣняться хорошею мыслію, гармоническимъ стихомъ?

Но были общества, гдѣ Делиль иногда читывалъ свои стихи, Тальма и Лафонъ декламировали лучшіе монологи и Гара восхищалъ своимъ голосомъ, но очень рѣдкія, и этимъ удовольствіемъ едвали не Рускимъ и другимъ иностранцамъ обязаны Парижане?

Изъ древнихъ обычаевъ возобновились слѣдующіе: дариться въ новый годъ т: е: 1 го Генваря, не смотря на республиканское счисленіе, и рядиться въ карнавалъ. Чтобъ видѣть изобрѣтательный умъ Французовъ, надобно прожить новый годъ въ Парижѣ; тутъ-то онъ открывается во всемъ своемъ видѣ; какое множество приготовляется къ этому дню куколъ, игрушекъ, конфектовъ! Вы видите въ самихъ сихъ бездѣлкахъ вкусъ и замысловатость Французовъ; вы покупаете обрубокъ дерева, уголь, связку спицъ, и во всемъ находите конфекты; вы покупаете грецкой орѣхъ, и въ немъ находите перчатки и пр. и пр.

Не менѣе того во время

карнавала они трудятся надъ изобрѣтеніемъ странныхъ нарядовъ, въ которыхъ прогуливаются по улицамъ, среди дня; можно видѣть цѣлые экипажи наряженныхъ: кучеръ и форейторъ паясами, въ каретѣ арлекины, на запяткахъ пьеро, на самой каретѣ разныя хари; старинные маркизы, монахи и монахини представляются во всемъ нарядѣ, верьхами и пѣшкомъ, Миѳологическія группы, пастухи и пастушки съ посошками прогуливаются мимо васъ. Сказываютъ, что само Правительство наряжаетъ нѣсколько паръ, чтобъ показать обществу, что всѣ живутъ весело и въ довольствѣ. Пуассарды отличаются здѣсь своими площадными руга-

тельствами, которыя для меня ни мало не веселы.

Прогулки въ Булонскомъ лѣсу послѣдніе три дни Страстной недѣли также возобновились; но какая бѣдность въ сравненіи съ нашими гуляньями! ни одного экипажа нѣтъ посредственнаго, исключая иностранныхъ. Самой простой экипажъ нашего Кн. Д . . . обратилъ глаза всѣхъ гуляющихъ.

Новыя революціонныя празднества заключаются въ даровыхъ спектакляхъ, въ концертѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ и въ иллюминаціяхъ; тогда, какъ у насъ, всѣ улицы въ Парижѣ полны народу, но тогда же—это не такъ, какъ у насъ, — разъѣзжаютъ по всему городу конныя команды.

Къ числу смѣшныхъ обычаевъ причислить должно обычаи вызывать жениховъ и невѣстъ чрезъ газеты и аффишки, прибиваемыя на улицахъ и мѣняемыя каждые 15 дней въ нихъ со всѣмъ краснорѣчіемъ красавицы описываютъ свои прелести, таланты, нравъ и достатокъ, и требуютъ жениха, которой бы имѣлъ такія и такія принадлежности; чрезъ нихъ же молодой человѣкъ или пожилой холостяга вызываютъ желающихъ вступить съ ними въ супружество, такихъ и такихъ достоинствъ дѣвушку или вдову, напр: сороколѣтній мущина, упражнявшійся въ литтературѣ, веселый въ компаніи, тихаго нрава, изъ хорошей фамиліи и довольно достаточный

ищетъ дѣвушку или вдову отъ 26 до 34 лѣтъ, хорошо воспитанную, чувствительную и не безъ имѣнія, чтобъ соединиться съ нею и щастливо провождать дни; или: Одна молодая вдова, любезная (intéressante) по всѣмъ отношеніямъ: по характеру и по наружности, хорошо воспитанная, желаетъ вступить въ супружество съ одинокимъ человѣкомъ (*).

Во Франціи найдете, такъ какъ вездѣ, множество суевѣрій. Напрасно Французскіе путешественники слишкомъ забавляются надъ нашими Рускими; ихъ соотечественники едва ли не поравняются

(*) Примѣры сіи взяты изъ самыхъ аффишекъ.

въ этомъ съ нами; ворожба и примѣты у нихъ въ великой же модѣ: Читатель вспомнитъ, сколько гадающихъ шарлатановъ видѣть можно близь новаго моста, и можетъ быть увѣренъ, что ихъ не меньше, чѣмъ у насъ цыганокъ: чернь вездѣ чернь, и всякой народъ, какъ частный человѣкъ, имѣетъ свою слабость и смѣшную сторону.

XL.

УДОБСТВА И ПРІЯТНОСТИ ЖИЗНИ ПАРИЖСКОЙ.

Я опять повторю, что наука жить доведена здѣсь до высочайшаго совершенства; здѣсь изучены всѣ желанія человѣческія, всѣ нужды, всѣ потребности, даже фантастическія прихоти, и изобрѣтены всѣ средства къ удовлетворенію ихъ; поживя въ Парижѣ, научишься много желать такого, чего прежде не умѣлъ пожелать и не воображалъ.

Пріѣзжайте вы въ Парижъ, остановитесь въ любой Отели, будьте вы цѣмой

и не говорите ни слова: для васъ все сдѣлаютъ, все вамъ подадутъ и принесутъ, что нужно; лишь только хозяинъ на васъ и на вашъ экипажъ взглянетъ, то уже знаетъ, какую вамъ комнату надобно и въ которомъ этажѣ; въ одну минуту ваши пожитки внесутъ; вы еще не успѣете вздохнуть, войдя въ комнату по лѣстницѣ, вамъ принесли свѣжей воды и чистое полотенцо; слуга беретъ ваши сапоги, платье чистить; чрезъ 5 минутъ явится брадобрей, волосочесатель, и вы въ четверть часа готовы сойти со двора; вамъ разскажутъ тотчасъ, какую піэсу въ какомъ театрѣ играютъ: вы идете со двора, хотите итти въ театръ или отыскать пріятеля, знайте

только названіе улицы, гдѣ онъ живетъ, или театра; спросите любаго прохожаго, онъ вамъ разскажетъ подробно, куда итти на право, или на лѣво, или прямо; вы нанимаете карету, у васъ нѣтъ лакея съ зади; но не безпокойтесь: гдѣ бы вы ни остановились, вездѣ есть люди, которые вамъ отворяютъ карету; если высока она, то и скамейка готова къ услугамъ вашимъ; въ театрѣ засталъ васъ дождь, есть кому вамъ нанять карету; вы не далеко живете и не хотите нанимать, вамъ подаютъ зонтъ, плащь и все это за 2 и за 3 су. Какой народъ! какая разница между имъ и сосѣдомъ его Нѣмцомъ! Французъ самъ предупреждаетъ, а Нѣмецъ дожидается, чтобъ его про-

сили; Французъ благодаренъ вамъ, когда вы что у него купите, а Нѣмецъ думаетъ, что онъ васъ одолжилъ, если что вамъ продалъ; Французъ извиняется, если требуемой вами вещи у него нѣтъ, и тотчасъ скажетъ, гдѣ ее сыскать, Нѣмецъ скажетъ хладнокровно, что у него нѣтъ и не добивайся, гдѣ ее сыскать. Спроси у него о дорогѣ, онъ только и говоритъ: ступай прямо; Французъ проворствомъ, скоростію и расторопностію старается заслужить плату, а Нѣмецъ работаетъ безъ поворотливости и требуетъ съ гордостію и грубостію.

Парижъ тѣмъ единственный городъ, что и богатый и бѣдный можетъ въ немъ равно наслаждаться жизнію;

богачь найдетъ средство миліоны промотать, а бѣдный съ малыми деньгами насладится тѣми же удовольствіями; богачь нанимаетъ въ театрѣ ложу, которыя очень дороги, не богатой идетъ въ партеръ, которой дешевъ, видитъ туже піэсу и еще лучше богача; надобенъ экипажъ, услуга, столъ; небогатой имѣетъ на всякой улицѣ готовую карету, какъ скоро понадобится; домашній человѣкъ за малую плату служитъ ему со всею исправностію, вѣрностію; столъ готовъ для него вездѣ, очень опрятный и очень не дорогой.

Въ Парижѣ можно найти обѣдъ за полтину такой, какого у насъ за 150 коп. сыскать не можно, а за 150 въ

Парижѣ обѣдать можно великолѣпно на серебряномъ сервизѣ, подъ блестящимъ люстромъ, на мраморномъ столѣ; притомъ не надобно далеко искать обѣда: на всякой улицѣ есть нѣсколько ресторатеровъ, такъ какъ и все прочее, нужное къ вашему содержанію; совмѣстничество дѣлаетъ многія вещи дешевыми: вообще сказать можно, что Рускому путешественнику одинокому дешевле жить въ Парижѣ, нежели Французскому въ Петербургѣ и даже въ Москвѣ; тамъ дорого становится жить только семейственному, которой долженъ жить домомъ; но и тутъ кажется возможно съ экономіею не болѣе проживать, чѣмъ въ Россіи. Въ Парижѣ не нужно держать въ домѣ полтораста

человѣкъ безполезныхъ слугъ, кормить четыре и пять цуговъ, занимать пятьдесятъ и сто комнатъ, заводить свои театры, пѣвчихъ и музыкантовъ; безъ сихъ затей и Азіятской роскоши наши вельможи не болѣе проживали во Франціи, чѣмъ въ Россіи.

Къ удобствамъ Парижа надобно учрежденіе маленькой почты, которая разноситъ письма раза четыре въ день по городу; вы безъ труда можете сообщаться съ своими пріятелями, живущими далеко отъ васъ; можно отправлять чрезъ нее письма и въ другіе города Франціи; что тѣмъ легче, что на всякой улицѣ есть почтовая конторка, съ открытымъ ящикомъ, куда только бросаютъ письма, и платитъ тотъ, кто получаетъ.

XLI.

ПРАВЛЕНІЕ И ЗАКОНЫ.

Правленіе и Законы не принадлежатъ прямо до одного Парижа, а до всей Франціи: но Парижъ есть центръ, въ которомъ всѣ силы, движущія Францію, соединяются, въ которомъ, такъ сказать, утверждено то кольцо, за которое держа Бонапартъ, движетъ ею и сосѣдними державами; слѣдовательно къ стати они могутъ быть помѣщены въ сей Панорамѣ.—

Я пріѣхалъ въ Парижъ въ концѣ XI года, а выѣхалъ въ концѣ XII (*); какія перемѣ-

(*) По республиканскому счисле-

ны произошли въ этотъ годъ! Я пріѣхалъ въ правленіе Консуловъ, а выѣхалъ при Императорѣ; въѣзжая видѣлъ зеленѣющіяся *древа вольности*; пышныя слова: *свободы, равенства, братства*, украшавшія публичныя зданія, а передъ отѣздомъ видѣлъ, какъ изгладили ихъ съ чертоговъ Тюльерійскихъ, чрезъ недѣлю же по отъѣздѣ услышалъ, что и древа вольности порублены; я въѣзжалъ въ страну *гражданъ* (des citoyens), а выѣхалъ уже изъ земли *господъ* (des messieurs). При пріѣздѣ моемъ старые Графы, Викомты и Маркизы, остатки отъ революціи,

---

нію, которое отмѣнено послѣ изданія сей книжки. 1822.

тайкомъ едва смѣли именоваться своими титлами; при отъѣздѣ моемъ родились новые Князья мощнымъ словомъ Бонапарта, подобно какъ, изъ камней брошенныхъ Девкаліономъ раждались люди; сіе послѣднее баснь, но первое сущая правда, однакожъ такъ похоже на баснь, что самъ себѣ не вѣришь. что все это самъ видѣлъ, или по крайней мѣрѣ не вѣришь тому, чтобы все это произошло въ нѣсколько мѣсяцовъ, съ такою тишиною, съ такимъ порядкомъ, какъ бы дѣло самое обыкновенное и легкое. Я воображаю, что когда чрезъ нѣсколько столѣтій будутъ потомки наши читать исторію Французской революціи, они не повѣрятъ, чтобъ столько перемѣнъ случилось

въ 11 лѣтъ съ половиною; сколько конституцій, сколько формъ правленія! современнику кажется, будтобы онъ столькоже прожилъ столѣтій, сколько существовалъ Римъ отъ послѣдняго Царя до перваго Императора.

Но если разобрать строго послѣднюю перемѣну, то едва ли она важна сама въ себѣ, не разсуждая о важности ея въ отношеніяхъ политическихъ внѣшнихъ, а только во внутреннихъ.

Бонапартъ, бывъ Первымъ Консуломъ, имѣлъ туже власть, что нынѣ; прочіе два Консула не больше имѣли той, какую нынѣ имѣютъ при титулѣ Архиканцлера и Архиказначея; онъ потѣшилъ ихъ первый годъ Консульства;

тогда только въ отсутствіе свое препоручалъ имъ власть правленія, но послѣ во всѣхъ городахъ дорогою подписывалъ самъ всякія учрежденія и оба Консулы оставались только фигурантами.

Бонапартъ всю родню передѣлалъ Князьями! — но и прежде, не имѣя сего титла, они занимали первыя мѣста.

Бонапартъ сдѣлалъ власть въ семействѣ своемъ наслѣдственною! — но и безъ того она досталась бы тому, кому ему угодно; ибо по конституціи VIII года онъ имѣлъ право представлять Сенату кандидатовъ въ преемники себѣ; Сенатъ отвергнувъ двухъ, непремѣнно долженъ бы былъ, по той же конституціи, утвердить третьяго; но не трудно бы сдѣлать, чтобъ

сей третій былъ тотъ, кого бы онъ пожелалъ имѣть преемникомъ; преемникъ, пользуясь тѣмъ же правомъ, могъ бы тоже сдѣлать.

Сенатъ, Законодательный Корпусъ и Трибунатъ не болѣе тогда власть его ограничивали, какъ и нынѣ. Если въ комъ могъ бы найти онъ сопротивленіе, то это въ членахъ, поступившихъ въ сіи мѣста переворотомъ 18 Брюмера: но сіи такъ застращены, такъ стѣснены шпіонствомъ, что не смѣютъ ничего выговорить противъ его повелѣній; противъ Консульства на жизнь возставили только 7 изъ 120 человѣкъ, составляющихъ Сенатъ, а противъ Императорства ни одинъ уже не спорилъ; новые же члены все его творенія. Кто

знаетъ механизмъ выборовъ на сіи мѣста, тотъ легко сіе понять можетъ.

Избирательныя Коллегіи по Департаментамъ состояли всегда по конституціи подъ предсѣдательствомъ того, кого пришлетъ первый Консулъ, который не преминовалъ посылать своего роднаго или приверженца; они по случайности своей имѣли сильнѣйшее вліяніе на сіи избранія; тотъ, кто имъ извѣстенъ, назначался въ кандидаты въ Сенатъ, Законодательный Корпусъ и Трибунатъ; самой надежнѣйшій для Бонапарта наконецъ утверждаемъ былъ Сенатомъ. Другая тонкость политики его есть та, что въ президенты Сената и Законодательнаго Корпуса выбираетъ онъ изъ

недостаточныхъ людей, такъ какъ и другихъ чиновниковъ; напр: въ послѣдній годъ Нейшато былъ президентомъ Сената, Фонтань Законодательнаго Корпуса, оба стихотворцы: канцлеромъ Сената Лапласъ, извѣстный астрономъ; канцлеромъ Почетнаго Легіона Ласепедъ, натуралистъ: окружающіе его Генералъ—Адъютанты и начальники гвардіи — все молодые люди, о которыхъ на войнѣ не слышно было и всѣхъ ихъ онъ прещедро награждаетъ и жалованьемъ и подарками; имъ бы ни при какомъ другомъ правленіи не удалось имѣть такихъ выгодъ, и потому они всѣми силами защищаютъ Бонапарта и раболѣпствуютъ ему, чтобъ самимъ возвышаться; продаютъ

націю, чтобъ самимъ богатѣть. Но никогда Сіесъ, Ланжуине, Гара и другіе не были возвышены на важные посты; ни Лекурбъ, ни Массена, ни другіе Генералы не были допущены къ отличнымъ мѣстамъ. Можно сказать, что подъ вліяніемъ такихъ людей на народъ Бонапарту не удалось бы никогда сдѣлаться такъ скоро тѣмъ, что онъ нынѣ.

Но бросимъ взглядъ на Консульскую конституцію. Власть исполнительная и законодательная состоитъ сообразно оной въ трехъ Консулахъ, Совѣтѣ, Сенатѣ, Законодательномъ Корпусѣ и Трибунатѣ.

Власть исполнительная заключалась въ 3 лицахъ Консульскихъ; Первый Консулъ

имѣлъ только предсѣдательство: имѣя пребываніе въ Парижѣ онъ подписывалъ всѣ акты, а въ отсудствіе его прочіе заступали его мѣсто. Другія отличія были также равны; одинъ дворецъ, одна гвардія; всѣ трое принимали пословъ, всѣ трое подписывали законы республики; но извѣстно, долго ли все это продолжалось? Совѣтъ учрежденъ какъ бы въ помощь Правительству; во всѣхъ важныхъ дѣлахъ оно должно съ нимъ сноситься: когда что Консулы опредѣляли, или вновь постановляли, или одинъ Первый давалъ повелѣніе касательно общественныхъ дѣлъ, то употребляема была слѣдующая форма: по выслушаніи Совѣта Консулы или первый Консулъ опредѣ-

лилъ. Сей Совѣтъ занимался и теперь занимается сочиненіемъ *Уложеній*; гражданское уже обнародовано и можетъ служить образцомъ порядка, ясности и вмѣстѣ краткости; тутъ нѣтъ метафизики и частныхъ раздѣленій и подраздѣленій; Совѣтники живо памятовали, что они пишутъ его не для Профессоровъ, но для всего народа, который, чтобъ могъ исполнять, долженъ понимать ихъ и притомъ безъ изъясненій профессорскихъ. Бонапартъ обѣщалъ еще Уложеніе коммерческое, уголовное и судебное; но властолюбивые его планы не даютъ времени думать о благѣ подвластныхъ ему.

Сенатъ съ титуломъ *блюстительнаго* имѣетъ долгъ

соблюдать постановительные законы и смотрѣть, чтобъ ни какое учрежденіе не было противно оныхъ. Свѣтъ знаетъ, сколь свято онъ хранилъ долгъ свой въ Консульство Бонапарта!

Законодательный Корпусъ занимается слушаніемъ предлагаемыхъ Совѣтниками или ораторами Правительства законовъ въ молчаніи, и балотированіемъ ихъ, не произнося ни слова ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе оныхъ. Это не законодатели, а законобалотировщики, сословіе нѣмыхъ.

Трибунатъ, какъ Корпусъ Народный, по образу Трибуновъ Римскихъ, долженъ изслѣдовать предложенные законы; Трибуны говаривали сперва и въ опроверженіе

оныхъ, но напослѣдокъ такъ робки стали, что принимали все единогласно (*). Всѣ сіи верховныя мѣста остались и понынѣ, пока нужно Бонапарту льстить нѣсколькимъ стамъ человѣкамъ, содержать ихъ на жалованьѣ: но для блага же Французовъ должно желать, чтобъ большая часть изъ нихъ были уничто-

(*) Но вотъ есть весьма забавный анекдотъ, который служитъ къ безчестію Трибуновъ и вмѣстѣ къ доказательству, сколько все страшится Бонапарта. Во время Революціи помѣстья, принадлежавшія Королю, Принцамъ, Дюкамъ и знатнымъ особамъ, выѣхавшимъ изъ Франціи, сдѣлались собственностію народа. По сему праву тогдашніе властители именемъ народа распродали оныя частнымъ людямъ, такъ что къ 8 году революціи все почти было

жены: ибо они существовали во все правленіе Бонапарта безъ всякой пользы для народа, тѣмъ болѣе теперь; между тѣмъ они удручаютъ народъ, на щетъ котораго они содержатся, ибо члены ихъ получаютъ пребольшое жалованье т: е: Сенаторы по 50, Совѣтники по 30, Трибу-

---

продано. Когда началась послѣдняя война съ Англичанами, и Бонапартъ вознамѣрился сдѣлать несбыточную высадку на берега Англіи, посредствомъ своихъ новоизобретенныхъ барокъ и пенишей, тогда почувствованъ былъ весь вредъ, отъ сей распродажи произшедшій ибо весь лѣсъ. для строенія помянутыхъ судовъ нужный, надобно было покупать у частныхъ людей и дорогою цѣною, отъ чего сіе вооруженіе, только *театрально* - становилось весьма дорого. Бона-

ны по 25, Законодатели по 10 тысячь франковъ; это нѣсколько сносно было, когда не было Дворовъ, а теперь, кромѣ Бонапартова, есть еще два Двора братьевъ его Іосифа и Людовика, отъ чего еще болѣе увеличиваются расходы и слѣдовательно налоги и повинности.

партъ чрезъ своихъ ораторовъ предложилъ Указъ о возвращеніи нѣкоторыхъ изъ проданныхъ помѣстьевъ, а на какихъ правилахъ не упомню. Законодательный Корпусъ пропустилъ сей Указъ; дошло до Трибуната, и сей не смѣлъ ни слова сказать противъ онаго, хотя чрезъ то члены лишались выгодныхъ и дешевыхъ имѣній; но когда дѣло дошло до балотированія, то черныхъ шаровъ оказалось болѣе, нежели бѣлыхъ. Президентъ открывая урны, въ которыя кла-

Но обратимся опять къ правленію. . . . .

Дѣла внутреннія и внѣшнія раздѣлены по Министерствамъ, какъ у насъ.

Далѣе — Франція раздѣляется на 121 Департаментъ.

Департаментъ есть тоже, что у насъ Губернія; Пре-

дутся шары, пораженъ былъ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Вотъ случай, сказалъ онъ, непредвидѣнный самою нашею конституціею! Никто не возражалъ и большая часть отвергаетъ Указъ! Неизвѣстно было, кто имянно, и слѣдовательно не знали, кого послать въ Законодательной, Корпусъ съ донесеніемъ объ отверженіи Указа ибо обыкновенно Трибунатъ избиралъ Ораторовъ своихъ для Законод. корпуса изъ тѣхъ членовъ, которые говорили публично

фектъ есть его начальникъ, подъ нимъ Меръ начальникъ города; при Префектѣ есть Канцелярія, называемая Префектурой; въ оной производятся дѣла, до всего департамента относящіяся. Касательно сборовъ податей, рекрутскихъ наборовъ и пр. въ ней кромѣ Префекта засѣ-

---

въ защищеніе или опроверженіе закона: не извѣстны также были и причины отверженія: послали Г. Самеона, такъ какъ человѣка съ пылкими дарованіями, который могъ скорѣе всѣхъ приготовить рѣчь и смягчить это дѣло, а между тѣмъ партикулярно дали знать Бонапарту о семъ произшествіи; весь городъ только и говорилъ объ ономъ чѣмъ же кончилась исторія? Бонапартъ въ слѣдующіи же день послалъ прямо въ Трибунатъ своего Оратора (т:

даетъ нѣсколько Совѣтниковъ. Меръ предсѣдательствуетъ въ Городовомъ Правленіи; здѣсь производятся дѣла, до города относящіяся, до Полиціи и его уѣзда. Въ уѣздныхъ городахъ Департамента, знатно населенныхъ, бываютъ Вице-Префекты, а въ небольшихъ только Меры.

Тяжебныя дѣла производятся въ особенныхъ Судилищахъ: *Смирительный Судъ* (tribunal correctionnel)

е: члена совѣта), который въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ сдѣлавъ упреки членамъ за ихъ низкое корыстолюбіе, презрѣніе общаго блага и неповиновеніе Правительству, заставилъ принять отринутый Указъ. — Вотъ как Бонапартъ уважалъ народныя мѣста, учрежденныя для наблюденія правъ, еще въ Консульство свое!

разбираетъ небольшія воровства, обманы, драки, и пр: *Гражданской Судъ*, какъ ясно изъ названія его видно, рѣшитъ споры, касательно имѣній во всемъ пространствѣ сего значенія: въ большихъ городахъ онъ подраздѣляется на нѣсколько отдѣленій, такъ какъ въ Парижѣ. По гражданскимъ дѣламъ есть еще *Судъ Апелляціонный* (tribunal d'appel), названіе его изъявляетъ его должность. *Уголовный Судъ* разсматриваетъ важныя преступленія: убійства, заговоры и пр. подлежащія смертной казни, публичной выставкѣ и проч. Изъ всѣхъ сихъ судовъ дѣла переходить могутъ еще выше въ *Судъ Уничтожительный* (tribunal de cassation). Здѣсь дѣло

рѣшится невозвратно; кого сей судъ оправдаетъ или обвинитъ, тотъ остается оправданнымъ или обвиненнымъ навсегда. Есть еще Судъ *Коммерческій* (tribunal de commerçe), который рѣшитъ дѣла купеческія, не очень важныя и скорости требующія; еще есть *Мирные Судьи*; ихъ должность и права тѣже, что нашихъ Частныхъ Приставовъ и Словесныхъ Судовъ.

Машина судопроизводства, какъ видно, весьма проста и тѣмъ заслуживаетъ вниманіе и подражаніе; чѣмъ менѣе судовъ, тѣмъ правосудіе скорѣе; но это хорошо тамъ, гдѣ судьи достигли извѣстнаго степени благородства мыслей, чтобъ не судить на мздѣ, или тамъ, гдѣ бы не-

правосудное ихъ рѣшеніе могло скоро открыться, такъ какъ во Франціи: ибо всѣ дѣла рѣшатся публично, во время сужденія двери во всѣхъ судахъ отворены и всегда множество бываетъ зрителей; я самъ бывалъ, можетъ быть до 100 разъ, свидѣтелемъ ихъ судопроизводства. Чернь не знаетъ законовъ гражданскихъ, но имѣетъ общій смыслъ правосудія; ибо у всякаго есть совѣсть. Какъ скоро Президентъ, допрашивая подсудимаго, сдѣлаетъ вопросъ съ напяжкою; какъ скоро подсудимый будетъ стараться защищаться не прямо, а уловками; какъ скоро адвокатъ употребляетъ неосновательные или ложные доводы къ защищенію или обвиненію подсудимаго; или

напротивъ если все идетъ, какъ должно, народъ не можетъ удержаться, чтобъ не изъявить въ первомъ случаѣ своего негодованія, а во второмъ одобренія, не смотря на всѣ строгія запрещенія; это происходитъ отъ невольнаго движенія при видѣ справедливости или несправедливости: и судья опасается самъ сего нелицемѣрнаго суда.—Но посторонній зритель не можетъ доносить о неправомъ рѣшеніи?—Правда это: однако всякой приходя домой разсказываетъ, какъ онъ слышалъ дѣло и какъ оно рѣшено; переходя отъ одного къ другому, оно можетъ достигнуть вышняго начальства и навлечь праведное взысканіе. Притомъ тутъ бываетъ не одна чернь, бываютъ знающіе лю-

ди; и газеты суть средства обнаружить описаніемъ дѣла неправость судей, или прославить ихъ правосудіе; что не рѣдко и случается въ Парижѣ!

И такъ уже ли совсѣмъ нѣтъ неправды въ судахъ Франціи? —но не такъ наглая, какъ въ другихъ нѣкоторыхъ странахъ. и во Франціи невинность можетъ быть утѣснена, но медлѣніемъ только и проволочкою, но не можетъ явно неправое сдѣлаться правымъ, какъ то бываетъ иногда въ другихъ нѣкоторыхъ Государствахъ.

Я разскажу для любопытныхъ весь порядокъ судопроизводства, и притомъ уголовнаго. По взятіи преступника подъ стражу, Присяж-

ные (*) должны сказать, справедливо или нѣтъ обвиняютъ его въ такомъ проступкѣ; какъ скоро справедливо, то его отдаютъ подъ судъ: тогда его допросятъ, сзовутъ свидѣтелей, возьмутъ сказки. Когда всѣ нужныя свѣденія собраны, тогда судится онъ публично; его приводятъ на судъ два жандарма, сажаютъ на возвышенное мѣсто, чтобъ всѣ видѣли: тогда секретарь читаетъ подробное описаніе всего дѣла; по прочтеніи Президентъ обращается къ преступнику и спрашиваетъ, не имѣетъ ли чего возразить противъ читаннаго, и когда онъ возражаетъ, то всячески

(* Присяжные избираются изъ гражданъ всякаго состоянія по очереди.

старается изобличить его на словахъ: потомъ снова публично допрашиваются свидѣтели, изъ которыхъ каждому Президентъ начинаетъ говорить слѣдующею формою: *dites-moi la vérité, toute pure vérité et rien que la vérité*; собравши отъ нихъ отзывы, позволяетъ говорить адвокату въ защищеніе преступника: наконецъ присяжные, выслушавъ всё, отходятъ въ особенную комнату и не расходясь, непремѣнно должны въ тоже время рѣшить, виноватъ подсудимый или нѣтъ. Какъ скоро присяжные скажутъ, что виноватъ, то судьи тогда должны подвесть законъ, какому онъ подлежитъ наказанію, что и объявляетъ Президентъ преступнику, сопровождая всегда

краткою рѣчью. Но преступникъ имѣетъ еще три дни времени для переносу своего дѣла въ *Уничтожительный* судъ, по рѣшеніи котораго онъ въ тотъ же день подвергается казни. Преступникамъ дозволяется не только имѣть стряпчихъ, но и нѣсколькихъ совѣтниковъ въ теченіе судопроизводства. Вообще уголовные законы Франціи весьма человѣколюбивы, не смотря, что они введены во время кровопролитнѣйшей Революціи. Присяжные, на подобіе Англинскихъ, у нихъ введены также только съ того времени.

Новое *гражданское* уложеніе, превосходное по моему мнѣнію, и достойное подражанія другими народами, для Французовъ есть величайшее

благодѣяніе, какое только сдѣлалъ для нихъ Бонапартъ. До революціи, что провинція, то почти особенное было законоположеніе; иная управлялась Римскими, другая Французскими законами, а иныя обычаями. Такое разнообразіе приводило въ замѣшательство самое Правительство, а гражданъ въ непреодолимыя затрудненія. Въ революцію хотя уничтожено сіе разнообразіе, но также выдано множество законовъ противорѣчущихъ, смотря по духу правителей, господствовавшихъ надъ Франціею попеременно. Теперь всѣ они отставлены и однимъ уложеніемъ вся Франція управляется. Я знаю, что его охуждаютъ за неполноту, но мнѣ кажется, еще рано въ семъ его

опорочивать; надобно подождать до тѣхъ поръ, какъ прочія обѣщанныя уложенія выдутъ, которыя вѣроятно дополнятъ его. Предѣлы сей книжки не позволяютъ мнѣ войти въ разборъ законоположеній сего уложенія; я скажу только, что они отличаются правотою, благоразумною свободою и умѣренностію.

Что касается до Полиціи Парижской, то какъ всегда она славилась своею дѣятельностію и бдительностію, такъ и нынѣ славится. Нынѣ есть Министръ Полиціи и Совѣтникъ, имѣющій надзоръ надъ нею; сверьхъ того въ Парижѣ есть Префектъ полицейской. Парижъ раздѣляется на 12 округовъ (arrondissemens); въ каждомъ изъ нихъ есть

Меръ; округи раздѣляются на отдѣленія, въ которыхъ есть по мирному судьѣ, по нѣскольку комисаровъ и по сотнѣ, я думаю, Офицеровъ Полиціи, или по просту шпіоновъ, а Парижане ихъ называютъ *Mouchards*: они на откупѣ у Правительства и нанимаются изо всѣхъ классовъ людей, богатые и нищіе. Ихъ дѣло подслушивать, что говорятъ о Правительствѣ; они посѣщаютъ театры, собранія, балы и домашнія общества; неосторожное смѣлое слово тотчасъ замѣчено, и вымолвившій его или тотчасъ, или чрезъ нѣсколько времени, смотря по лицамъ и по обстоятельствамъ, схваченъ, посаженъ подъ стражу, или высланъ въ провинцію. Это случается почти еже-

дневно и составляетъ дневныя новости (*).

Этого мало, что они подслушиваютъ; они вводятъ нарочно васъ въ разговоръ о Правительствѣ, начинаютъ сами бранить его, и естьли вы только подтакнете, то и берутъ васъ подъ караулъ.

(*) Одинъ учитель на фортепіанахъ, мнѣ знакомый, бывши у обѣдни въ воскресенье, не хотѣлъ слушать: *Тебе Бога хвалимъ*, пѣтое тогда о возшествіи на престолъ Бонапарта. Онъ пошелъ вонъ изъ церкви, какъ нѣкто изъ его знакомыхъ, встрѣтясь съ нимъ, спрашиваетъ его: за чѣмъ онъ не хочетъ молиться за Бонапарта? это не наше дѣло, отвѣчалъ онъ и продолжалъ итти: доходитъ до воротъ дома своего, хочетъ войти, какъ вдругъ останавливаетъ

Что касается до надсмотру за безопасностію и тишиною, Полиція весьма бдительна и въ порядкѣ чрезвычайномъ. Грабежей и воровства явнаго совсѣмъ почти не слышно, хотя мошенничества не мало. Въ Парижѣ есть Полицейское заведеніе, что лишь только смеркаться начинаетъ, о ворота всѣхъ домовъ заперты; пришедши домой надобно зазвенѣть въ колокольчикъ, находящійся въ

его одинъ человѣкъ и говоритъ: пойдемте за мною; и тотчасъ показываетъ значокъ, что онъ Офицеръ Полиціи; насилу могъ упросить его, чтобы дать время сказать объ этомъ своимъ домашнимъ. Его привели въ Полицію и онъ тамъ просидѣлъ подъ карауломъ цѣлую недѣлю.

комнатѣ привратника, каковые бываютъ во всякомъ домѣ. Ихъ должность сидѣть у воротъ въ своей буточкѣ; никто незнакомый не можетъ войти на дворъ, не сказавшись привратнику, къ кому онъ идетъ; предосторожность необходимая въ Парижѣ.

Въ Парижѣ нѣтъ обыкновенныхъ Полицейскихъ солдатъ и караульныхъ, но по мѣстамъ разставлены полковые пикеты; для большихъ сборищъ, гдѣ нужна вооруженная рука, требуется пособіе изъ полковъ.

ТРИ ОТДѢЛЬНЫЯ ПІЭСЫ.

ТРИ ОТДѢЛЬНЫЯ ПІЭСЫ.

I.

НѢЧТО О БОНАПАРТѢ.

Бонапартъ принадлежитъ къ классу *необыкновенныхъ* людей; онъ занялъ такое мѣсто въ Исторіи нашего времени, что писавши ее, должно непремѣнно говорить о немъ; онъ представляетъ собою предметъ, достойный любопытства не только современниковъ, но и потомковъ.

Но судя по виду его, не льзя угадать, чтобы это былъ необыкновенный человѣкъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ росту малаго, лица смуглаго и носъ имѣетъ большой; одни глаза его имѣютъ что-то отличительное по живости и остротѣ своей. Голосъ у него рѣзкой, выраженія коротки, но сильны, тонъ важный, а взглятъ строгій, которые заставляютъ всѣхъ приближающихся къ нему робѣть. Когда онъ былъ еще простымъ Генераломъ, то не только подчиненные, но и равные уважали его, какъ начальника.

Адъютантъ Генерала Магдональда мнѣ разсказывалъ, что сей послѣдній, имѣвъ какое-то неудовольствіе по арміи на Бонапарта, поѣхалъ

къ нему съ тѣмъ, чтобы изъявить ему оное въ самыхъ смѣлыхъ и даже колкихъ выраженіяхъ: но возвратясь домой, признался Адъютанту откровенно, что не смѣлъ сказать ему ни слова.,, Онъ такъ меня принялъ, присовокупилъ онъ, такими глазами взглянулъ на меня, что я не въ состояніи былъ даже напомянуть ему о своемъ неудовольствіи.,, Бонапартъ имѣетъ характеръ твердый и непремѣнный. Когда что приказалъ, уже не отступаетъ отъ своего слова; непремѣнно надобно, чтобъ это сдѣлано было такъ и тогда, какъ онъ сказалъ; онъ не любитъ, чтобъ ему говорили: *это трудно, это не возможно;* въ моемъ лексиконѣ, говоритъ Бонапартъ, нѣтъ слова: *невоз-*

можно! это показываетъ человѣка весьма избалованнаго успѣхами. Онъ гордъ и пышенъ; почему любитъ почести и церемоніи, слушаетъ охотно рѣчи и комплименты вездѣ и при всякомъ случаѣ. А какъ для Французовъ всего меньше стоятъ льстивыя слова, то они при всякомъ происшествіи и говорятъ и пишутъ ему рѣчи.

Бонапартъ весьма задумчивъ и неговорливъ; во время публичнаго концерта на новый годъ, онъ показывался народу на балконѣ съ обоими Консулами и сидѣлъ съ ними цѣлой часъ, такъ какъ бы былъ одинъ, не говоря ни слова; въ мысляхъ, часто нюхаетъ табакъ; работая же въ кабинетѣ, имѣетъ, сказываютъ, привычку рѣзать

перочиннымъ ножичкомъ свои кресла, такъ что надобно почти каждой мѣсяцъ мѣнять оныя. Я видѣлъ его разъ пятьдесятъ, и одинъ только разъ улыбающагося; это было во время церемоніальнаго его шествія въ Инвалидной домъ, для раздачи украшеній почетнаго Легіона: но, я думаю, и въ этотъ разъ улыбался онъ по наставленію *Сегюра* для приласканія своего *великаго народа*; Сегюръ какъ Оберъ-церемонимейстеръ, имѣетъ также должность учить его царскимъ этикетамъ, и имянно, какъ Короли Французскіе въ какихъ случаяхъ поступали, и онъ вѣрно не преминулъ напомянуть ему, что и Короли въ торжественныхъ собраніяхъ показывали видъ веселый.

Бонапартъ вѣритъ *своей звѣздѣ*, говоря, что щастливая *звѣзда* покровительствовала ему, какъ онъ ѣхалъ въ Египетъ и возвращался оттуда. Не льзя подумать, чтобъ онъ бралъ это въ литтеральномъ смыслѣ; ибо это бы было самое грубое суевѣріе: но отъ этого произошло, что во всѣхъ рѣчахъ, ему говоренныхъ, упоминается о звѣздѣ. Орденъ почетнаго Легіона есть звѣзда, ложи его во всѣхъ главныхъ театрахъ украшены звѣздами и новый гербъ Французской усѣянъ звѣздами.

Бонапартъ наконецъ любитъ театръ; и особливо Корнелевы трагедіи, для того что характеры ихъ возвышенны, горды, пышны, что сходственно съ его характеромъ.

II.

ЗАГОВОРЪ ЖОРЖА;

СМЕРТЬ

ПРИНЦА АНГІЕНСКАГО,

ВОЗВЫШЕНІЕ БОНАПАРТА (*).

Три сіи приключенія такую имѣютъ связь между собою, что, говоря обо одномъ, не льзя умолчать о прочихъ. Заговоръ былъ поводомъ къ разстрѣлянію Принца и къ возвышенію Бонапарта.

(*) Все это уже не новость для моихъ читателей, но можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ не знаютъ, изъ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на сіи приклю-

Но былъ ли заговоръ ? ?— Этотъ вопросъ не легко рѣшить? Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые люди пріѣзжали въ Парижъ съ намѣреніемъ низвергнуть Бонапарта перехваченная ихъ переписка съ нѣкоторыми особами, ихъ допросы то доказываютъ: но если то правда, какъ многіе Французы думаютъ, что сей умыселъ былъ предпринятъ по хитрому побужденію самаго того, который былъ его предметомъ, веденъ былъ по его же плану и съ его вѣдома и конченъ въ его же пользу; то заслуживаетъ ли онъ сіе названіе? Пусть рѣшатъ сами чита-

---

ченія; ля нихъ-то я помѣщаю здѣсь сеи отрывокъ.

шели; я разскажу имъ все дѣло, какъ я его знаю по оффиціальнымъ извѣстіямъ и по словамъ многихъ достовѣрныхъ Французовъ.

Парижане праздновали карнавалъ и ничего не подозрѣвали; они веселились въ послѣдніе дни онаго и не думали, чтобъ постъ ихъ нач лся такъ страшно и печально; во вторникъ, послѣдній день карнавала, ничего не слышно было: какъ на другой день, первый великаго поста, на всѣхъ стѣнахъ города прибиты были прокламаціи отъ Министра юстиціи и Парижскаго Губернатора къ жителямъ и особенно къ солдатамъ, что *Моро* арестованъ, что онъ въ заговорѣ противъ Перваго Консула и притомъ съ Англичанами, что

всѣ заговорщики находятся въ Парижѣ и что всѣ граждане приглашаются къ отысканію ихъ; наконецъ прибивается листъ всѣхъ ихъ подъ именемъ *злодѣевъ* и на первомъ мѣстѣ между ними *Жоржъ* и *Моро*. Всѣ до единаго Парижанина поражены были неописаннымъ изумленіемъ; они уважали Моро и любили еще Бонапарта; военныя заслуги перваго поставляли его выше самаго Бонапарта, но заслуги сего, касательно дарованнаго Франціи спокойствія, располагали къ нему сердца почти всѣхъ непритворною благодарностію и почитаніемъ. Я помню, какъ мысли и сужденія Парижанъ колебались и оставались въ нерѣшимости между сими двумя особами,

столько для нихъ почтенными; имъ жаль было, что Моро арестованъ, но желали извинить и Бонапарта, что онъ вынужденъ былъ къ сему поступку природнымъ правомъ, кромѣ гражданскихъ, на сохраненіе себя и своей безопасности; униженіе Моро было для нихъ больно, но и безопасность Бонапарта драгоцѣнна; напослѣдокъ общее мнѣніе преклонилось-было на сторону Бонапарта; ибо говорили: непростительно для Моро, что онъ сообщился въ семъ дѣлѣ съ Англичанами, природными врагами Французовъ, что извинительнѣе бы было, естьлибъ онъ самъ собою началъ сей умыселъ изъ собственнаго побужденія, но соединиться съ Англичанами! — это преступленіе выше

всѣхъ; но потомъ листъ, въ которомъ Моро наравнѣ съ Жоржомъ и другими, извѣстными разбойниками помѣщенъ былъ подъ общимъ названіемъ *злодѣевъ* прежде суда, раздражилъ всѣхъ.

Когдажъ, въ продолженіи процесса, ясно видно было, что всячески хотѣлось обвинить Моро, то неудовольствіе противъ Бонапарта было всеобщее, но всѣ такъ стѣснены, застращены, что не смѣли ничѣмъ важнымъ того обнаружить, кромѣ что дѣлали въ театрѣ аппликаціи къ Моро всѣхъ стиховъ, въ которыхъ упоминается о притѣсненіи невинности, заслугахъ и добродѣтели; я слышалъ самъ, какъ троекратнымъ и громчайшимъ рукоплесканіемъ прервали

представленіе одной трагедіи, въ которой одинъ стихъ содержалъ ту мысль, что добродѣтель бываетъ въ оковахъ, а порокъ на тронѣ; словомъ не упускаемо было ни въ одной трагедіи даже легкихъ сходствъ съ обстоятельствами, чтобъ не были замѣчены партеромъ и аплодированы; актеры не знали, что играть; иное оставили, въ иномъ сдѣлали опущеніе. Были прибиты еще аффишки въ Ст. Жерменскомъ предмѣстіи въ слѣдующихъ словахъ: свобода Моро, или смерть Бонапарту, но Полиція успѣла ихъ оборвать очень рано; еще въ другихъ мѣстахъ изъявляли недовольные свое негодованіе, но такъ низко, боязливо, что и не заслуживаетъ вниманія.

Уже 6 недѣль продолжалось слѣдствіе сего дѣла, какъ случилось неслыханное въ Исторіи просвѣщенныхъ народовъ произшествіе: похищеніе Дюка д' Анґіеня и его разстрѣляніе. Пусть наиприверженнѣйшій къ Бонапарту отыщетъ въ Исторіи подобной сему поступокъ! Кто, кромѣ Бонапарта, могъ отважиться, чтобъ въ страну, покоющуюся тишиною подъ покровомъ мирнаго трактата, послать нѣсколько тысячь войска, схватить кого нибудь, привести въ Парижъ и разстрѣлять въ нѣсколько часовъ? Не есть ли это явное нарушеніе всѣхъ правъ? Прежде и явныхъ злодѣевъ вынимали съ позволенія Правительства той страны, гдѣ они укрывались: а въ наши

просвѣщеннѣйшія времена еще недознанныхъ преступниковъ, только подозрительныхъ, исторгаютъ съ насильствомъ среди мира, и приносятъ въ жертву властолюбію толь безжалостно! Этому не хотѣли вѣрить даже ревностнѣйшіе защитники Бонапарта, доколѣ оффиціально объявлено не было отъ Правительства: тогда только повѣрили, что Принцъ схваченъ, увезенъ, разстрѣлянъ, но не повѣрили тому, чтобъ судимъ и виноватъ былъ.

Сіе произшествіе такъ поразило, что во всемъ городѣ примѣтно было какое-то уныніе и печаль на всѣхъ лицахъ. Это случилось не задолго до гулянья въ Булонскомъ лѣсу на страстной не-

дѣлѣ. Бывъ на ономъ и увидя малое стеченіе народа и особенно не многочисленность экипажей, спросилъ я у одного Парижанина: не ужели всегда такъ мало бываетъ народу и экипажей на этомъ гуляньѣ?- нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, прошлые годы было больше; нынѣ до того ли намъ, чтобъ веселиться; у насъ стрѣляютъ, сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ въ ссылку безъ всякаго суда! —

Какъ бы то ни было, до сихъ поръ никто не сомнѣвался, чтобъ не было заговора; Пишегрю былъ пойманъ, Жоржъ также, наконецъ Пишегрю удавился или удавленъ, Принцъ разстрѣлянъ; всѣ думали, что тутъ дѣйствовала любовь къ жизни и безопасности, хотя и жестокая; но

вотъ развязка драмѣ! Бонапарта предлагаютъ въ Императоры и въ наслѣдственные! Тутъ-то многіе образумились, начали снова соображать всѣ произшествія съ послѣдствіями и нашли, что сей заговоръ есть политическая хитрость Бонапарта, чтобъ освободиться опаснѣйшихъ для себя непріятелей, сѣсть на тронѣ Бурбоновъ, не боясь никого, прицѣпиться къ сосѣднимъ землямъ, и владычествовать въ Европѣ, подобно Карлу Великому, которому онъ хочетъ уподобиться (*).

Сію догадку подтвердили потомъ достовѣрныя извѣстія.—За годъ почти до от-

(*) Сіе писано въ Августѣ 1805 года.

крытія сего заговора, пронесся слухъ во Франціи, что Бонапартъ хочетъ сдѣлаться Императоромъ. Но это кончилось тѣмъ, что Монитёръ разругалъ разпустившихъ этотъ слухъ негодяями, возмутителями общаго покоя и тишины, но что первый Консулъ *никогда не думалъ и не думаетъ этого сдѣлать* ! ! — Это было приготовленіе къ драмѣ; въ это время только посланы были, какъ сказываютъ, перебѣжчики въ Лондонъ; тамъ жили *Пишегрю*, *Жоржъ* и нѣкоторые изъ Принцовъ Французскихъ. Сіи перебѣжчики подъ видомъ недовольныхъ Бонапартомъ, описали весьма черными красками его правленіе, всеобщее будто неудовольствіе и готовность

къ бунту, и представили Моро на сторонѣ недовольныхъ, готоваго за нихъ вступиться и принять команду надъ войсками противъ Бонапарта. Имъ повѣрили; писали къ Моро, онъ имѣлъ слабость отвѣчать, хотя ни то ни сіо, но достаточно, чтобъ удостовѣриться въ донесеніи перебѣжчиковъ, которые потомъ сообщили планы свои, какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, и сіи планы были начертаны съ одобренія самаго Бонапарта; это видно по ихъ расположенію, т: е: чтобъ заманить Пишегрю, Жоржа и Принца Ангіенскаго въ Парижъ, которыхъ онъ наиболѣе боялся, тѣхъ по предпріимчивости и дерзости, а послѣдняго по отличнымъ талантамъ.

Тѣ попались совершенно въ поставленныя имъ сѣти, но послѣдній имѣлъ осторожность — хотя тщетную — не въѣзжать во Францію, пока не увидитъ успѣха сихъ предпріятій и хотѣлъ не въ дальнемъ разстояніи Франціи ожидать онаго. Однако Бонапартъ не оставилъ желанія заманить его во Францію. Онъ посылаетъ въ Страсбургъ въ Префекты нѣкотораго *Ши*, родомъ изъ Англичанъ, смѣнивъ *Ломона*, имъ любимаго всегда и отличаемаго человѣка. Я былъ тогда въ Страсбургѣ и Страсбургцы не понимали, что бъ значила сія смѣна. Но вотъ какая была цѣль: чтобъ этотъ Англичанинъ, воспользуясь своимъ происхожденіемъ, могъ въ случаѣ надобности удобнѣе

удостовѣрить Англинскихъ Министровъ *Шпенцера* и *Драка* въ своихъ неудовольствіяхъ противъ Бонапарта и въ желаніи помогать имъ всячески въ ихъ намѣреніяхъ.

Онъ и успѣлъ въ этомъ; склонивъ будто на свою сторону дивизіоннаго Рейнскихъ войскъ Генерала *Леваля*, онъ послалъ отъ своего и его имени къ Драку адъютанта съ предложеніемъ дѣйствовать за одно противъ Перваго Консула; они увѣрили, что вся Рейнская дивизія готова взбунтоваться противъ него, что ей только надобенъ предводитель и они лучше не находятъ, какъ Дюка Ангіенскаго. Дракъ не усмотрѣлъ хитрости, началъ съ ними переписку и сія переписка доставляема была Бонапарту и

продолжаема была по его плану (*). Принцъ и тутъ остерегся, но властолюбіе недолго оставалось въ сомнѣніи, хитрость не помогала, оно рѣшилось употребить насиліе и Дюкъ Ангіенскій схваченъ и потомъ разстрѣлянъ; я описалъ уже то впечатлѣніе, какое произвело сіе произшествіе на Парижанъ; оно поразило всѣ чувствительныя и добрыя сердца, какія только есть въ Европѣ.

Смертію Пишегрю и Принца сія длинная драма приближилась къ концу. Жоржъ уже напередъ общимъ пригово-

---

(*) Сіе послѣднее вѣрно; ибо сія переписка напечатана, какъ извѣстно, по приказанію Бонапарта и онъ не стыдится открывать объ этой хитрости всему свѣту!

ромъ назначенъ былъ къ гильотинѣ, Моро оставался. Бонапартъ и его, еслибы можно было, удавилъ бы или разстрѣлялъ, но какъ ни дерзокъ, остановился на этомъ человѣкѣ; всеобщее уваженіе и привязанность къ нему Парижанъ, нѣкоторые поступки зрителей, бывшихъ при процессѣ, налагали на него невольное къ нему почтеніе; впрочемъ онъ и то зналъ, что естьли его и оставитъ живаго, то можно такъ отдалить, что, по добротѣ своей и по непредпріимчивости, онъ не можетъ ему препятствовать въ возвышеніи.

И такъ не дожидаясь рѣшенія слѣдствія, онъ хочетъ кончить драму; призываетъ къ себѣ блюстительныхъ Сенаторовъ и говоритъ имъ:

«Вы видите, что я въ безпрерывной опасности отъ Англичанъ; они не престанутъ строить козней противъ меня, доколѣ я не буду обезпеченъ и утвержденъ совершенно, на моемъ постѣ.» Сенаторы были поражены удивленіемъ при сихъ словахъ, они не могли представить, какого онъ способа желаетъ къ обезпеченію себя. Есть одинъ— онъ вывелъ ихъ изъ недоумѣнія, продолжая говорить— есть одинъ способъ къ тому: сдѣлать меня единовластнымъ подъ именемъ Императора и власть сію оставить въ моемъ сѣмействѣ» — Сенаторы вновь поражены были, и еще больше, сими послѣдними словами. Они не знали, что отвѣчать; боялись раздражить деспота и націю; они

отвѣчали, только уклоняя это дѣло отъ себя и говоря: мы не можемъ этого сдѣлать сами по себѣ: но если нація пожелаетъ васъ имѣть своимъ Государемъ, мы тому не воспротивимся. — О блюстители Конституціи! — «Если такъ, то нація пожелаетъ, отвѣчалъ Бонапартъ, я за то берусь, но вы держитесь теперешняго своего слова.» — Вотъ разговоръ, слышанный мною отъ достовѣрныхъ людей!

Тогда собирались избирательныя Коллегіи въ Ліонѣ, Рейнскихъ Департаментахъ и Брисселѣ; Бонапартъ въ верхній Рейнскій Департаментъ посылаетъ своего зятя Генерала *Лефевра*, въ Ліонъ Генерала *Перьньіона* родственника же, а въ Брис-

сель Адмирала *Гантома* своего приверженца. Разговоръ предыдущій не былъ хотя еще извѣстенъ въ городѣ, но уже начали говорить, что Бонапартъ хочетъ сдѣлаться Императоромъ, какъ вдругъ *Жофруа* пишетъ въ своемъ журналѣ: *Желаніе націи объ избраніи Бонапарта въ Императоры*; онъ узналъ, что городъ Ліонъ уже прислалъ къ Бонапарту свое объ этомъ предложеніе, которое въ слѣдующій же день было обнародовано; потомъ пришли подобные изъ Страсбурга, Брисселя и другихъ городовъ; тогда трибунъ *Кюре* подалъ голосъ въ Трибунатѣ о семъ же предметѣ; примѣръ первыхъ городовъ Франціи и Трибуната возбудилъ и другіе города и раз-

ныхъ чиновниковъ къ изъявленію таковыхъ же желаній, Мониторъ не вмѣщалъ уже адресовъ.

Читатель помнитъ, что одинъ только нашелся человѣкъ, которой осмѣлился ясно возражать противъ сихъ голосовъ всей *великой* (увы!) *націи*, хотя большая часть того не желала; ибо еще болѣе въ Парижѣ было шуму и аппликацій; Бонапартъ, по принятіи Императорскаго титула, не смѣлъ долго показываться ни въ театрѣ, ни на парадѣ.

Впрочемъ сіе неудовольствіе только и обнаруживалось въ театрѣ, да въ домашнихъ разговорахъ. Изъ всѣхъ Трибуновъ, подававшихъ голоса въ пользу Бонапарта, одинъ *Каріонъ Низасъ* ис-

пыталъ мщеніе раздраженныхъ Парижанъ; онъ на ту пору сочинилъ трагедію: *Петръ Великій*, и они поклялись, во чтобы то ни стало, освистать ее; и въ самомъ дѣлѣ, ни прекрасные стихи, ни Полиція, которая была имъ приготовлена, не спасли піэсы; многіе взяты подъ стражу, а піэса однакожъ освистана и пала навсегда. Мщеніе Французское, достойное великой націи!

Трибунатъ, собравши голоса, представилъ Сенату, а Сенатъ представилъ народу рѣшить только одинъ вопросъ: желаетъ ли онъ, чтобъ власть Императорская была наслѣдственная въ Бонапартовой Фамиліи? Не дожидаясь отвѣта, поднесъ между тѣмъ со всею помпою Бона-

нарту пришельцу, корону столь безчеловѣчно сорванную съ Бурбоновъ, природныхъ Государей! ближайшій товарищъ Бонапарта по прежней конституціи, второй Консулъ *Камбасересъ*, имѣлъ духъ первый назвать его *Государемъ*.

Между тѣмъ Моро стенаалъ въ оковахъ; въ началѣ слѣдствія онъ имѣлъ слабость унизиться предъ Бонапартомъ, прося у него прощенія чрезъ письмо; а передъ концомъ другую, просить: чтобъ его судили въ верьховномъ судѣ, Императоромъ учрежденномъ, по новой Конституціи, для преступленія *оскорбленія величества* и возмущенія народа. Но ему и въ томъ отказали. Ему нужна была твердость духа,

возвышеніе чувствованій къ оправданію его, безъ всякихъ другихъ доводовъ; заслуги его однѣ и имя великаго Генерала приводили уже судей въ замѣшательство: но они были бы обезоружены, ежели бы онъ соотвѣтственно своему сану отвѣчалъ на сіи допросы; народъ, бывшій зрителемъ сего слѣдствія, не могъ удержаться, чтобъ не рукоплескать при простыхъ его отвѣтахъ: что же бы было, еслибъ они сопровождаемы были твердостію духа, великимъ героямъ свойственною? Я увѣренъ, что вся многочисленная стража, окружавшая судилище, не могла бы удержать народъ, готовый при первомъ случаѣ устремиться къ избавленію Моро. Но Моро потерялъ присут-

ствіе духа; Жоржъ имѣлъ онаго болѣе; онъ поражалъ судей и зрителей сильными, короткими и смѣлыми своими отвѣтами. За чѣмъ ты пріѣхалъ въ Парижъ? спрашиютъ его. —Низвергнуть Бонапарта, отвѣчаетъ онъ.— И убить его? — Ежели бы нужно было.— Для чего ты это дѣлалъ?—Для того, что я всегда вѣренъ былъ моимъ законнымъ Государямъ и всегда шелъ противъ похитителей ихъ престола.--Жоржу удивлялись, а о Моро только сожалѣли, не смотря, что о Жоржѣ думали какъ о разбойникѣ, а Моро почитали великимъ Генераломъ.

Я приближаюсь къ послѣдней сценѣ сей плачевной и любопытной драмы. Я не могу описать, въ какомъ

страхѣ, нетерпѣніи и томительномъ ожиданіи былъ весь Парижъ въ тотъ день, когда Уголовный Судъ долженъ былъ наконецъ сдѣлать приговоръ о заговорщикахъ; извѣстно, что зала сего судилища не могла вмѣстить и тысячной доли желавшихъ быть свидѣтелями сего акта; чтобы найти мѣсто, иные приходили въ четыре часа по полуночи: во всѣхъ краяхъ города, въ лавкахъ, на площадяхъ, на улицахъ только и твердили: какъ-то рѣшатъ дѣло Моро, а о другихъ и забыли; встрѣчаясь знакомые только и спрашивали, не слышно ли, чѣмъ кончится дѣло Моро? — Проходитъ день, наступаетъ ночь — и полночь, — но нѣтъ еще рѣшенія! отъ нетерпѣливости

и спать многіе не хотѣли; нѣкоторые проходили цѣлую ночь около дома присудственныхъ мѣстъ, другіе сидѣли въ судѣ вмѣстѣ съ судьями, иные ночевали на переходахъ судилища, наконецъ въ пять часовъ рѣшено; я вышелъ со двора въ шесть, и уже кричатъ на всѣхъ улицахъ: «вотъ рѣшеніе уголовнаго суда о Моро и другихъ заговорщикахъ за два су! Всѣ хватали наперерывъ и вѣрно въ нѣсколько минутъ продано оныхъ до нѣсколька сотъ тысячь. Парижане прочли и отдохнули; они ради были, что Моро не былъ осужденъ на смерть, а на два года заключенія. Прочіе всѣ почти на смерть; Кассаціонный Судъ утвердилъ сіе рѣшеніе, но *новоформированныя* Прин-

цессы испросили нѣкоторымъ прощеніе. Моро позволено выѣхать изъ Франціи, а прочіе умерли на гильотинѣ; вотъ конецъ драмы!

Но чтобъ развеселить моихъ читателей вмѣсто дивертиссемента, я опишу въ заключеніе сего, празднество 14 Іюля.

Четырнадцатаго Іюля взята и разрушена была Бастилія, уничтожены были Ордена и всѣ отличія состояній; съ сего дня щитали Французы начало мнимой вольности и равенства, въ этотъ день Бонапартъ хотѣлъ ввесть новый Орденъ и тѣмъ освятить, такъ сказать, новыя отличія; вотъ еще черта смѣлости его характера! Онъ хотѣлъ совсѣмъ посрамить и подавить Рево-

люціонный духъ; въ другой землѣ это бы возродило фанатизмъ, и осмѣлившійся презрѣть его дорого бы заплатилъ за свою дерзость.

Церемонія была пышная; всѣ полки гвардіи и прочіе были въ парадѣ, пѣхотные стояли по обѣимъ сторонамъ дороги отъ Тюльерійскаго дворца до Инвалиднаго дома, а конные предшествовали церемоніальному шествію и замыкали его; сперва ѣхала въ великолѣпной каретѣ, осьмью лошадьми запряженной, Г-жа Бонапартъ въ предшествіи и сопровожденіи разныхъ новоформированныхъ придворныхъ и другихъ чиновниковъ; потомъ самъ Бонапартъ въ простомъ мундирѣ, верьхомъ, въ сопровожденіи всѣхъ Генераловъ, въ блес-

тящихъ мундирахъ, при наемныхъ восклицаніяхъ или вынужденныхъ крикахъ: *да здравствуетъ Бонапартъ*; онъ удостоивалъ зрителей улыбкою и на поклоны ихъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, не скидая шляпы, но чернь и тѣмъ была довольна; смотри, смотри, кричали около меня, онъ намъ кланяется. И Парижская чернь есть таже чернь, какъ вездѣ; она не знаетъ, чему удивляется, чему радуется и за что раздражается. За нѣсколько лѣтъ съ яростію стремилась на истребленіе Бурбоновъ и древняго своего дворянства, теперь удивляется блеску новаго, и чувствительна къ поклонамъ того, который за нѣсколько лѣтъ самъ смѣшанъ былъ въ толпѣ черни.

Раздавъ съ трона сіи ордена, Бонапартъ возвратился въ чертоги свои съ такою же церемоніею. По вечеру были концерты, илюминація и великолѣпный фейерверкъ; стеченіе народа днемъ и ночью было чрезвычайное. Этотъ праздникъ называли Парижане *погребеніемъ республики*.

Теперь спросимъ самихъ себя: что выиграли Французы Революціей?

Делиль говоритъ, что безчисленными нещастіями они купили тѣнь одну обѣщаннаго щастія, но мнѣ кажется и тѣни даже нѣтъ. Послѣ кровопролитнѣйшей войны извнѣ и послѣ ужаснѣйшихъ кровопролитій внутри, послѣ испроверженія порядка, устройства и религіи, послѣ конеч-

наго поврежденія нравовъ, послѣ упадка торговли и мануфактуръ, что они теперь имѣютъ? вмѣсто Короля — Императора, послѣ древнихъ Князей и Дюковъ имѣютъ новыхъ, послѣ Кавалеровъ Св. Людовика — почетный Легіонъ, послѣ тяжкихъ податей — втрое тягчайшія, вмѣсто Парламента, ограничивавшаго власть Королевскую — Сенатъ, ничего не могущій противопоставить власти Бонапарта. И такъ ихъ весьма хорошо сравнить съ лягушками, Эзопомъ описанными, которыя не хотѣли имѣть Царемъ чурбана, а выпросили себѣ журавля, который то и дѣло ихъ клевалъ носомъ своимъ.

III.

ПРИВѢТСТВІЕ

ВЕЛИКОЙ НАЦІИ ОТЪ ЕЯ ИСТИННАГО ПОЧИТАТЕЛЯ (*).

Великая нація! — такъ научился я называть тебя у великаго мужа, *добровольно* удалившагося изъ прекрасной страны твоей на тѣсный островъ Ельбы, и нынѣ паки

(*) Оно написано въ 1815 году по возвращеніи Бонапарта съ острова Ельбы и тогдаже напечатано. См. Вѣст. Евр. № 9. 1815 года.

возвратившагося съ желаніемъ возсѣсть на тронѣ, отъ коего съ небольшимъ за годъ отрекся за себя и за свое потомство, — у краснорѣчивыхъ ораторовъ твоихъ, у высокопочтенныхъ Префектовъ и Меровъ добрыхъ городовъ твоихъ, у патріотовъ представителей твоихъ, у блюстителей Сенаторовъ и наконецъ у достойныхъ тебя журналистовъ и газетеровъ! — Безподобная нація! — такъ научился я называть тебя у своихъ мамушекъ, учителей, гувернеровъ, бывшихъ при мнѣ въ нема-

---

Съ одной стороны хотѣлъ я представить вѣтреность Французовъ, съ другой въ лицѣ Галломанова слѣпое къ нимъ пристрастіе многихъ Рускихъ. Ц.

ломъ числѣ изъ твоихъ граждань и гражданокъ,— у родителей моихъ, которые тебя любили болѣе всѣхъ націй, даже болѣе своей. — Единственная, безпримѣрная нація!—такъ убѣдился я называть тебя съ тѣхъ поръ, какъ началъ читать Исторію, въ которой ни одного народа не нахожу подобнаго тебѣ, ни въ одномъ не усматриваю произшествій, подобныхъ твоимъ важностію, скоростію, разнообразностію; ни въ одномъ не вижу такихъ характеровъ великодушія, твердости, такой силы ума, такого дара краснорѣчія, такихъ ораторовъ, политиковъ, законодателей! — Позволь мнѣ, восторженному новыми событіями, въ предѣлахъ твоихъ совершающимися,

возвысить гласъ моего удивленія и привѣтствовать тебя съ новою славою, оными приобрѣтенною, позволь тому, который почитаетъ себя обязаннымъ тебѣ ежели не бытіемъ своимъ, по крайней мѣрѣ сохраненіемъ онаго (*) и образованіемъ ума и сердца, — тому, котораго первое лепетаніе было на твоемъ языкѣ, который прежде нежели имѣлъ понятіе о чемъ нибудь отечественномъ, уже восхищался прекрасною твоею страною, несравненнымъ Парижемъ, всѣми твоими произведенія-

---

(*) При рожденіи моемъ Акушеръ былъ Французъ, Доктора, лѣчившіе меня съ тѣхъ поръ до нынѣ, все были Французы. Прим. Галломанова.

ми, и изобрѣтеніями отъ уксуса четырехъ разбойниковъ до Шампанскаго, отъ рулетки до велоцифера, — тому, который не любитъ ни одного художника, кромѣ Француза, который Французскихъ учителей и учительницъ почиталъ ученѣе всѣхъ въ свѣтѣ, который ни съ кѣмъ не желаетъ имѣть знакомства и дружбы и дѣлить время, какъ съ Французами, словомъ, тому, который съ младенчества навыкъ любить, почитать, и даже обожать тебя, единую изъ націй: — позволь ему принести тебѣ сердечную дань достодолжной хвалы!!

Бонапартъ опять правитъ Франціею, торжественно отказавшись отъ того навсегда; а Король, призван-

ный народомъ, клятвенно обѣщавшимся защищать его, не щадя жизни, удалился изъ оной. Отъ береговъ Средиземнаго моря до Парижа Бонапартъ не встрѣтилъ ни какого сопротивленія, не слыхалъ ни одного противъ себя выстрѣла; а Король отъ Парижа до границъ Франціи не имѣетъ ни гдѣ безопаснаго пристанища; чужестранцы его спасаютъ и защищаютъ. Братья Бонапартовы съѣзжаются со всѣхъ сторонъ безпрепятственно; Принцы Французскіе съ трудомъ избѣгаютъ плѣна, оковъ, а можетъ быть и еще ужаснѣйшихъ послѣдствій. Французскіе Маршалы на канунѣ даютъ Королю присягу въ вѣрности и увѣряютъ въ преданности и приверженности

своей, а на другой день пристаютъ къ Бонапарту.— Я слышу, со всѣхъ сторонъ мизогаллы вопіютъ: это вѣроломство, клятвопреступленіе, измѣна, оскорбленіе величества, гнусная подлость и низкое предательство! — Какія грубыя выраженія, какія готическія мнѣнія! Остановитесь, прекратите свои вопли; я напротивъ думаю, я, воспитанный по новой Французской методѣ, вижу въ сихъ событіяхъ совсѣмъ другое, и постараюсь доказать. — Ежели всякой обыкновенной человѣкъ *слову своему господинъ* и по праву сему можетъ располагать имъ по произволенію, т. е. давать и брать его назадъ, когда хочетъ; то тѣмъ болѣе необыкновенный

человѣкъ (*), и еще болѣе великая нація и всѣ къ ней принадлежащіе великіе Дигнитаріи, Маршалы, Префекты, Сенаторы, Законодатели и даже Члены національнаго Института: въ старину только думали, что быть господиномъ слова своего значитъ хранить его свято; въ нынѣшнія просвѣщенныя времена поняли истинный смыслъ сего выраженія и объясняютъ его, какъ выше сказано, согласно съ юридическимъ значеніемъ права господскаго. Вы сошлетесь еще на нашихъ предковъ,

---

(*) l'homme extraordinaire, такъ величали его прежде, нежели великая нація нарекла его *великимъ*. Прим. Галлмнан.

которые утверждали, что не сдержать слова, не только клятвы или присяги, стыдно; но они были еще большіе варвары, нежели мы. Я слыхалъ, что нѣкоторые грубые современники наши самыя названія старинной азбуки, т. е. *рцы*, *слово*, *твердо*, принимаютъ за нравоучительное правило и утверждаютъ, что должно ему слѣдовать; но, какое невѣжество! какая превратность—азбуку превращать въ ѳетку!—

Да не стыдно ли для великой націи—продолжаютъ возражать мизогаллы — такъ часто мѣнять Конституціи? Сколько ихъ было въ теченіе 25 лѣтъ, и еще обѣщаетъ скоро издать новую! — Но здѣсь-то открываются во всемъ блескѣ и во всемъ про-

странствѣ высокія дарованія Французовъ. Если мы каждаго древняго Законодателя почитаемъ великимъ человѣкомъ, нѣкіимъ геніемъ для своего народа: то какое множество представляетъ Франція геніевъ и великихъ людей!—Начиная съ перваго года революціи, она имѣла по крайней мѣрѣ 8 Конституцій, изъ которыхъ каждую не одинъ человѣкъ составлялъ, а многіе; какойже народъ можетъ похвалиться толикимъ числомъ великихъ людей и геніевъ, не только въ теченіе 25 лѣтъ, но и нѣсколькихъ вѣковъ политическаго своего бытія?

Но пусть нѣкоторые изъ Французскихъ Законодателей и Политиковъ одни и тѣ

же участвовали въ сочиненіи двухъ или трехъ Конституцій, одна другой противорѣчущихъ; это еще болѣе обнаруживаетъ силу и гибкость ихъ ума, знаніе Монтескіева правила, что законы должно соображать времени, обстоятельствамъ и обычаямъ народнымъ!—Прославляя Законодателей и Политиковъ, не могу не упомянуть объ Ораторахъ, гремѣвшихъ даромъ слова въ разныхъ сословіяхъ, т. е. въ Совѣтахъ, въ Конвентѣ, Національномъ Собраніи, Директоріи, Сенатѣ, Законодат. Корпусѣ, Трибунатѣ и проч. которые, одни и тѣже, умѣли по встрѣтившейся надобности доказывать права народа на неограниченную свободу и равенство, законность

одного лишь республиканскаго Правленія, опровергать Христіанскую вѣру и проповѣдывать Божеское почитаніе разума; а послѣ, опровергнувъ прежнее свое ученіе, доказывали невозможность бытія свободы и равенства, святость религіи и пользу деспотизма. Какой даръ слова! какое искуство управлять языкомъ и дѣйствовать на умы и чувства своихъ слушателэй и читателей! Не удивляемся ли вы, при публичныхъ состязаніямъ, дарованіямъ тѣхъ, которые умѣютъ свободно защищать и опровергать одно и тоже положеніе какой-либо науки? А составлять силлогизмы по *barbara celarent* и спорить объ ученыхъ дѣлахъ гораздо легче, нежели доказывать и опять

опровергать гражданскія и политическія постановленія, предлагаемыя просвѣщенному глубокомысленному и основательному народу, каковъ есть Французскій. Теперь признайтесь, что значатъ древніе Солоны и Ликурги, Ромулы и Юстиніаны, Демосѳены и Цицероны?

Но слава дарованій Законодателей, Политиковъ и Ораторовъ Французскихъ не омываетъ, скажутъ, стыда цѣлаго народа, который каждому Правленію и Правителю присягалъ въ вѣрности, при изданіи каждой конституціи присягалъ хранить и защищать ее, не щадя жизни? Напротивъ, это показываетъ геройскую его неустрашимость, презирающую

смерть. Было 8 Конституцій, и Французскій народъ готовъ былъ за всякую жертвовать жизнію; это значитъ —готовъ былъ 8 смертей претерпѣть, и я увѣренъ, что онъ готовъ претерпѣть еще хоть 10 смертей, если угодно будетъ издать еще 10 Конституцій: а сія готовность на смерть не значитъ ли безпримѣрную неустрашимость? Говоря о неустрашимости, не льзя умолчать о твердости и непоколебимости духа Французовъ, особенно обитающихъ въ Парижѣ. Я не могу безъ удивленія вспомнить о томъ днѣ, когда Благословенный АЛЕКСАНДРЪ съ храбрыми Своими и союзными войсками вступилъ въ столицу Франціи; были ли тогда огорчены

Парижане? Обнаружили ли хотя малое прискорбіе и уныніе при видѣ своихъ побѣдителей, конечно великодушныхъ, но все побѣдителей? Напротивъ, всѣ сохранили хладнокровіе и твердость духа; всѣ съ веселіемъ спѣшили на встрѣчу имъ, наполняли воздухъ радостными восклицаніями; театры, кофейные домы, бульвары наполнены были ликующими, точно какъ бы они освободили Парижъ отъ осады, опразивъ осаждающихъ. Какой же другой народъ можетъ равнодушно смотрѣть на занятіе врагами столицы своего отечества? Мы, жители Москвы, не вышли на срѣтеніе великаго мужа и достойныхъ его сподвижниковъ: но, чтобъ даже не видать ихъ, оставили

жилища свои; а съ какою горестію приняли не только Москвитяне, но и всѣ Россіяне первое извѣстіе о занятіи древней нашей Столицы! и духъ мщенія одушевилъ всѣхъ отъ поселянина до вельможи,- всѣ возстали, и вмѣсто того, чтобъ угощать посѣтителей, всякой, кто только могъ, предавалъ ихъ смерти: подлинно Французы учтивѣе и ласковѣе насъ Рускихъ! Правда, и мы сдѣлали имъ учтивость, заплативши такъ скоро за визитъ; но за то какъ грубо ихъ встрѣчали и провожали!

Въ заключеніе я бы могъ еще представить разныя нравственныя черты характера Французской націи изъ наблюденій, сдѣланныхъ мною

въ самомъ Парижѣ, какъ-то: строгость въ поведеніи обоихъ половъ, удаленіе отъ всякой роскоши, вѣрность въ супружествѣ, неизмѣнность въ дружбѣ; но я имѣлъ предметомъ только прославленіе новѣйшихъ ея подвиговъ и защищеніе ихъ отъ порицателей, чѣмъ и ограничу себя.

И такъ, великая, единственная нація! гордись, величайся новыми своими подвигами! Возвышайся отъ славы къ славѣ! Все, что ни учинено тобою съ начала революціи до нынѣ, все безпримѣрно; потомство едва повѣритъ возможности такихъ скорыхъ и рѣшительныхъ перемѣнъ правленій.

А отъ меня, присяжнаго

Галломана, прими благосклонно искреннія увѣренія въ достодолжномъ къ тебѣ почтеніи, которое до конца жизни моей не только не уменьшится, но еще усугубиться можетъ при первомъ извѣстіи о новыхъ твоихъ подвигахъ. Какъ нелицемѣрный твой приверженецъ даю тебѣ обѣтъ продолжать во всю жизнь патріотическое свое поведеніе, т. е. ничего нигдѣ не покупать для жены, кромѣ какъ во Французскихъ лавкахъ; ничего не заказывать для себя, кромѣ какъ Французскимъ мастеровымъ, хотя бы въ Рускихъ лавкахъ и у Рускихъ мастеровыхъ было лучше, дешевлѣ и прочнѣе; что и дѣтямъ моимъ не премину еще при жизни моей внушить, а если мало, то и

завѣщаніемъ предпишу.— Почто лично не могу увѣрить тебя, Великая, въ сихъ чувствахъ усердія моего! Нѣсколько разъ посѣщалъ я столицу твою; по любви моей къ тебѣ угощалъ твоихъ сочинителей и актеровъ, актрисъ и танцовщицъ, посѣщалъ театры и осматривалъ всѣ достопамятности Палерояля, и отъ того прожилъ почти все свое имѣніе, и надѣлалъ множество долговъ; нынѣ едва могу зимою содержаться въ Москвѣ, не только путешествовать; Московской домъ мой, по великодушію Наполеона и его воиновъ, сгорѣлъ, а деревни разорены; но я утѣшаюсь и тѣмъ, что часто посѣщаю Кузнецкой мостъ, малый нашъ Парижъ, откуда возвра-

тясь, пишу сіи строки, которыя да будутъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ моей къ тебѣ преданности!

Галломановъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи *Стран.*

I. Наружный видъ Парижа. 11

II. Многолюдство и движеніе въ Парижѣ. 21

III. Предметы, видимые на улицахъ Парижа. . . 26

IV. Достопамятности Парижскія. 35

V. Любопытнѣйшія зданія: Тюльери. 39

VI. Лувръ. 51

VII. Пантеонъ. 53

VIII. Домы Сената, Законодательнаго корпуса. . 57

IX. Инвалидной домъ. . . . 64

X. Домъ Трибуната или Пале—Рояль. 70

XI. Заведенія для народнаго Просвѣщенія. . . . 78

XII. Музей Натуральной Исторіи. 80

Статьи. *Стран*

XIII. французская Коллегія, прежде бывшая Королевская. 83

XIV. Школа Политехническая. 88

XV. Медицинскія школы. Лицеи и другія училища. 90

XVI. Училище глухо-нѣмыхъ. 94

XVII. Училище слѣпыхъ . 109

XVIII. Атенеи. 112

XIX. Національная библіотека. 117

XX. Кабинетъ Натуральной Исторіи Г. Лесажа. 125

XXI. Музей антиковъ и картинная галлерея. 128

XXII. Музей Французскихъ памятниковъ 132

XXIII. Музей художествъ. 135

Статьи *Стран.*

XXIV. Состояніе наукъ и художествъ въ Парижѣ и во Франціи. 138

XXV. Институтъ 170

XXVII. Изящныя художества. 175

XXVIII. Промышленность. . . 177

XXIX. Состояніе торговли. 183

XXX. Гошпитали, больницы. 185

XXXI. Увеселенія Парижскія. 191

XXXII. Взглядъ на Французской театръ вообще. 197

XXXIII. Театръ Французской. 209

XXXIV. Театръ Лувуа или Пикаровъ. 221

XXXV. Большая опера. . . . 223

XXXVI. Малая опера. 233

XXXVII. Театры: водевиль и Монтансье. 235

XXXVIII. Разныя другія развлеченія. 239

Статьи *Стран.*

XXXIX. Характеръ, нравы и обычаи Парижанъ. 24

XL. Удобства и пріятности жизни Парижской. 274

XLI. Правленіе и законы. 281

ТРИ ОТДѢЛЬНЫЯ ПІЭСЫ:

I. Нѣчто о Бонапартѣ. 315

II. Заговоръ Жоржа, смерть Принца Ангіенскаго, возвышеніе Бонапарта. . 321

III. Привѣтствіе Великой націи. . . . 353

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Напечатано.	Читай.
27.	cirer	cirez
—	овой	новой
36.	въ ща-	въ ша-
115.	многіе	многія
—	иму зыкѣ	и музыкѣ
145.	машинъ	машинъ
193.	пріѣхавъ	пріѣхалъ
202.	старшныя	страшныя
211.	они	онѣ
256.	предпринимаетъ	принимаетъ
316.	взглятъ	взглядъ
344.	возвышеніе	возвышенность
345.	страши- ютъ	страшика- ютъ.

H 29 82

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: APR 2001

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS

0 007 627 246 3